

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

НАУЧНАЯ СЕССИЯ

**профессорско-преподавательского состава,
научных сотрудников и аспирантов
по итогам НИР за 2024 год**

Сборник научных трудов

Санкт-Петербург
2025

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

ГУМАНИТАРНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

**НАУЧНАЯ СЕССИЯ
профессорско-преподавательского состава,
научных сотрудников и аспирантов
по итогам НИР за 2024 год**

Сборник научных трудов

Под редакцией С.И. Тягунова, К.А. Ермилова

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2025**

ГРНТИ 02.01.07

ББК 87

A43

A43 **Актуальные** проблемы общественных наук. Научная сессия профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов по итогам НИР за 2024 год : сборник научных трудов / под ред. С.И. Тягунова, К.А. Ермилова. — СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2025. — 107 с.

ISBN 978-5-7310-6918-2

Материалы сборника содержат тексты, посвященные актуальным проблемам в области истории, филологии, философии, науки и культуры.

Издание адресовано студентам, аспирантам и преподавателям, интересующимся вопросами истории, языкознания и философско-методологическими проблемами современной науки и культуры.

ГРНТИ 02.01.07

ББК 87

Рецензенты:

С.А. Мартынова — канд. филос. наук, доцент кафедры философской антропологии и истории философии РГПУ им. А.И. Герцена

К.А. Очеретянный — канд. филос. наук, старший преподаватель кафедры философии науки и техники СПбГУ

ISBN 978-5-7310-6918-2

© СПбГЭУ, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. Филология

<i>О.В. Хрипункова.</i> «Елеазар» Леонида Андреева: между светом жизни и мраком небытия	4
<i>Е.Н. Матюшкина.</i> Исторический роман: история и современность	10
<i>И.Ю. Размашкин.</i> Универсальная методическая установка «Делай по аналогии» в преподавании РКИ на примере одной модели синтаксической синонимии	15
<i>А.Р. Матвеев.</i> Основные тенденции в новейшей русской прозе: постмодернизм и его освоение	24

Раздел II. История

<i>Е.И. Белова.</i> Повседневные практики в период Первой мировой войны ..	30
<i>М.В. Кузенкова.</i> К вопросу об истории суда присяжных в России	41
<i>Е.Г. Щемелева.</i> Из истории развития международных организаций в сфере туризма	49
<i>Д.М. Демидович.</i> Доходные дома Петербурга второй половины XIX — начала XX века как пространство повседневности	53
<i>К.Д. Сулейманова.</i> Нота П.Н. Милюкова: 18–19 апреля 1917 года	58

Раздел III. Философия

<i>С.И. Тягунов.</i> Проблема достоверности в познании.....	62
<i>Г.В. Хомелев.</i> Философские предпосылки богословия св. Дионисия Ареопагита: о противоречиях религиозного представления всемогущества Божьего в христианской теодицее	67
<i>О.Д. Маслобоева.</i> Основоположение органической теории в творчестве Д.М. Велланского	73
<i>А.А. Рябов.</i> Теория культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского как начало цивилизационного понимания истории: актуальность, дискуссионность, альтернативность	80
<i>М.И. Панфилова.</i> Метафизика света в творчестве Н.А. Бердяева	88
<i>К.А. Ермилов.</i> К вопросу о формах жизни в философии Генриха Риккертта	93
<i>А.А. Черных.</i> «Странности» материалистического монизма К.Э. Циолковского	97
<i>Н. С. Власкина.</i> Две ступени «Пайдеии»: воспитание стражей и правителей в диалоге Платона «Государство»	102

РАЗДЕЛ I. ФИЛОЛОГИЯ

УДК 821.161.1

«ЕЛЕАЗАР» ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА: МЕЖДУ СВЕТОМ ЖИЗНИ И МРАКОМ НЕБЫТИЯ

*Хрипункова Оксана Васильевна,
канд. культ., доцент кафедры общественных наук,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет.
E-mail: khripunkova.oxana@yandex.ru*

«ELEASAR» BY LEONID ANDREEV: BETWEEN THE LIGHT OF LIFE AND THE DARKNESS OF NON-EXISTENCE

*Oksana Khripunkova,
Associate Professor of the Department of Social Sciences,
Saint-Petersburg State University of Economics*

Аннотация. Целями работы являются исследование философских и символических аспектов рассказа Л.Н. Андреева «Елеазар» и раскрытие его мировоззренческих и художественных особенностей. Для достижения данной цели в статье был применен метод текстологического анализа произведения в сочетании с изучением критических откликов современников. В результате были выявлены черты психологического реализма, символизма и экзистенциализма в образе Елеазара, а также полемический характер интерпретации героя Андреевым в диалоге с литературной критикой начала XX века. Автор статьи приходит к выводу, что, несмотря на мрачный тон повествования, рассказ «Елеазар» утверждает ценность человеческой жизни, подчеркивая ее значимость вопреки экзистенциальному ужасу небытия.

Abstract: The aim of this work is to examine the philosophical and symbolic aspects of L.N. Andreev's story "Eleazar" and to reveal its worldview and artistic features. To achieve this goal, the article uses a method of textual analysis of the work in

combination with a study of critical responses from contemporaries. As a result, features of psychological realism, symbolism, and existentialism were identified in the image of Eleazar, as well as the polemical nature of Andreev's interpretation of the character in dialogue with literary criticism of the early 20th century. The author of the article concludes that, despite the gloomy tone of the narrative, the story "Eleazar" affirms the value of human life, emphasizing its significance in spite of the existential horror of non-existence.

Ключевые слова: Леонид Андреев; символический подтекст; экзистенциализм.

Keywords: existentialism: Leonid Andreev; symbolic subtext.

Леонида Николаевича Андреева называли писателем психологического реализма, хотя его метод с трудом поддается точному определению. Стиль писателя отличается самобытностью и своеобразием. В его произведениях присутствуют и психологический реализм, и элементы авторской игры, и отдельные черты экзистенциализма, и символический подтекст.

Художественные образы Андреева, при всей их реалистичности, непременно несут некую символическую нагрузку. Это образы-символы, выражающие определенную философскую идею, авторскую концепцию. Именно в силу этой символичности образы Андреева получали различную трактовку.

Рассказ Андреева на библейскую тему «Елеазар» был впервые опубликован в журнале «Золотое руно» в 1906 году.

Этот рассказ, как, впрочем, и многие другие произведения Андреева, вызвал бурную полемику в литературных кругах.

Максим Горький был одним из немногих, если не единственным, кто дал высокую оценку художественным достоинствам «Елеазара», с той, однако, оговоркой, что он категорически не приемлет его философской концепции.

Отзывы других современников на это произведение были скорее негативными, причем в отрицательной оценке «Елеазара» сошлись представители самых разных течений, порой противоположных друг другу.

Например, представительница символизма Зинаида Гиппиус писала в «Весах»: «Фантастические сюжеты, "мистическая" обстановка крайне невыгодны для Л. Андреева: вся грубость, вся примитивная его некультурность и вытекающая из нее беспомощность выступают особенно выпукло и резко, как только Л. Андреев хочет оторваться от реальных форм быта» [3, с. 59].

А представитель так называемой «левой» критики А.В. Луначарский, назвав Андреева «самым могильным могильщиком», «эмиссаром

смерти» и «гробокопателем», так отозвался о его рассказе: «“Элеazar” превосходный образчик у-укающей литературы. Это страх смерти в чистейшем его виде, “у-у-у” на самых высоких, сердце надрывающих нотах» [4, с. 156].

Андреев, по его мнению, «сам того не зная, воскресшему Христу, герою, носителю Идеи, противопоставил воскресшего Лазаря, ничтожество, мещанина» [4, с. 156].

Идея всемогущего божественного милосердия привлекла когда-то к сюжету о воскрешении Лазаря внимание Ф.М. Достоевского, и он опоэтизировал его в «Преступлении и наказании». В религиозном экстазе Сонечки Мармеладовой, читающей Раскольникову евангельский рассказ, автор излил свою тоскующую веру в воскрешение заблудшей своевольной человеческой души. Именно с этого переломного момента и начинается в романе духовное перерождение героя.

Л. Андреев, развивающий идеи Достоевского, на этот раз с самого начала вступает с ним в полемику.

Сюжет о воскрешении Лазаря Иисусом мы встречаем в самом поэтичном Евангелии Нового Завета — Евангелии от Иоанна. Данному событию евангелист уделяет не много места. И хотя оно представляет собой лишь небольшой эпизод в повествовании о чудесных деяниях Христа, это действие имеет огромное значение для христианской доктрины.

Андреев в своем рассказе не переосмысливает и не повторяет евангельский сюжет, он продолжает его с того самого момента, на котором остановился евангелист.

Идея писателя продолжить, дополнить Евангелие наталкивает нас на размышления. Что же случилось с Лазарем после его воскрешения? Как сложилась его дальнейшая судьба? И почему, воскрешенный столь чудесным образом, возвращенный к жизни, словно родившийся во второй раз, он не последовал за своим учителем, не стал Его апостолом и не проповедовал христианство, подобно другим ученикам Христа? Неужели столь значительное событие, как воскрешение из мертвых, не перевернуло всю его жизнь, его мировоззрение, не сделало его поборником новой веры? Ведь, казалось бы, он должен был после этого стать неотступным спутником и вернейшим учеником Иисуса. Так что же случилось с Лазарем? Почему об этом умалчивает евангелист? Он словно чего-то недоговаривает, оставляет этот вопрос открытым, что и дало столь благодатную почву для фантазии художников на эту тему.

«Когда Елеazar вышел из могилы, где три дня и три ночи находился он под загадочною властью смерти, и живым возвратился в свое жилище, в нем долго не замечали тех зловещих странностей, которые со временем сделали страшным самое имя его», — так начинает Андреев свой рассказ о воскрешении Елеазара [1, с. 192].

Читатель вначале словно окунается в атмосферу светлой радости, царящей в доме Марии и Марфы — любящих сестер чудесно воскресшего. И пышные одежды ярких цветов, и смех, и всеобщее ликование, и теплые взгляды любви, и веселая музыка, исполняемая призванными на пир музыкантами, — все это рисует картину счастья и беззаботного веселья, которая является у Андреева фоном для разворачивающихся далее страшных событий.

В описании внешности воскресшего Елеазара Андреев близок к традициям натурализма. Он так красочно живописует отвратительные анатомические подробности разрушающего воздействия смерти на человеческое тело, что М. Волошин в свое время упрекнул его в «нездоровом» пристрастии к «анатомическому театру» [2, с. 41].

Портрет Елеазара, нарисованный автором, поистине ужасающ: «Очевидно, разрушительная работа смерти над трупом была только остановлена чудесной властью, но не уничтожена совсем; и то, что смерть уже успела сделать с лицом и телом Елеазара, было как неоконченный рисунок художника под тонким стеклом. На висках Елеазара, под его глазами и во впадинах щек лежала густая землистая синева; так же землисто-сини были длинные пальцы рук, и у выросших в могиле ногтей синева становилась багровой и темной. Кое-где на губах и на теле лопнула кожа, вздувшаяся в могиле, и на этих местах оставались тонкие, красноватые трещинки, блестящие, точно покрытые прозрачной слюдой. И тучен он стал. Раздутое в могиле тело сохранило эти чудовищные размеры, эти страшные выпуклости, за которыми чувствуется зловонная влага разложения» [1, с. 192–193].

Образ Елеазара, представленный в рассказе Андреева, целиком принадлежит перу автора. В Евангелии о Лазаре не сказано ничего, кроме того, что Иисус любил его, нет никаких характеристик этого человека. Можно только предположить, что он был хорошим человеком, так как Иисус «восскорбел духом и прослезился» [5, Иоанн 11:35], узнав о его смерти и, более того, Он решил вернуть Лазаря к жизни, значит, считал его достойным этого чуда.

Андреев же сообщает нам о том, что «до смерти своей Елеазар был постоянно весел и беззаботен, любил смех и безобидную шутку. За эту приятную и ровную веселость, лишённую злобы и мрака, так и возлюбил его Учитель» [1, с. 193]. Но все это осталось в прошлом, в той первой жизни Лазаря, было до того, как он переступил страшную черту, отделяющую жизнь от смерти, переступил и вернулся обратно, принесся с собой в мир живых дыхание небытия.

Теперь же, в своей второй жизни, он «тяжелый и молчаливый, уже до ужаса другой и особенный» [1, с. 193]. «Другой и особенный», потому что проклятый знанием, потому что познал то, что находится за по-

рогом смерти, то, что не следует знать человеку, иначе он не сможет продолжать жить.

А Елеазар познал непостижимое и вернулся к жизни, живет среди людей, смотрит на них, передавая им взглядом ужасное знание, и убивает их этим, заражая самой страшной болезнью — равнодушием к жизни: «И все лица покрыла, как пыль... мертвая серая скука, и с тупым удивлением гости озирали друг друга... и продолжали сидеть, все оторванные друг от друга, как тусклые огоньки, разбросанные по ночному полю» [1, с. 193].

Люди не должны переступить границу дозволенного, иначе они могут потерять свою человечность. Человек, познавший тайну бытия, перестает быть человеком, потому что эта истина непостижима для человеческого понимания. Такова философия рассказа Андреева.

Герой Андреева Елеазар был там, где царит Ничто, и познал эту непостижимую истину бытия. Им овладело безразличие, из-за которого он перестал видеть разницу между прекрасным и уродливым, добром и злом, жизнью и смертью.

Все те, на кого Елеазар смотрел своим мертвым взором, также начинали по-особому видеть мир: «Одна и та же страшная тень опускалась на души и новый вид давала старому знакомому миру. <...> Все предметы, видимые глазом и осязаемые руками, становились пусты, легки и прозрачны — подобны светлым теням во мраке ночи становились они; ибо та великая тьма, что объемлет все мироздание, не рассеивалась ни солнцем, ни луною, ни звездами... <...> и в пустоте двигался беспокойно человек, и сам был пуст и легок, как тень; ибо не стало времени, и сблизилось начало каждой вещи с концом ее... и, объятый пустотою и мраком, безнадежно трепетал человек перед ужасом бесконечного» [1, с. 198].

Вот как воспринимает мир человек, получивший великое знание из глаз Елеазара. И это страшное знание убивает все.

Елеазар убивает искусство. Скульптор Аврелий, познавший истину, перестал творить прекрасное. После встречи с Елеазаром «Аврелий больше ничего не создал. С глубоким равнодушием он смотрел на мрамор и на бронзу, и на свои прежние божественные создания, на которых почилла бессмертная красота» [1, с. 202].

Елеазар убивает и радость пьяницы, который вдруг понял, что истина отнюдь не в вине. И от этого знания навсегда кончилась его радость. Взглянув в глаза Елеазару, пьяница «на всю жизнь остался... пьяным; уже не пил ничего, но оставался пьяным, — но, вместо радостных грез, что дает вино, страшные сны осенили несчастную голову его» [1, с. 204].

Елеазар убивает любовь. Влюбленные юноша и девушка познали истину, после чего любовь их сделалась «печальной и сумрачной» и они

«чувствовали себя дважды рабами: покорными рабами требовательной жизни и безответными слугами грозно молчащего Ничто» [1, с. 204].

Елеазар убивает мудрость. То, чем более всего гордится человек, что он лелеет более всего — свое постоянное стремление к познанию. Но стремление к познанию не есть само познание, которое вдруг оказывается невыносимым бременем для гордого человеческого разума: «...уже почувствовал мудрец, что знание ужасного — не есть еще ужасное, и что видение смерти — не есть еще смерть. И почувствовал он, что мудрость и глупость одинаково равны перед лицом Бесконечного, ибо не знает их Бесконечное. И исчезла грань между ведением и неведением, между правдой и ложью, между верхом и низом, и в пустоте повисла его бесформенная мысль» [1, с. 205].

Современники упрекали Андреева в том, что его рассказ является апологией смерти. Однако автор, напротив, утверждает в нем жизнь и стремление к жизни вопреки всему.

Эта идея очень ярко выражена в сцене встречи Августа с Елеазаром. Император, чувствуя в своей груди трепет жизни и благословляющий ее, познал страшную истину бытия. Однако, несмотря на это великое знание, он решил жить. Пусть жизнь — это всего лишь фарс, пусть она бессмысленна и ни к чему не ведет, а люди — это всего лишь «хрупкие сосуды с живой, волнующей кровью, с сердцем, знающим скорбь и великую радость» [1, с. 208]. Но если жизнь для чего-то дана человеку, то нужно продолжать жить, несмотря ни на что. Так считает Август, и так же думает автор рассказа: «И так, размышляя и чувствуя, склоняя весы то на сторону жизни, то на сторону смерти, он медленно вернулся к жизни, чтобы в страданиях и радости се найти защиту против мрака пустоты и ужаса бесконечного» [1, с. 208].

В рассказе «Елеазар» Андреев отнюдь не воспевает смерть. Он лишь призывает к тому, чтобы человек раньше времени не стремился познать то, что находится за границами познания; чтобы не пытался заглянуть за плотную завесу, отделяющую мир живых от мира мертвых.

«По эту сторону — прекрасная жизнь, по ту сторону — загадочная смерть, размышлял он, и ничего лучшего не может придумать человек, как живя радоваться жизни и красоте живого» — именно такое жизненное кредо проводит автор устами одного из своих героев — скульптора Аврелия [1, с. 199]. Не случайно он вкладывает эту мысль в уста человека искусства.

Возможно, этот рассказ явился полемикой с представителями символизма, которые постоянно стремились смешать жизнь со смертью и перекинуть мост от одной бездны к другой.

Так, несмотря на общий мрачный пафос рассказа, философская его подоплека отнюдь не так мрачна и пессимистична, какой увидели ее со-

временники Андреева. Данное произведение по-своему служит утверждению жизни. Что бы ни ожидало человека за порогом смерти — ад, рай или пустота, небытие, — люди должны жить полной жизнью и наслаждаться ею, принимать ее горести и радости. Именно это является основной мыслью рассказа Л. Андреева «Елеазар».

Список литературы

1. Андреев Л.Н. Собр. соч. в 6 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1990. Т. 2. 560 с.
2. Волошин М.А. Леонид Андреев // Весы. 1907. № 6. С. 35–48.
3. Гиппиус З.Н. Леонид Андреев // Весы. 1907. № 5. С. 56–64.
4. Луначарский А.В. // Литературный распад. Критический сборник № 1. Изд. 2-е. СПб., 1908. С 149–150.
5. Святое Евангелие. СПб.: Скрижаль, 2018. 528 с.

УДК 821.161.1

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН: ИСТОРИЯ И ВЫМЫСЕЛ

*Матюшкина Екатерина Никитична,
кандидат филологических наук, доцент кафедры общественных наук,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет.
E-mail: Ekaterina-matyush@yandex.ru*

HISTORICAL NOVEL: HISTORY AND FICTION

*Ekaterina Matyushkina,
Associate Professor of the Department of Social Sciences
Saint Petersburg State University of Economics*

Аннотация. В статье исследуется специфика соотношения исторических фактов и вымысла в жанре исторического романа, при этом используются социокультурный и историко-литературный методы. Следует отметить, что жанр исторического романа не прекращает своего развития и в XXI веке. В этом контексте стоит обратить внимание на появление многих значительных произведений, освоение новых жанровых разновидностей, разнообразие индивидуальных стилей и повествовательных структур. Выводы: исторический роман является

объектом не только литературоведения — рассмотрение и восприятие его невозможно вне рамок идеологического дискурса. Здесь вымышленные события и образы существуют в едином художественном пространстве с реальными, возникают всевозможные аллюзии и ассоциации, обнаруживая созвучие удаленных эпох.

Abstract: Objective: the specifics of the relationship between historical facts and fiction in the genre of the historical novel are studied. Sociocultural and historical-literary methods are used. Results: the genre of the historical novel does not cease to develop in the 21st century. In this context, it is worth paying attention to the emergence of many significant works, the development of new genre varieties, the diversity of individual styles and narrative structures. Conclusions: the historical novel is an object not only of literary criticism — its consideration and perception is impossible outside the framework of ideological discourse. Here, fictional events and images exist in a single artistic space with real ones, all sorts of allusions and associations arise, revealing the consonance of distant eras.

Ключевые слова: альтернативная история; исторический роман; крипто-история.

Keywords: alternative history; cryptohistory; historical novel.

В XXI веке особенно остро стоит вопрос о сущности исторической реальности и достоверности исторического знания в условиях глобального изменения философских и теоретико-исторических представлений об истории и специфике ее познания.

Наличие вымысла определяет границы между художественным и документальным произведением. Писатель, создающий историческую прозу, как и исследователь, погружается в изучение важнейших источников по теме, однако в отличие от ученого он стремится к психологическому, социальному, личностному постижению событий прошлого. Различие в трактовках одних и тех же исторических событий, с одной стороны, позволяет достичь когнитивного эффекта разнообразия, с другой — необходимой полноты реализации авторского замысла.

В результате преобразования реальности возникает явление, которое Д. Лихачев назвал «внутренним миром произведения»: «Изучая отражение действительности в художественном произведении, мы не должны ограничиваться вопросом: “верно или неверно” — и восхищаться только верностью, точностью, правильностью. Внутренний мир художественного произведения имеет еще свои собственные взаимосвязанные закономерности, собственные измерения и собственный смысл, как система <...> Преобразование действительности связано с идеей произведения, с теми задачами, которые художник ставит перед собой. Мир художественного

произведения — результат и верного отображения, и активного преобразования действительности» [1, с. 74–75].

В литературоведении при анализе исторического романа принято прежде всего доказывать или опровергать его историческую достоверность. Для этого отделяют «истину» от «вымысла» — важный этап в осознании границ подлинности источников и того, что присутствие документов и их взаимодействие с вымышленными элементами повествования создают динамическое напряжение, необходимое для романного жанра. Можно согласиться с утверждением В. Сергеевой о том, что история в данном случае считается собственно романским началом: «соотношение истории и вымысла в историческом жанре всегда не случайно; особое значение здесь имеет цель, которую ставит перед собой автор, потому хотя бы, что в лучших своих образцах исторический роман повествует о предельно важных вещах. Исторический роман — почти всего роман инициатический, посвященный становлению личности, ее духовной реализации, обретению своего места в мире и/или повествующий о поиске идентификации (личной, гражданской, общенациональной и т. д.). Писатель, задавшийся целью создать “правдивый”, с его точки зрения, исторический роман (или повесть), точно так же проводит исследование и собирает материалы, как ученый, иногда словно провоцируя дотошного читателя на сверку фактологии» [2, с. 152].

В известном стихотворении Б. Окуджавы «Я пишу исторический роман» (1975) есть строки:

В путь героев снаряжал,
наводил о прошлом справки
и поручиком в отставке
сам себя воображал.
Вымысел – не есть обман.
Замысел – еще не точка.
Дайте дописать роман
До последнего листочка [3, с. 356].

Часто исторический документ в художественном произведении становится лишь отправной точкой в построении сюжета, а выбор эпохи для писателя обусловлен поиском связи с современностью, попытками раскрыть противоречия своего времени.

Исторический романист не может отказаться от введения в текст произведения реалий культуры описываемого периода, в том числе бытового облика эпохи. События прошлого находят глубокое осмысление в художественной ткани прозы, становясь дискурсивным конструктом.

Здесь уместно вспомнить слова Л. Гумилева: «Вымысел — не ложь, а литературный прием, позволяющий автору довести до читателя ту мысль, ради которой он предпринял свой труд, всегда тяжелый. И тут, даже при наличии большого количества упоминаний исторических фактов, последние являются лишь фоном для сюжета, а использование их — литературным приемом, причем точность или полнота изложения не только не обязательны, но просто не нужны» [4].

В последние десятилетия литература активно осваивает «поле» истории. В жанре исторического романа происходят значительные трансформации, затрагивающие не только его форму, но и само отношение авторов и читателей к прошлому и его интерпретации. Издательства все также активно раскрывают многочисленные «загадки», публикуя большое количество безымянных произведений, объединенных в серии «История в романах», «Неведомая Русь», «Исторические расследования», «Всемирная история в романах», «Серия исторических романов», «Битва за Новороссию 1782–2022» и др. По сути, это именно серийные проекты, которые, безусловно, способствуют распространению исторических знаний среди массового читателя, который стремится найти интересные, захватывающие и понятные сюжеты. Однако необходимо отметить, что факты в подобных изданиях часто вторичны и не всегда соответствуют исторической науке.

В статье, посвященной «новому историзму», Ю. Шилков отмечает появление новых подходов в методологии исторических наук: «Оценки альтернативной или сослагательной истории давались самые разные, вплоть до полярно противоположных или нейтральных суждений. Но мало кто не замечал продуктивность самой фикциональной идеи, если исходил из признания творческого характера исторической работы. Идея фикционального дискурса в истории, пожалуй, одна из самых талантливых гипотез, не имеющей конкретного авторства, но имеющая много сторонников» [5].

В контексте такого восприятия прошлого появились новые модификации жанра исторического романа: жанры альтернативной истории: А. Лазарчук, М. Успенский «Посмотри в глаза чудовищ» и «Гиперборейская чума», В. Звянинцев «Бои местного значения», А. Валентинов «Око силы», А. Терехов «Каменный мост», А. Варламов «Мысленный волк» и др.; криптоистория: А. Лазарчук «Иное небо», А. Мартьянов «Вестники времен», А. Бушков «А.С. Секретная миссия» и др.; фольк-хистори: Э. Радзинский «Загадки истории», «Беседы с Сократом», «Николай II», А. Бушков «Россия, которой не было» и др.; историософский роман: В. Аксёнов «Вольтеррианцы и вольтеррианки», Е. Водолазкин «Лавр» и др. Эти дефиниции исторического повествования расширяют границы жанро-

вого мышления, предлагая совершенно неожиданные трактовки известных событий.

Размышляя о трансформации традиций романа в современной исторической прозе, А. Карпова очень точно замечает: «Писатели, переосмысливая концепцию исторического развития, не отказываются от жанра, а ищут пути его модернизации, адаптации под нужды авторских воззрений» [6, с. 146]. Действительно, эти произведения представляют собой синтез исторической действительности и фантастики, предлагая новую интерпретацию фактов, возрождая интерес к концепциям «сослагательной (альтернативной) истории».

Таким образом, жанр исторического романа не прекращает своего развития и в XXI веке. В этом контексте стоит обратить внимание на появление многих значительных произведений, освоение новых жанровых разновидностей, разнообразие индивидуальных стилей и повествовательных структур. Исторический роман является объектом не только литературоведения — рассмотрение и восприятие его невозможно вне рамок идеологического дискурса. Здесь вымышленные события и образы существуют в едином художественном пространстве с реальными, возникают всевозможные аллюзии и ассоциации, обнаруживая созвучие удаленных эпох.

Список литературы

1. Лихачев Д.С. Внутренний мир литературного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74–87.
2. Сергеева В.С. История и вымысел в исторической прозе // Вестник славянских культур. 2016. № 42. С. 151–162.
3. Окуджава Б.Ш. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2001. 712 с.
4. Гумилев Л.Н. Может ли произведение изящной словесности быть историческим источником? // Русская литература. 1972. № 1. С. 73–82 [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://gumilevica.kulichki.net/articles/Article83.htm> (дата обращения: 23.08.2025).
5. Шилков Ю.М. История как вымысел или о «новом историзме» // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. Вып. 12. К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана. Материалы международной научной конференции. 18 мая 2001 г. СПб. Сер. «Symposium». 2001. С. 265–274 [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/shilkov-yum/istoriya-kak-vymysel-ili-o-novom-istorizme> (дата обращения: 23.08.2025).

6. Карпова А.В. Традиции исторического романа в жанре альтернативной истории // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2017. № 37. С. 142–147.

УДК 811.161.1; 372.881.161.1

**УНИВЕРСАЛЬНАЯ МЕТОДИЧЕСКАЯ УСТАНОВКА
«ДЕЛАЙ ПО АНАЛОГИИ» В ПРЕПОДАВАНИИ РКИ
НА ПРИМЕРЕ ОДНОЙ МОДЕЛИ
СИНТАКСИЧЕСКОЙ СИНОНИМИИ**

*Размашкин Игорь Юрьевич,
кандидат филологических наук, доцент кафедры общественных наук,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет.
E-mail: igor.razmashkin@yandex.ru*

**A UNIVERSAL METHODOLOGICAL APPROACH
«DO BY ANALOGY» IN THE TEACHING OF RaFL
ON THE EXAMPLE OF ONE MODEL SYNTACTIC SYNONYMY**

*Igor Yu. Razmashkin,
PhD in Philology,
Associate Professor of the Department of Social Sciences,
St. Petersburg State University of Economics, Russia, St. Petersburg*

Аннотация. Представлено психолого-дидактическое осмысление универсальной методической установки «Делай по аналогии», предлагается поэтапное описание ее практического применения в процессе освоения обучающимися конкретных примеров синтаксической синонимии по модели «Необходимо решить проблему — Необходимо решение проблемы» на занятиях по русскому языку как иностранному или неродному. Подчеркивается возможность экстраполяции базовой методической установки и ее производных на иные, многочисленные и разноаспектные, алгоритмы учебных действий.

Abstract: The article presents a psychological and didactic interpretation of the universal methodological principle “Do by analogy” and provides a step-by-step description of its practical application in the process of students’ mastering specific examples of syntactic synonymy using the “It is necessary to solve the problem – The solution to the problem is necessary” model in Russian as a foreign or non-native

language classes. The article emphasizes the possibility of extrapolating the basic methodological principle and its derivatives to other, numerous and diverse, algorithms of learning activities.

Ключевые слова: дидактика; лексико-грамматическая координация; методические приемы; русский язык как иностранный; синтаксическая синонимия; учебные цели; универсальная методическая установка.

Keywords: didactics; educational goals; lexical-grammatical coordination; methodological techniques; Russian as a foreign language; syntactic synonymy; universal methodological approach.

Существуют универсальные методические приемы, применяемые независимо от специализации учебной дисциплины или какой-либо целенаправленной деятельности, т. е. такие, которые относятся к ведению дидактики и общей методики (подробнее см. [1]). Они основаны на общечеловеческих психологических закономерностях, свойственных каждому учащемуся и проявляемых в процессе освоения того или иного предмета. К подобным методическим приемам относятся и такие, которые формулируются для адресата обучения фразами «Делай как я», «Делай по образцу», «Повтори так же», «Найди похожее», «Найди различия» и т. п. Перечисленные варианты являются производными базовой универсальной методической установки, которую предлагается назвать «Делай по аналогии».

Любая универсальная методическая установка воплощается в различных методических приемах, которые, в свою очередь, осуществляются поэтапно посредством комплекса конкретных заданий и/или упражнений, направленных на достижение частных методических целей. Таким образом, выстраивается дедуктивная логическая цепочка: психологические закономерности — базовая универсальная методическая установка — различные универсальные методические приемы — специализированные методические приемы — различные конкретные задания и упражнения.

Рассмотрим некоторые возможные варианты реализации обозначенного принципа на примере преподавания русского языка, причем как дисциплины, ориентированной не столько на его носителей (владеющих русским как родным или как вторым родным), сколько на изучающих русский язык как иностранный или как неродной.

Для категории учеников (студентов), которые не являются носителями какого-либо языка, но пытаются освоить его, установка «Делай по аналогии» начинает действовать буквально с первой минуты общения с преподавателем. Она возникает не только с его подачи, но и как самоустановка учащихся почти рефлексивно на подсознательном уровне или более осознанно и касается всего, что связано с иноязычной средой: 1) артику-

ляции и произношения конкретных звуков и слов; 2) интонирования фраз в связи с базовыми интонационными конструкциями или в конституации (контексте) коммуникации с учетом актуального членения; 3) экстралингвистического речевого уровня, связанного с мимикой и жестами; 4) выбора уместной словообразовательной модели и нужного варианта морфологической или синтаксической категории; 5) выстраивания системных лексических отношений, например тематических групп, синонимии, антонимии и др.; 6) усвоения речевых, поведенческих клише, стереотипов и, в широком смысле, культурных ценностей страны изучаемого языка.

В перечисленных здесь условно выделенных группах учебно-методических задач очевидна их неоднородность с точки зрения логических алгоритмов их решения и преподавателем, и обучающимся. Так, если 1-я, 2-я, 3-я и 6-я группы более всего, хотя и в разной степени, ориентированы на прямое подражание учеников преподавателю, когда студенты почти всё делают по аналогии и становятся будто маленькими копиями своих наставников (что выглядит со стороны даже комично), то 4-я и 5-я группы, в свою очередь весьма многоаспектные, предполагают предварительное изучение и освоение метаязыка (лингвистических терминов и понятий, необходимых для системного обучения) и, что еще более важно, понимание сути лексико-грамматических явлений в параллельном их соотношении с родным языком.

После освоения учениками какого-либо из уровней владения иностранным/неродным языком, например элементарного и базового, предлагаются априори более сложные задания с различными целями в зависимости от степени успешности обучения: для корректировки и развития тех или иных языковых навыков; для диагностирования возможных перспектив изучения языка; для начала вхождения в следующий уровень его изучения.

Например, в лексико-грамматических заданиях, ориентированных не только на теоретическое изучение языка или закрепление собственно лингвистических навыков, но и на реальную речевую коммуникацию, особенно важным становится **расширение языковых умений при помощи установления корреляции между синтаксическими синонимами**. Именно в поиске синтаксических синонимов (подробнее см. [7, с. 465–466]), в их создании и понимании, выявлении их сходства и различий большую роль играет реализация преподавателем универсальной методической установки «Делай по аналогии», воплощенной в конкретных заданиях.

Предлагаемые упражнения могут касаться различных уровней синтаксической системы: от словоформы и словосочетания до сложного предложения и сверхфразового единства. Например, на уровне простого

односоставного безличного предложения в его соотношении с двусоставным должны быть автоматизированы навыки построения и употребления синтаксических синонимов по модели «**Необходимо решить проблему** — **Необходимо решение проблемы**». Для осуществления этой методической цели преподаватель должен разделить ее на ряд этапов, состоящих в свою очередь из нескольких ступеней, в основе которых также лежит установка на действия учеников по аналогии с образцами.

В рамках 1-го этапа (который может иметь самостоятельное практическое значение и занимает длительное время) сначала нужно выработать навык замены словосочетания «инфинитив + винительный падеж» (*решить проблему*) на словосочетание «однокоренное отглагольное существительное + родительный падеж» (*решение проблемы*). Для этого необходимо представить в упражнениях различные варианты реализации этой модели, т. е. с заменой инфинитива существительным не только с завершением на «-ение» (а), но и на «-ание» (б), на «-ка» (в), на «-ция» (г) и в бессуффиксном словообразовании (д); сравните: а) *решить задачу* — *решение задачи*; б) *понять текст* — *понимание текста*; в) *купить машину* — *покупка машины*; г) *организовать группу* — *организация группы*; д) *учитывать затраты* — *учет затрат*. (Здесь и далее первая часть оппозиции — в роли задания, а вторая предполагается как ответ.)

Перед выполнением такого задания или непосредственно в процессе его выполнения нужно отметить, что глагол является аспектуальной частью речи, т. е. может быть несовершенного и совершенного видов (далее в примерах — НСВ/СВ) или двувидовым, поэтому образование отглагольных существительных возможно от основ глаголов обоих видов, например: *распределять/распределить обязанности* — *распределение обязанностей*, *расширять/расширить возможности* — *расширение возможностей* и многие другие. Отглагольные существительные, становясь именной частью речи, априори теряют глагольную аспектуальность, однако на практике, с позиций психологии коммуникации, часто ассоциируются с названием результата какого-либо процесса, т. е. того, что необходимо сделать, достичь (а это основной признак перфективности). Употребление несовершенного или совершенного вида глагола (здесь в форме инфинитива) обусловлено, как всегда, контекстом конкретной речевой ситуации. Следовательно, и ассоциации отглагольных существительных с тем или иным видом глаголов возможно осознать только в реальном общении, сравните случаи: *Организаторам выставки необходимо ежегодно обновлять экспозицию* (здесь может быть только НСВ) — *В этом году организаторам необходимо обновить экспозицию до 1-го августа* (здесь может быть только СВ) — *Организаторам выставки необходимо обновлять/обновить экспозицию* (здесь может быть один из ви-

дов в зависимости от контекста). В синонимичном предложении *Организаторам выставки необходимо обновление экспозиции* могут быть уточняющие распространители: или определение *ежегодное (обновление)*, или обстоятельство времени *до 1-го августа* с детерминантом *в этом году*, — но отглагольное существительное *обновление* останется таким же. С морфологических позиций во многих случаях выбор производящей основы падает именно на глагол совершенного вида: *ограничивать/ограничить функции* — *ограничение функций* (а не *ограничивание... и т. п.*), *обеспечивать/обеспечить безопасность* — *обеспечение безопасности*, *устанавливать/установить приложение* — *установка приложения* и т. п., но в то же время найдется немало примеров, когда отглагольное существительное формально (и визуально, что для обучения иногда важнее) связано с основой несовершенного вида: *посещать/посетить саммит* — *посещение саммита*, *обсуждать/обсудить тему* — *обсуждение темы*, *покупать/купить оборудование* — *покупка оборудования* и т. п.

Кроме того, для преподавателя очевидно, что также (на первой ступени или в процессе работы на второй, дополнительной) нужно уделить внимание таким заменам, которые уже частично представлены выше и при которых происходит чередование согласных: *сберегать/сберечь ресурсы* — *сбережение ресурсов* (г // ч // ж), *отражать/отразить удар* — *отражение удара* (ж // з), *укреплять/укрепить положение* — *укрепление положения* (п // пл), *унифицировать производство деталей* — *унификация производства деталей* (ц // к), *вводить/ввести объект в эксплуатацию* — *введение (или: ввод) объекта в эксплуатацию* (ст // д) и др. Необходимо учитывать и то, что замена родительным падежом предполагает владение учениками ранее приобретенным навыком образования самой формы родительного (как, впрочем, и винительного) падежа существительных в единственном числе, причем различного грамматического рода и склонения, и во множественном числе, что является дополнительной линией контроля и/или коррекции со стороны преподавателя.

Далее, на третьей ступени, предлагается расширенный ряд словосочетаний в каждом словообразовательном и словоизменительном вариантах последовательно или, в зависимости от уровня учеников, смешанно (в произвольном порядке), где требуется аналогичная замена: а) *решить задачу* — *решение задачи*, *объяснить пример* — *объяснение примера*, *расширить сферу* — *расширение сферы*, *усилить конструкцию* — *усиление конструкции* и т. д.; б) *осознать положение* — *осознание положения*, *признать авторитет* — *признание авторитета*, *создать систему* — *создание системы*, *основать производство* — *основание производства* и т. д.; в) *упаковать товар* — *упаковка товара*, *заморозить продукты* —

заморозка продуктов, расшифровать запись — расшифровка записи, расчистить улицы — расчистка улиц и т. д.; г) реализовать потенциал — реализация потенциала, мобилизовать усилия — мобилизация усилий, классифицировать факты — классификация фактов, систематизировать информацию — систематизация информации и т. д.; д) рассчитать доходы — расчет доходов, учесть расходы — учет расходов, заказать продукцию — заказ продукции, подобрать варианты — подбор вариантов и т. д.

На следующей (четвертой) ступени закрепления этой же модели нужно, исходя из речевой/текстовой практики, распространить словосочетания согласованными определениями (прилагательными, причастиями и др.), склонение которых тоже изучалось на предыдущих уровнях: расширить производственную сферу — расширение производственной сферы, укрепить экономическое положение — укрепление экономического положения, сберечь природные ресурсы — сбережение природных ресурсов, создать новую программу — создание новой программы, распаковать привезенные товары — распаковка привезённых товаров, оптимизировать рабочий план — оптимизация рабочего плана, подобрать квалифицированный персонал — подбор квалифицированного персонала и т. д. Такое синтаксическое распространение позволяет, как бы между прочим, значительно расширить словарный запас учеников не только количественно, но и относительно лексической сочетаемости. Дополнительные специальные задания по выбору возможных согласованных определений также нужны для пополнения лексикона студентов.

В рамках следующего, 2-го этапа, после описанных выше предварительных и очень значительных шагов, связанных с приобретением и закреплением навыков отглагольного словообразования и замены грамматического управления, нужно особенно подчеркнуть, что синтаксическая синонимия односоставного безличного и двусоставного предложений по модели «*Необходимо решить проблему — Необходимо решение проблемы*» **формируется благодаря различию собственно грамматических основ** (главных членов) при совпадении или близости общего смысла предложений.

В первой части модели содержится односоставное безличное предложение с главным членом «необходимо решить», выраженным модальным словом (предикативным наречием с суффиксом -о) в сочетании с инфинитивом. Это грамматическое условие гарантирует неизменность обоих компонентов в составе главного члена, независимо от требований конкретной ситуации общения, в которой может оказаться нужным употребление дательного падежа субъектного дополнения в препозиции (*мне, нам, тебе, вам, ему, ей, им, компании, банку, людям* и т. д.) и винительного падежа объектного дополнения в постпозиции, заполняемой

ограниченным лексическим рядом (*проблему, вопрос, задачу, пример* и некоторые др.), или соотнесение высказывания с прошедшим и будущим временем (*необходимо было/будет решить...*).

Напомним, что часто в реальном функционировании безличные предложения с модальным словом (предикативом) + инфинитив и собственно инфинитивные предложения «семантически <...> близки <...>, так как они называют потенциальное действие и дают оценку условий и возможностей его реализации» [2, с. 120]. При выявлении структурных различий сближает их и то, что отмечается в другой публикации, далее под пунктами 1) и 2): «Инфинитивным предложением в грамматическом смысле может быть признана только такая конструкция, в которой, помимо выраженности единственного главного члена *независимым* инфинитивом, 1) *открыта позиция для дативного субъекта*; 2) *прочитывается ясное модальное значение*» (курсив мой. — И. Р.) [3, с. 136]. Два последних обстоятельства обнаруживаются также и в первой части представленной модели (*Необходимо решить проблему...*), но квалифицируется она в рамках безличных конструкций, поскольку в грамматической основе употребление инфинитива обусловлено (и связано) предикативом.

Во второй части модели содержится двусоставная конструкция с грамматической основой «необходимо решение» (сказуемое и подлежащее), в которой составное именное сказуемое с нулевой связкой (в настоящем времени), выраженное кратким прилагательным с окончанием -о-, координирует с подлежащим в среднем роде, единственном числе и именительном падеже (подробнее о лексико-синтаксической координации см. [4, с. 25–26, 68–69 и др.; 6, с. 242–245]). Сравните ситуативно возможные варианты: «*Необходимы (различные) решения проблемы*», где возникает координация именной части сказуемого с формой множественного числа существительного-подлежащего, или «*Необходимо было/будет решение проблемы*», где проявляется глагольная часть сказуемого(связка) в форме прошедшего или будущего времени, и др. Подобные, так сказать, «вариации вариантов» в синтаксической парадигме можно (и нужно) «обыгрывать» на дополнительной ступени аудиторной работы с ориентацией на уровень освоения языка и/или на темп продвижения в конкретной учебной группе.

В рассматриваемом здесь случае также важно отметить (тем более у студентов, как правило, возникают вопросы), что синонимическая замена самого модального слова *необходимо* на слова *нужно* и *надо* в сочетании с инфинитивом (в первой части модели) теоретически возможна, но в практическом плане не всегда желательна с точки зрения научного, официально-делового или публицистического стилей, а слово *надо*, общеупотребительное и нейтрально-разговорное, никак нельзя использовать в

именном сказуемом двусоставного синонимичного предложения (во второй части модели), поскольку слово *надо* образовано не от имени прилагательного, в отличие от слов *необходимо* или *нужно*, и поэтому не имеет оморфы, краткого прилагательного среднего рода. Значит, в системе русского языка нет и не может быть грамматической альтернативы в виде фантазийных вариантов (под звездочкой*) типа «*Надо решить проблему — *Надо решение проблемы*», «*Надо разморозить овощи — *Нада разморозка овощей*», «*Надо разработать новые программы — *Нады разработки новых программ*», хотя было бы возможно (с переходом ударения на окончания в кратких прилагательных): «*Нужно решение...*», «*Нужна разморозка...*», «*Нужны разработки...*». Подобные наблюдения и лингвистические эксперименты помогают не только иноязычным, но и русскоговорящим студентам осмыслить языковые факты в их практическом воплощении и посмотреть остранично, свежим взглядом, на возможности, предоставляемые или не предоставляемые языковой системой.

Таким образом, на втором этапе работы над выделенной моделью также создаются ориентиры, образцы, при использовании которых студенты действуют по аналогии. Далее, для завершения, закрепления и контроля, в упражнениях (и пунктах теста) по модели предлагается создать синтаксические синонимы (в этом случае — простые предложения), в которых проявляются их грамматические различия (вторая часть предполагается на месте ответа): *Бизнесу необходимо сберечь логистические ресурсы — Бизнесу необходимо сбережение логистических ресурсов; Им необходимо купить новую технику — Им необходима покупка новой техники; Фирме необходимо предложить свои варианты — Фирме необходимы предложения своих вариантов; Переводчику необходимо более глубоко понять текст — Переводчику необходимо более глубокое понимание текста; Музею необходимо реставрировать ранее закрытые залы — Музею необходима реставрация ранее закрытых залов; Администрации необходимо точно подсчитать понесенные убытки — Администрации необходим точный подсчет понесенных убытков* и т. п. Для полноты закрепления навыков, причем на всех этапах работы, нужно предъявлять студентам задания также в обратном порядке частей модели, т. е. в тексте упражнения (или теста) — условно вторую часть (с отглагольным существительным), а в роли ответа ожидать первую (с инфинитивом).

Также для дополнительных (домашних, аудиторных или контрольных) заданий можно предложить студентам распространить различными способами данные им минимальные предложения, придумать свои предложения по изучаемой модели или составить сложные предложения с использованием исходных простых конструкций в роли главных или придаточных частей.

Желательно «затронуть» в аудитории и такие синонимичные варианты изучаемой модели, которые могут возникать конситуативно в результате актуального членения высказывания, когда необходимость сделать что-либо подчёркивается не только интонацией (что в устной форме возможно всегда), но и порядком слов, например переносом модального слова и субъектного дательного в конец фразы: *Купить новую технику им необходимо* — *Покупка новой техники им необходима*. Инфинитив в начале первой части становится подлежащим в роли темы (как и существительное в начале второй), модальное слово — именным сказуемым в роли ремы (как и краткое прилагательное в конце второй), а вся первая конструкция формально переходит в разряд двусоставных. Разница между получившимися двусоставными предложениями состоит главным образом в том, что подлежащее и сказуемое первой части не координируют друг с другом (по причине особенностей их морфологии), в отличие от грамматической основы второй части.

Комплексная работа над выбранной для примера моделью синтаксической синонимии, с учетом особенностей конкретной аудитории и непосредственной учебной ситуации, содержит ряд объемных этапов (минимум — два), состоящих из нескольких ступеней, и предполагает обращение к алгоритмам учебных действий, основанных на универсальной методической установке «Делай по аналогии». В описании, последовательно представленном выше, реализуются конкретные лексико-грамматические образцы и их варианты. Однако это только один частный случай применения базовой методической установки и, кроме того, на примере только одной модели синтаксической синонимии. Универсальное действие основного принципа может распространяться на достижение учебных целей иных уровней и объемов: например, на осмысление логико-грамматической сути и коммуникативной значимости речи автора и «неавтора», а также на освоение пунктуационно-графических способов ее оформления в текстах различной жанрово-стилистической природы (подробнее об этом см. [5]). Возможности широкой экстраполяции универсальной методической установки и ее воплощения многочисленны и разноаспектны как с позиций методики, так и в отношении языковой системы.

Список литературы

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Современный словарь методических терминов и понятий: теория и практика обучения языкам. М.: Русский язык, Фонд Русский мир, 2021. 496 с.

2. Акимова Г.Н., Вяткина С.В., Казаков В.П., Руднев Д.В. Синтаксис современного русского языка: Учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / Под ред. С. В. Вяткиной. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 347 с.

3. Дымарский М.Я. Инфинитивное предложение: между грамматической категорией и метафорой // Критика и семиотика. 2023. № 1. С. 121–139.

4. Ильенко С.Г., Дымарский М.Я., Мартыанова И.А., Столярова И.В. Современный русский язык. Синтаксис: Учебник и практикум для академического бакалавриата / Под общ. ред. С. Г. Ильенко; отв. ред. М.Я. Дымарский. М.: Юрайт, 2025. 391 с.

5. Размашкин И.Ю. Авторская речь vs. неавторская речь в художественном vs. нехудожественном тексте // Слово. Словарь. Словесность. К 100-летию со дня рождения д-ра филол. наук, проф., чл.-корр. РАО Сакмары Георгиевны Ильенко: Сб. науч. статей / Отв. ред. М.Я. Дымарский. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2024. С. 95–103.

6. Русская грамматика. Т. 2: Синтаксис / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1982. 709 с.

7. Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. 703 с.

УДК 821.161.1

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В НОВЕЙШЕЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ: ПОСТМОДЕРНИЗМ И ЕГО ОСВОЕНИЕ

*Матвеев Андрей Романович,
старший преподаватель кафедры общественных наук,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет.
E-mail: andrew19850329@yandex.ru*

THE MAINTRENDS IN MODERN RUSSIAN PROSE: POSTMODERNISM AND ITS DEVELOPMENT

*Andrey Romanovich Matveev,
Senior Lecturer at the Department of Social Sciences of Saint Petersburg State
University of Economics, Saint Petersburg, Russia*

Аннотация. В статье рассматриваются основные тенденции, наблюдающиеся в современной нам отечественной прозе, делается попытка классифика-

ции основных направлений ее развития. Неоднозначность и быстрая изменчивость современных литературных течений не позволяет провести чёткие границы между отдельными явлениями современной прозы, однако позволяет получить некоторое общее представление о путях, которыми она следует. Также в рамках данной статьи рассматриваются характерные черты новейшей отечественной литературы, формирующие её уникальный облик.

Abstract: The article examines the main trends observed in modern Russian prose, and attempts to classify the main directions of its development. The ambiguity and rapid variability of modern literary trends does not allow us to draw clear boundaries between individual phenomena of modern prose, however, it allows us to get some general idea of the ways it follows. This article also examines the characteristic features of the latest Russian literature that form its unique appearance.

Ключевые слова: метамодерн; постмодернизм; развитие литературы; русская литература; современная отечественная литература.

Keywords: literary development; metamodernism; modern Russian literature; postmodernism; Russian literature.

Научное изучение новейшей русской литературы, а точнее — новейшей русской прозы (ибо именно она будет в фокусе нашего внимания), не так просто в силу ряда причин. Российская проза, в отличие от поэзии, в куда меньше степени интегрирована в мировую литературу, находясь по отношению к последней в несколько маргинальном положении. Развитие отечественной прозы совершалось по иным направлениям, нежели развитие национальных прозаических традиций западных литератур. В период существования СССР на нее оказывали воздействие различные типы цензур; многие отечественные авторы не имели достаточного представления о том, как развивается мировая литература. Благодаря этому российская литература иногда выбивалась вперед и давала жизнь явлениям, еще неизвестным на Западе (например, наследие обэриутов). С другой стороны, многие вещи советской литературы воспринимались как очень консервативные.

Важной особенностью новейшей русской прозы, в отличие от западной, является также подчеркнутое невнимание ко многим достижениям своих великих предшественников. Например, очень многие новаторские приемы и разработки таких писателей, как В. В. Набоков и А. П. Платонов (полифоничность повествования, проблема объективности рассказчика, нелинейность подачи материала), в современной литературе попросту отсутствуют, уступая место рассказчику-демиургу и повествованию от третьего лица. Также мало или почти не используются некоторые достижения западной традиции: например, лишь sporadически у современных российских авторов появляется ритм монтажной

склейки — основополагающий принцип построения текста у модернистов (Д. Джойса, В. Вульф и др.); также не получил должного развития в новейшей русской прозе прием потока сознания.

Кроме того, в русской современной литературе отсутствуют многие темы, актуальные для литературы мировой. Отечественные авторы зачастую или сосредоточены на историческом прошлом, особенно советском, или серьезным образом погружены в текущую повестку, что приводит к созданию достаточно манифестных произведений. Как отмечает Я.В. Солдаткина: «...парадокс современной отечественной исторической прозы состоит в том, что авантюрные начала востребованы в произведениях сложных, трагических, анализирующих особенности национального характера в кризисные моменты отечественной истории» [1, с. 50].

Современного российского прозаика в не малой степени характеризует также стремление нравиться читающей публике. Полноценный литературный рынок возник в России относительно недавно, в советское время как таковой рыночной литературы не существовало, потому стремление заявить о себе и обрести популярность заметно у многих пишущих авторов. Отсюда, к сожалению, нередко возникает известная некомпетентность и не самое высокое качество выпускаемых текстов. Убежденности многих писателей в собственной талантливости способствует и большое количество писательских курсов, своеобразных «фабрик» литераторов, существующих в современной России.

И наконец, фундаментальной проблемой новейшей отечественной прозы является плохое или, по крайней мере, недостаточное знакомство ее авторов с новейшей западной прозой. Около 70% современной западной литературы на русский язык попросту не переведено или переведено непрофессионально, а иностранными языками в той мере, которая позволяет читать зарубежные произведения в оригинале, владеют лишь немногие из современных нам российских авторов.

К основным предпосылкам, сформировавшим современную российскую прозу в том виде, который она имеет, относятся:

1. Реальность «прерванного» модерн. В 30-е гг. XX в. в силу хорошо известных политических обстоятельств модерн был либо изгнан из литературного поля, либо был вынужден уйти в культурный андерграунд. Это не означает, впрочем, что модерн полностью исчез из отечественной литературы (в частности, он весьма сильно повлиял на т. н. «шестидесятников»), многие приемы которых напрямую заимствованы из него), но его сложносочинённые практики не были востребованы в течение нескольких десятилетий.

2. Наличие в советское время двух, а в некотором смысле и трех различных литератур: разрешенной, литературы шестидесятников и андер-

граундной. Естественно, что развивались эти три литературы по совершенно различным и порою противоположным направлениям, что приводило к известной калейдоскопичности общелитературного процесса.

3. Специфичность отечественного постмодерна. Чисто количественно постмодерн шире и полнее развернулся в русской поэзии. Касательно же его проявления в прозе до сих пор идут дискуссии, и не до конца понятно, имеем ли мы дело именно с постмодерном, а не специфически искаженным модерном, ибо, как отмечает М.И. Эпштейн, «модернизм является для зрелого постмодернизма не столько объектом критики, сколько игровой площадкой, на которой разворачивается собственно постмодернистская игра с гиперфеноменами» [3, с. 78]. Авторы, традиционно причисляемые к российскому прозаическому постмодерну, на редкость разнородны: тут и А.Г. Битов, весьма академичный в своей работе с текстом, и Ю.В. Мамлеев, доводящий традицию щедринской сатиры до предела, и Д.Е. Галковский с его провидческими откровениями, и Саша Соколов, фактически сочетающий модерн и постмодерн в своем творчестве, и В. Г. Сорокин с его сюрреалистической летописью реальности, и т. д. Целостную картину литературного течения из всего этого многообразия сложить отнюдь не просто.

4. Наличие синтетических форм. Русская современная проза сочетает модернистские и постмодернистские тенденции весьма своеобразным образом. Характерные примером могут служить «Школа для дураков» и «Палисандрия» Саши Соколова, в которых, с одной стороны, ощущается сильная модернистская основа в духе У. Фолкнера, с другой — проявляются типичные игровые модели постмодерна.

В современной отечественной прозаической литературе можно выделить четыре основных направления, по которым идет ее развитие:

I. Постмодернистская литература и ее квазиварианты.

II. Модернистская литература, выражающая новый взгляд на старую классику.

III. Метамодернистская литература.

IV. Литература мейнстрима.

I. Постмодерн. Для не слишком погруженного в вопрос наблюдателя может показаться, что постмодернизм в мировой литературе — это уже заверченный, пройденный этап, а его наработки используются уже в качестве строительных элементов новой литературы. Отчасти это верно, так как практики постмодерна трансформировались. Эпоха скептицизма и субъективизма времен Томаса Пинчона и Джона Барта, в которую литературе свойственно было осмеиваться всё и вся, расщеплять смыслы до минимальных сем и, в свою очередь, осмеивать их, сошла на нет. Возникла ситуация своеобразного постапокалипсиса, в которой нужно было из раз-

розненных элементов пересобрать мир и взгляд на него. Постмодерн, в целом, никуда не исчез, а стал расти и развиваться в нечто иное.

В отечественной литературе данный процесс хорошо виден на ряде примеров. Творчество В.Г. Сорокина времен «Нормы» (1984) и даже «Голубого сала» (1999) — вполне себе классический отечественный постмодерн, в то время как его же роман «Теллурия» (2013) — скорее своеобразная страшная шутовская сказка, постсредневековая хроника со всеми элементами классического Сорокина, но выросшая в иную реальность, реальность, которая в последнее время из виртуальной превращается в физическую. Также характерны в этом отношении произведения А.В. Поляринова, которого нельзя назвать чистым постмодернистом (несмотря на его многочисленные научные работы, посвященные постмодерну, и переводы классических авторов-постмодернистов). Еще один яркий пример — творчество А. В. Иванова, чьи романы, особенно «Пищевлок» (2018) и почти все исторические произведения, производят впечатление квазиреализма и/или смешения жанров, то есть строятся по постмодернистским канонам, но по своему содержанию скорее представляют собой серьезную литературу на грани художественности и исследования.

II. Модерн. Модернистская литература, искусственно прерванная в СССР в 30-е гг., а затем была наново воспринята такими писателями, как А.Е. Цыпкин, Н.А. Богданов и Н.Н. Ливкин, в настоящее время переживает фазу возрождения. Возникают произведения, явно использующие модернистские практики, но переосмысливающие и понимающие их в ином ключе. Ярким примером может служить творчество Е.О. Долгопят или Саши Николаенко. Данные авторы уделяют большое внимание пограничным состоянием между сном и реальностью — что является одной из основополагающих тем модернистского дискурса. В стилистическом отношении следует отметить такого современного прозаика, как Д.Н. Гаричева с его длинными, вязкими предложениями, создающими эффект «болотистой» прозы, из которой трудно выбраться, прозы, в которой язык и его приемы заслоняют содержание, — вполне в соответствии с модернистским канонам. Сюжетное содержание прозы Гаричева может быть совершенно незначительным: например, человек стоит на детской площадке и ждет своего приятеля, и это ожидание становится основным событием рассказа. Текст и язык говорят сами, независимо от того, что именно они сообщают.

III. Метамодерн. Метамодернистские литературные практики находятся в настоящее время в положении своеобразного маятника между модерном и постмодерном. В их рамках из разрушенного модернистского дискурса искусство пытается заново собрать осмысленный чувствующий мир. Как верно замечает П.Е. Спиваковский, «зависимость метамодер-

низма от постмодернизма можно сопоставить с ситуацией возникновения русского литературного реализма, тесно сопряженной со стремлением сделать романтическую картину мира более “земной” и посюсторонней» [2, с. 204]. Авторы, которых можно отнести к этому направлению, достаточно сильно отличаются друг от друга. Среди наиболее значимых фигур можно назвать Д.А. Данилова, Е.И. Некрасову, чьи произведения написаны на стыке магического реализма и реализма классического, Т.М. Замировскую, А.Б. Сальникова, А.Г. Горбунову, И.И. Ханипаева и др. Всё это писатели очень разные, их трудно объединить в некую группу, поэтому общее название «метамодернистской литературы» подходит к ним в наибольшей степени.

IV. Мейнстрим. К достаточно широкому понятию мейнстрима относятся авторы, чьи имена постоянно на слуху и чье творчество знакомо максимально широкому кругу читателей. В большинстве случаев речь здесь идет о литературе массового потребления, которая, при несомненных достоинствах, обладает всеми характерными недостатками подобного рода произведений: вторичностью, преобладанием сюжета над языковыми приемами, ориентацией на вкус среднестатистического читателя. Мы не будем в данном случае упоминать конкретные имена авторов, ограничившись лишь констатацией того факта, что данное направление в литературе существует с испокон веков и является необходимой средой для развития так называемой элитарной литературы.

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать вывод, что современная российская проза переживает период активной трансформации, становления и роста. Как и всегда в подобные моменты, появляются и развиваются разнообразные направления, частично использующие старые модели, а частично создающие новый, еще плохо исследованный материал. Однако для исследователя литературы находиться внутри подобного исторического периода всегда любопытно. Поэтому можно с уверенностью сказать, что основательные и подробные научные работы о состоянии отечественной прозы 2020-х гг. в скором времени увидят свет.

Список литературы

1. Солдаткина Я.В. Современная русская историческая проза в контексте литературного процесса 2000-2010-х гг. // Вестник РУДН. Сер. Литературоведение. Журналистика. 2017. Т. 22. № 1. С. 47–54.
2. Спиваковский П.Е. Метамодернизм: контуры глубины // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2018. № 4.
3. Эпштейн М.Н. Постмодернизм в России. СПб.: Азбука, 2019. 606 с.

РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЯ

УДК 94

ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

*Белова Елена Ивановна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры общественных наук,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет.
E-mail: lenairis@mail.ru*

EVERYDAY PRACTICES DURING THE FIRST WORLD WAR

*Belova Elena Ivanovna,
PhD in History, Associate Professor, Department of Social Sciences
Saint Petersburg State University of Economics*

Аннотация. В статье на основе свидетельств участников Первой мировой войны освещается уклад повседневной жизни фронтовиков. Рассматривается пищевой рацион, способы обеспечения провиантом, снабжение обмундированием, санитарно-гигиенические условия, организация досуга и праздников и др.

Abstract: This article, based on testimonies from World War I veterans, explores the daily lives of frontline soldiers. It examines food rations, food supply methods, uniforms, sanitary and hygienic conditions, the organization of leisure activities and holidays, and more.

Ключевые слова: медицинское обслуживание; обмундирование; Первая мировая война; продовольственное снабжение; светские, церковные праздники; фронтовой быт.

Keywords: food supplies; frontline life; medical care; secular and religious holidays; uniforms; World War I.

Военные конфликты — это не только сражения, непосредственные бои, но и бытовые условия военнослужащих, в которых они оказываются

в период затишья между битвами. Изучая историю Первой мировой войны, важно исследовать и обстоятельства повседневного быта солдат, поскольку от этого во многом зависит боеспособность любой армии, ее моральный дух.

Во время военных действий питание бойцов, чей организм испытывает серьезные психологические и физические перегрузки, является одним из важнейших вопросов фронтового быта. С началом Великой войны весь установившийся в мирное время порядок продовольственного обеспечения военнослужащих претерпел существенные изменения. В разы увеличилась нагрузка на заведующего хозяйством полка, которому приходилось учитывать часто меняющуюся обстановку, чтобы обеспечить солдат питанием и решать другие повседневные проблемы.

В каждой роте были свои походная кухня, кашевар, так называли ротного повара, артельщик, которые занимались заготовкой продуктов и готовили еду под надзором фельдфебеля и одного из офицеров роты. При наступательных операциях в начале войны кашеварам необходимо было варить пищу (супы, каши и пр.) в движении, причем с таким расчетом, чтобы она была готова к приходу на бивак или большому привалу. Кухни, в зависимости от боевой обстановки, высылались вперед или же, напротив, подъезжали, когда полк приходил на свою стоянку.

В условиях развернувшейся позиционной войны походные кухни подъезжали к тыловым земляным укреплениям с наступлением темноты. При длительном пребывании на одном и том же участке прокладывались особые «подъездные» широкие траншеи, по которым они могли бы приблизиться к окопам. Георгиевский кавалер К.С. Попов 13 лейб-гренадерского Эриванского полка отмечал: «В тыл к укрытым местам ведут многочисленные ходы сообщений, так что кухни, например, могли бы подъезжать и днем, но по установившемуся порядку вещей кухни подходят с наступлением темноты» [10, с. 66]. Там же в укрытиях, на передовой линии, устанавливались самодельные «полевые печи в земле в виде колечатого отверстия, в которое с одного конца, снизу, подкладывалась и зажигалась или солома, или сухое дерево, а в другое, лицом к небу, ставился или чайник с водой, или котелок» [7, с. 43]. Хотя дым от таких примитивных печек подчас выдавал месторасположение военнослужащих, отказаться от кипятка или горячей пищи было трудно. Наличие на позиции кипятка являлось очень важным для физического и душевного состояния солдат, поэтому в каждой роте старались иметь нагреватели, часто это были агрегаты системы «Борю» — подвижные кипяtilьники на колесах, дававшие на ходу и кипяток, и остуженную питьевую воду.

Нижним чинам должны были ежедневно выдавать три фунта ржаного хлеба, сахар, чай, мыло и махорку. Причем, как вспоминал ротный ко-

мандир лейб-гвардии Петроградского полка Б.Н. Свежевский, он требовал от каптенармуса своевременно заботиться о закупке махорки и бумаги, поскольку возможность покурить являлась важной для солдат. Боец «легко останется без пищи, но отсутствие табачку для него невыносимо <...>. Я никогда не видел солдата, который бы курил и не дал бы другому, у которого не было табачка» [14, с. 289]. Если обстановка позволяла, то организовывалась солдатская лавочка, «в которой продавались папиросы, махорка, мыло, писчая бумага и конверты, нитки и иголки и прочее... На 75 копеек жалованья можно было купить все эти мелочи» [13, с. 32–33].

В меню солдатского обеда входили: мясные щи или супы, часто с добавлением разных круп; на второе пшенная или гречневая каша на бараньем или говяжьем сале. Утром и вечером полагался чай. После Февральской революции пищевое снабжение нижних чинов резко ухудшилось и суп варили, заправляя его не мясом, а селедкой с добавлением чечевицы, перловой крупы, получившей название «шрапнель». Питание бойцов напрямую зависело от требовательности командира полка, настойчивости и энергичности его помощника по хозяйственной части и во многом от конкретики боевых условий. «Продовольствие дивизии... было поставлено из рук вон плохо, — отмечал в своих записках командир лейб-гвардии Волынского полка генерал А.В. Геруа, — и это до такой степени, что мне пришлось использовать всю энергию и находчивость полковника Худякова (начальник хозяйственной части), чтобы выходить из очень трудных положений. Хлеб мы сами ухитрились печь на походе, причем, когда штаб нашей дивизии узнал стороною о прекрасной постановке этого дела у Волынцев, он стал подкидывать разные части дивизии на хлебное довольствие к нашему полку» [5, с. 5].

Проблема с обеспечением хлебом, который полк должен был получать от интендантства в готовом виде, возникала достаточно часто. Если формирование армии по мобилизационному плану предусмотрено не было и надобность в ней определилась позже, то в начале войны случались срывы с его доставкой. В результате полк хронически недополучал хлеба, отпуск которого часто доходил всего до $\frac{1}{2}$ фунта в сутки на человека. Недостающий хлеб солдаты восполняли картошкой, которую выкапывали на близлежащих полях. Чтобы исправить оплошности интендантства, не всегда справлявшегося с поставками, формировали полковые команды хлебопеков. Командир лейб-гвардии 2-го стрелкового Царскосельского полка вспоминал, что такая команда, двигаясь впереди полка с головным отрядом, «по прибытии в район назначенного ночлега скупала нужное количество муки или зерна, который перемалывала на местных мельницах, реквизируя на 1–2 дня местные хлебопекарни и ко времени выступления полка на следующий день снабжала его свежеспеченным хлебом.

Этими мерами удалось довести удовлетворение полка хлебом почти до нормы» [4, с. 91].

Даже через десятилетия бывшие военные чины с благодарностью вспоминали своих полковых командиров, которые, невзирая на трудности фронтовой обстановки, проявляли внимание к нуждам бойцов. Полковник В.Н. Биркин писал: солдаты 6-го гренадерского Таврического полка любили генерал-майора С.О. Сурина «за постоянную заботу об их питании. Даже в дни самых тяжелых боев каждый вечер гренадеры получали положенную горячую еду. Никто не смел и заикнуться, что обстановка боя мешала, дескать, подвезти кухни. Командир в этом отношении был непреклонен и суров, жестоко разнося даже и своих батальонных. И не только за это любили гренадеры своего командира. Каждый знал его, постоянно видел в боях в самом пекле, уважал и ценил его» [3, с. 22]. Офицеры Петроградского полка отзывались о своем командире генерал-майоре А.В. Белякове не только как о боевом, отлично разбирающемся в обстановке командире, но и акцентировали внимание на его заботливом отношении к личному составу. Так, например, «генерал требовал, чтобы пища в окопы приносилась (когда нельзя было ее подвезти) теплой, изобретя для этого что-то вроде термоса из алюминиевых патронных коробок, обшитых войлоком» [8]. Многие командиры рот старались следить за качеством пищи солдат. Б.Н. Свежевский отмечал, что по прибытию в роту приказал зачислить его на довольствие на ротный котел: «...таким образом я имел контроль за пищей, причем приказал артельщику, чтобы никакого преимущества перед остальными мне не оказывалось, я должен был получать все то, что получает каждый солдат» [14, с. 289].

Учитывая физические перегрузки военнослужащих на фронте, с началом военных действий суточная норма продуктов, предназначенная для солдат, была увеличена. Так, например, мяса стали выдавать в два раза больше, чем в мирное время (с 0,5 фунта до одного). При маневренных операциях, когда походные кухни не поспевали за войсками, различные продукты покупали у местного населения. У солдат был также «неприкосновенный запас» — галеты или сухари, банки консервов. «Весной 1916 года этот НЗ было разрешено съесть, — галеты из белой муки были очень вкусны, а консервы из осетрины, целым куском, просто великолепны» [13, с. 32–33].

Офицеры питались главным образом в офицерском собрании. Они «выбирали “хозяина собрания”, отвечающего за офицерскую лавочку, которая, в отличие от солдатской, имела более обширный ассортимент товаров» [13, с. 33]. О доставке продуктов для кухни заботился артельщик — унтер-офицер. Часть продуктов он приобретал за наличный расчет у хозяйственной части, а часть покупал у местного населения. Еду готовил

квалифицированный повар с помощником. Меню офицеров «состояло примерно из таких блюд: завтрак — два пирожка с рисом и яйцами или с мясом и булки — “франзоли”. Предприимчивый повар возил с собой чугунную плиту и духовку и на каждом новом месте складывал плитку, на которой готовил обед, и в духовом шкафу пек. Обед: мясной суп или щи, жаркое, от котлет до жареных уток или кур с соответствующим гарниром (макароны, пюре, каша). Ужин — котлеты, заливное, бефстроганов» [13, с. 34]. Стоимость питания равнялась примерно тридцати рублям в месяц.

На позицию еда доставлялась денщиками. Когда же полк стоял на отдыхе или в резерве, устраивалась специальная столовая или же приспособлялась для этой цели изба, в зависимости от обстановки сооружался просто примитивный навес с вкопанными в землю столами и лавками. Офицерский состав должен был в обязательном порядке являться на обед. За стол садились, только когда приходил командир полка, и с его разрешения приступали к трапезе. Иногда во время обеда даже играл полковой оркестр. После ухода командира официальность исчезала, молодые офицеры вели себя более раскрепощенно, начинались веселые разговоры, рассказывали байки, анекдоты. Однополчане могли лучше познакомиться друг с другом, поскольку, находясь в окопах, они знали подчас только своего сослуживца по роте и командира батальона.

Существенные особенности военного быта были связаны с местом проведения боевых действий, родом войск, национальным составом полка и др. Вспоминая о службе во время войны в Кабардинском полку, А.А. Арсеньев писал: «Отношения между офицерами были чрезвычайно дружеские и сердечные. Никому не приходило в голову считаться с национальностью или принадлежностью к тому или иному племени, все чувствовали себя русскими офицерами, членами одной и той же семьи. В числе симпатичных обычаев была обязанность адъютанта полка при общих обедах и ужинах в офицерском собрании подсчитывать, сколько присутствует христиан и сколько мусульман. Если большинство за столом составляли мусульмане, — все оставались в папахах, если христиане, — папахи снимались» [2, с. 10].

Проблема воды во время боевых действий иногда становилась вопросом жизни и смерти. Капитан С.Г. Лучанинов вспоминал о первых месяцах войны: «вступили в Восточную Пруссию, вода в колодцах была отравлена... стояла невыносимая жара. Кое-где были прибиты таблички “Вода отравлена. Довольствие собственным попечением”» [10]. Подчас в обстановке тяжелых боев воду приходилось брать из ямок, вырытых в болоте, что приводило к острым инфекционным заболеваниям. «Иногда колодцы были завалены нечистотами, трупами животных, — писал офицер 40-го пехотного Колыванского полка. — Только три или четыре колодца

показались чистыми, и солдаты устремились к ним напиться холодной воды и наполнить свои баклаги. Но уже часа через два у всех, кто пил эту воду, началась рвота и колики. Полковые врачи сделали анализ воды, в которой обнаружили бактерии европейской холеры (холерины). С некоторым запозданием были приняты меры предосторожности: ко всем колодцам поставили часовых, а воду стали возить из реки, что протекала в 1½ верстах от села, и эту воду было запрещено пить в сыром виде» [17, с. 36].

Плохая вода часто бывала причиной тяжелых желудочно-кишечных заболеваний. Георгиевский кавалер, офицер Эриванского полка К.С. Попов писал: «В настоящее время помимо пуль и снарядов нас донимает холера, — ежедневно у меня в полку бывает несколько случаев, несмотря на все принимаемые меры [10, с. 127]. Резко возростала заболеваемость в период таяния снегов, вскрытия рек и озер, «санитарное управление Армии опасалось брюшного и сыпного тифа, <...> было получено распоряжение об обязательной противотифозной прививке всей Армии. <...> В Армии, в солдатской толще, кем-то были пущены всякие вздорные слухи о том, что эти прививки вредно отражаются на здоровье и имеют всякие неожиданные последствия. В некоторых частях по поводу прививок были даже серьезные трения и понадобилось вмешательство высших инстанций, до штабов Армий включительно, для их прекращения. Чтобы доказать всю вздорность таких слухов, в первую очередь прививка была сделана офицерам» [6, с. 7–8]. С целью профилактики для нижних чинов также увеличили дневную норму чая и стали добавлять в пищу лимонную кислоту.

Важным составляющим фронтового быта являлось обмундирование военнослужащих. С началом войны полностью отменялась форма мирного времени. Так, черные суконные мундиры и брюки, цветные погоны, петлицы, околыши фуражек, не говоря уже о киверах и нагрудных лацканах, как демаскирующие, замещались серо-зеленой формой. Защитная окраска полевой формы стала применяться в русской армии еще в ходе Русско-японской войны. Официально обмундирование защитного цвета для солдат и офицеров было введено в 1907 г. Летняя форма солдата включала гимнастерку с двумя нагрудными карманами, брюки, фуражку с железной кокардой, две пары бязевого белья, две пары бязевых портянок, кожаные сапоги. Для экономии кожи голенища сапог подчас уменьшали на 5 см, применяли брезент для голенищ. Шинель была из серо-шинельного солдатского сукна, на крючках, с холщовой подкладкой до талии.

Зимой предусматривались суконные гимнастерка также с двумя нагрудными карманами и брюки, фланелевые белье и портянки (последние могли быть и суконными), а также ватные стеганые куртка и брюки. Папаха изготовлялась из искусственного барашка с отстегивавшимися за-

тыльником и боками, что позволяло закрывать шею и уши. В холодное время предполагалось ношение фланелевого набрюшника с завязками. Башлыки из верблюжьей шерсти и черные суконные галстуки мирного времени были отменены. Для защиты носа и рта применялась суконная полоска, которая одним концом пришивалась к внутреннему краю папахи, а противоположным застегивалась на пуговицу, пришитую к другой стороне папахи. Погоны, как и вся форма, были защитного цвета, суконные или молескиновые. Иногда солдатам зимой выдавались валенки. Зимние рукавицы имели указательный и большой пальцы для удобства стрельбы из винтовки. Воюющие в горной местности снабжались железными кошками для прикрепления их к подошвам сапог. Разницы в экипировке между гвардейской и армейской пехотой почти не было, разве что качество гвардейского обмундирования, прежде всего шинельного сукна, было лучше. В целом покрой полевой формы был удобным, а ее защитный цвет хорошо отвечал условиям военных действий.

Медные поясные бляхи с двуглавым орлом стали редкостью и сохранились только у кадровых военных. Их заменили пряжки. Солдаты имели вещевой заплечный мешок нового образца: из защитного брезента со стягивающейся горловиной и лямками (до войны был мешок, который солдаты носили через плечо на широкой лямке). В нем хранились несколько пачек патронов, ружейные принадлежности, предметы личной гигиены, запасное белье и портянки, небольшой запас продуктов, табака, ложка, кружка и др. Ранцы остались главным образом только в гвардии и у артиллеристов. Один из фронтовиков отмечал: «Гвардейский ранец, по моему, был практичнее вещевого мешка армейского пехотинца и удобнее для носки. Не буду вдаваться в подробности устройства вещевого мешка, скажу лишь, что ни изобретатели, ни утвердившее его начальство не отдавали себе отчета в том, что это было за ‘идолище’, как выражались солдаты» [18, с. 27].

В 1917 г., после Февральской революции, произошли некоторые изменения в форме: появились ботинки с обмотками, ношение которых требовало определенного опыта в их наматывании, в противном случае они опускались или разматывались. Вошли в военный обиход также суконные или бязевые пилотки, стальная каска французского образца.

Офицеры приобретали обмундирование за свой счет. Мобилизацией предусматривалось, чтобы офицерское обмундирование практически не отличалось от солдатского, то есть мундир заменялся походными рубашками солдатского образца. Однако вскоре офицеры стали нарушать эту статью устава. Как вспоминал командир лейб-гвардии 2-го стрелкового Царскосельского полка Э.А. Верцинский, «со временем эти рубашки стали приобретаться разных покроев и цветов; появились разрезанные до ни-

за рубашки, разного рода куртки, френчи, встречались кителя мирного времени. В общем офицерство стало одеваться крайне разношерстно и разнообразно. В виду этого мною было предложено офицерам полка выработать одинаковый и для всех обязательный образец. За последний был принят френч» [4, с. 91]. «Жесткие» русские фуражки стали заменяться на «мягкие» британские.

Форма военных чинов в национальных частях, таких как, например, Кавказская туземная конная дивизия, сформированная в начале войны, имела существенные отличия. Откомандированный в 1915 г. в Ингушский конный полк Кавказской туземной конной дивизии корнет А.Л. Марков вспоминал, что состав полка имел «весьма живописный вид, хотя непривычный для глаза строевого кавалерийского офицера. Каждый всадник был одет в черкеску, бешмет и папаху того цвета, который ему больше нравился, и сидел на коне какой угодно масти. Общего цвета были лишь огромные и лохматые рыжие папахи» [12, с. 7]. В дивизию входил и Кабардинский конный полк. В мемуарах корнета А.А. Арсеньева отмечалось, что «большинство всадников кабардинцев явились в полк с собственными конями, седлами, шашками и кинжалами. Казенными были лишь винтовки и пики. Формой полка служила обычная одежда кабардинцев: длинная, значительно ниже колен, черкеска черного цвета (у кабардинцев не были приняты цветные черкески), черный же бешмет, невысокая черная каракулевая папаха с белым верхом и белый же башлык. На ногах — чувяки с ноговицами или сапоги. Бурка — черная. На второй год войны кабардинский народ прислал в подарок офицерам своего полка прекрасные бурки серого цвета, специально для них сделанные» [2, с. 10].

В реальной фронтовой действительности не всегда благополучно было и с обмундированием. Уже в ноябре 1914 г. наступили сильные холода, а теплой одежды еще не было. Подключились общественные организации, и к декабрю из Петрограда получили теплое белье. Для офицеров — это кальсоны, фуфайки или жилеты из верблюжьей шерсти, солдатам выдали белье на вате. Одежда была простая, но теплая и практичная.

Несмотря на тяжелые условия военного быта, в Русской императорской армии традиционно отмечались главные религиозные праздники, такие как Рождество и Пасха, а также праздники полковые. В эти дни служили праздничный молебен, проводились смотр войск, обед с улучшенным довольствием для нижних чинов, различные развлечения для солдат, офицеры устраивали скромную дружескую трапезу. Отмечали на фронте и мусульманские праздники. Если в полку насчитывалось более 500 человек солдат иного вероисповедания, то командир полка имел право пригласить для их обслуживания духовное лицо этого вероисповедания. А. Марков, вспоминая о своей службе в Ингушском конном полку, писал: «отпразд-

новали Байрам, считавшийся одновременно и праздником полка. После произнесенных почтенным полковым муллой в зеленой чалме, красном халате и с белой бородой мусульманских молитв полк прошел повзводно мимо начальства, затем начались очень оригинальные скачки согласно горскому обычаю» [12, с. 7].

Война серьезно истощала физические и моральные силы, требовалось их восстановление. Частью фронтовой жизни стала забота командования об организации отдыха для солдат и офицеров. Когда затягивались периоды позиционного этапа войны, когда полк достаточно долго находился в резерве, командиры решали, как внести в эту монотонную жизнь некоторое разнообразие. Примером организации досуга является подготовка праздничного концерта в лейб-гвардии Волынском полку. В результате тяжелых боев в сентябре 1916 г. полк понес большие потери, затем последовал период позиционного затишья. «Зима была до крайности скучная. Единственные развлечения — перемена участков позиции, изучения их самих и подступов к ним. Особенно скучно было нижним чинам, на долю которых выпадали «словесные» занятия в окопах и строевые во время пребывания в резерве», — писал командир полка генерал-лейтенант А.Е. Кушакевич [9, с. 14]. Учитывая это обстоятельство, командование батальона приняло решение устроить праздник, «тем более что из запасного батальона доходили слухи о приобретении кинематографа и о составлении из профессионалов театральной труппы. Решено было: кино и труппу выписать на фронт» [9, с. 14].

В запасном батальоне лейб-гвардии Волынского полка по мобилизации оказалось очень много солдат разных, в том числе творческих, профессий: музыканты, артисты, даже клоуны. Придумали устроить для офицеров кабаре в стиле очень модного в те годы Театра-кабаре «Летучая мышь» Никиты Балиева. Подыскали здание, которое можно было оборудовать под помещение для кабаре. Заскрипели пилы, застучали топоры, и в три дня большой зал заброшенной школы преобразился: его заполнили изящные столики, для артистов соорудили сцену. Художники, импровизируя на тему «Летучей мыши», задекорировали стены и окна, для чего в ход пошли полотнища походных палаток. Лампы и бра соорудили из колючей проволоки. Снаружи над входной дверью повесили огромный фонарь с освещавшимся изображением «Летучей мыши». Уже сама работа по оборудованию помещения, установке на улице экрана и будки для показа кинофильмов, репетиции артистов внесли в фронтовую жизнь большое оживление.

Концерт был назначен на 12 января. К этому времени в полк с очередным пополнением прибыли румынский оркестр, популярные клоуны братья Костанди, знаменитый куплетист, шансонье и мим-эксцентрик Серебряного века Михаил Николаевич Савояров, известные театральные ар-

тисты. На представление пригласили командира корпуса, начальника дивизии, офицеров их штабов, врачей и сестер милосердия.

Вначале состоялся непродолжительный (из-за мороза) сеанс кинематографа, затем перешли в кабаре и заняли места за столиками. Как только все разместились, конферансье, артист Художественного театра Вишневский просил внимания и начал программу вечера. Гостей угощали вином, чего на фронте давно не было и что сразу повысило настроение. За закусками последовала подача вкусных блюд ужина. Было очень чинно и в то же время очень оживленно и весело. Благодарные зрители выражали свое восхищение талантам артистов дружными аплодисментами. На следующий и последующие дни та же программа повторялась для нижних чинов, за исключением ужина. Солдаты с восторгом потом вспоминали «о кино и театре», в которых большинство из них раньше никогда не было. Участники этого праздника, делясь воспоминаниями, говорили о том, как, забыв все тяготы боевой обстановки они прекрасно отдохнули среди друзей, с которыми редко приходилось собираться, даже будучи в резерве, «чтобы завтра с новой энергией продолжить свое маленькое, но великое дело — дело защиты Родины» [16, с. 16].

Лейб-гвардии Финляндский полк вышел совершенно обескровленным из тяжелых оборонительных боев 1915 года. Предстояла огромная работа по возрождению полка, комплектованию его прибывающими из запасного батальона маршевыми ротами. В составе Гвардейский корпуса он был отведен в резерв для пополнения и восстановления своей боеспособности. Чтобы поднять моральное состояние солдат были закуплены музыкальные инструменты. При обозе 2-го разряда под руководством прапорщика Тихова организовали балалаечный оркестр. В этот период командир лейб-гвардии Финляндского полка генерал Клодт фон Юргенбург вызвал в штаб начальника учебной команды подпоручика Б.Н. Сергеева и приказал к Рождеству 1915 г. силами учебной команды подготовить для солдат спектакль.

С трудом, но удалось найти две пьесы комедийного характера. Буквально вся учебная команда с большим энтузиазмом включилась в его подготовку. Б.В. Сергеев поражался, какие все-таки артистические качества таит наш народ. Надо было удивляться, как верно понимали, назначенные «артисты» свои роли, как в них входили, сами делали парики, сцену с занавесом, декорации, доставали костюмы. Трудные зимние переходы, занятия шли параллельно с репетициями. К Рождеству смогли подготовить два солдатских спектакля с участием музыкантов.

Новый командир Финляндского полка полковник А.Н. Моллер был сторонником того, чтобы полк, будучи в резерве, уделял внимание спортивным занятиям и «развивал среди всех чинов полка любовь к спорту».

Младшим офицерам В. Андрееву и Н. Якунину он дал поручение подготовить спортивный праздник. Командир разрешил взять из обоза 2 разряда все, что потребуется для создания спортивных костюмов из солдатского обмундирования и отдал распоряжение привлечь для этого полковую швальню (портняжная мастерская) и сапожную мастерскую. «При помощи полковых сапожников превратили солдатские сапожищи в элегантные “бутсы” — сапоги для игры в футбол, кальсоны в спортивные трусики, рубашки в спортивные безрукавки» [1, с. 77]. Желающих пригласили принять участие в том или ином виде спортивного состязания. «Все офицеры и солдаты полка <...> откликнулись на устройство спортивного праздника. По программе первым номером был футбольный матч. <...> После футбола начались легкоатлетические состязания – бег, прыжки. Последним номером программы были конные скачки» [1, с. 77].

Организация отдыха и досуга нижних чинов и офицеров Российской императорской армии во время периодов затишья между боевыми действиями была важной составляющей Первой мировой войны, поскольку это помогало сохранять психологическую устойчивость фронтовиков, восстанавливать физические силы, переносить тяжелые условия войны.

Список литературы

1. Андреев В. Спортивный праздник // Финляндец. Осведомительный листок Объединения лейб-гвардии Финляндского полка. Юбилейный номер. 1956. С. 76–77.
2. Арсеньев А.А. Воспоминания о службе в Кабардинском конном полку // Военная быль. 1972. № 117. С. 9–17.
3. Биркин В.Н. Таврические гренадеры // Военная быль. 1970. № 103. С. 22.
4. В. Каменский Военная быль - №118 Сентябрь 1972 года с.43.
5. Верцинский Э.А. Из мировой войны: памятные записи командира полка и офицера Генерального Штаба за 1914–1917 годы. Ревель (Таллин), 1931. 169 с.
6. Геруа А.В. Воспоминания командира полка // Вестник Волынца. 1933. № 10–11. С. 5–14.
7. Звегинцов В.Н. Кавалергарды в великую и гражданскую войну. Ч. 3–4. Париж: Танаис, 1966. 206 с.
8. Каменский В.А. Императорская гвардия // Военная быль. 1972. № 118. С.40–44.
9. Краткая характеристика офицеров Лейб-гв. Петроградского полка // MuséeRoyalde l'Armée. Voîte IV. 23.

10. Кушакевич А.Е. Кабаре на фронте Л. Гв. Волынского полка // Вестник Волынца/ 1933. № 10–11. С. 14–15.
11. Лейб-Эриванцы в Великой войне: Материалы для истории полка в обработке полковой исторической комиссии. Париж, 1959. 246 с.
12. Лучанинов С.Г. Краткий перечень боевых действий Л. Гв. Петроградского полка в первый период войны 1914–17 г. // MuséeRoyalde l'Armée. Voîte IV. 29.
13. Марков А.Л. В Ингушском конном полку (Из цикла «Кавказская Туземная Дивизия») // Военная быль. 1957. № 22. С. 6–11.
14. Послесловие к статьям КРТ// Военная быль, 1974. № 129. С. 30–35.
- Свежевский Б.Н. Воспоминания // MuséeRoyalde l'Armée. Voîte IV. 23.
15. Сергеев. Мой солдатский спектакль на фронте // Финляндец. Осведомительный листок Объединения лейб-гвардии Финляндского полка. 1963. № 42. С. 21–28.
16. Трескин Л.Н. Летучая мышь // Вестник Волынца, 1933. № 10–11. С. 15–17.
17. Удачный бой. Из боевой жизни 40-го пехотного Колыванского полка// Военная быль, 1970. № 102. С. 35–38.
18. Цимбалюк В. Пехота // Военная быль. 1958. № 32. С. 27–28.

УДК 94 (47)

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ СУДА ПРИСЯЖНЫХ В РОССИИ

*Кузенкова Марина Викторовна,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры общественных наук,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет.
E-mail: marinahistory@yandex.ru*

ON THE HISTORY OF JURY TRIAL IN RUSSIA

*Marina Viktorovna Kuzenkova,
candidate of historical sciences,
associate professor of the department of social sciences,
St. Petersburg State University of Economics*

Аннотация. Цель статьи — проанализировать истоки рассмотрения судебных дел в России с участием представителей общественности со времен Древней Руси и до возрождения суда присяжных в 1991 году. Автор рассматривает различные этапы процесса становления суда присяжных в России, уделяя внимание исследованию постепенного вовлечения непрофессионального элемента, представителей общества в судебные тяжбы. В статье анализируются различные формы участия населения в отправлении правосудия. Большое внимание уделено таким формам участия населения в судебном процессе, как извод, суд тиуна, институт судебных мужей и целовальников, суд вече и их изменениям с развитием российской государственности. Автор рассматривает все исторические периоды развития России. Уделено внимание главным особенностям создания полноценного суда присяжных в ходе реформ Александра II, а также последующим за ними изменениям. Автор делает обоснованный вывод, что составители судебных Уставов, согласно которым были организованы мировой суд, избираемый обществом, и суд присяжных, состоящий из непрофессиональных граждан, руководствовались богатым историческим опытом существования судебной системы в нашей стране.

Abstract: The article aims to analyze the origins of the consideration of court cases in Russia with the participation of representatives of the public from the times of Ancient Russia until the revival of the jury trial in 1991. The author considers various stages of the process of formation of the jury trial in Russia, paying attention to the study of the gradual involvement of the non-professional element, representatives of society in litigation. The article analyzes various forms of participation of the population in the administration of justice. Much attention is paid to such forms of participation of the population in the judicial process as izvod, the court of the tiun, the institution of judicial men and kissers, the court of the veche and their changes with the development of Russian statehood. In the article, the author includes all historical periods of the development of Russia. Attention is paid to the main features of the creation of a full-fledged jury trial during the reforms of Alexander II, as well as the changes that followed them. The author made a reasonable conclusion that the authors of the judicial Statutes, according to which the magistrate's court elected by society and the jury trial consisting of non-professional citizens were organized, stood on historical grounds.

Ключевые слова: непрофессиональные судьи; общественный контроль; Россия; суд вече; суд присяжных; суд шеффенов; судебный процесс; судебные мужи; целовальники.

Key words: court men; court of sheffens; jury trial; kissers; non-professional judges; public control; Russia; trial; veche trial.

История коллегиального рассмотрения судебных дел в России имеет долгий путь и глубокие корни. Принцип коллегиальности, участие непрофессионального элемента, привлечение граждан в отправлении правосудия развивались в различных формах на протяжении нескольких сто-

летий. И в настоящее время вопрос сохранения института коллегиального рассмотрения дел и целесообразности задействовать в нем представителей общественности остается актуальным для российского права.

О полноценном введении суда присяжных в России можно говорить только с середины XIX, когда он был официально провозглашен в результате судебной реформы императора Александра II.

Однако зарождение данного института в России имеет глубокие корни, участие общественности в судопроизводстве прошло несколько этапов.

Становление судебной системы Русского государства берет начало в X веке и с самого начала было связано с участием в ней населения. На ранней стадии развития государства в нем не существовало специальных судебных органов. Суд в Древней Руси вершился князем и его административными лицами — посадниками и тиунами. Поскольку суд не был отделен от администрации, к участию в судопроизводстве было необходимо подключать представителей общества, непрофессиональный элемент. Окончательное решение в судебном процессе должно было приниматься лицами, не имеющими государственных властных полномочий в расследовании преступлений, непрофессиональными судьями. Можно считать это прообразом суда присяжных, хотя и с большими оговорками. Безусловно, степень и уровень участия представителей от общественности зависели от развития государственности и в каждый исторический период имели свои особенности.

Если говорить о периоде Древней Руси и Московского царства до XVI века включительно, то участие населения в судопроизводстве осуществлялось в основном в двух видах: суд шеффенов и суд вече. Суд шеффенов предполагает участие общественности не как самостоятельного института, а как осуществление правосудия совместно с административными лицами. Термин «суд шеффенов» возможно употребить для характеристики судебной системы Древней Руси и Московского царства, т. к. он отражает суть института участия народных представителей в правовой системе этого периода. Фактически оно существовало в подобной суду шеффенов форме, хотя документально термин и не использовался. Привлечение населения к участию в судебном процессе в форме суда шеффенов имело различные варианты.

Так, например участие населения в отправлении правосудия совместно с административными лицами в это время могло осуществляться в следующих формах: в виде извода (судебного доказательства) перед двенадцатью мужами, в виде суда тиуна (княжеского или боярского управляющего), института судных мужей (добрых людей, лучших людей) и целовальников.

Древняя форма участия населения в отправлении правосудия в форме извода перед двенадцатью мужчинами известна еще «Русской правде». Древнерусское население было довольно активным в правовой сфере. Для установления правоотношений (спора) к участию в суде привлекались двенадцать человек — по шесть с каждой тяжущейся стороны. Они должны были быть свидетелями сделки или договора, их показания являлись подтверждением и важным доказательством содержания соглашения сторон. Данный институт назывался «извод» (доказательство), регламентированный в Краткой Правде [1, ст. 35–39]. Можно рассматривать данный институт как посреднический орган в отправлении правосудия. Он применялся и на досудебной стадии разбирательства.

Правосудие вече, народного собрания, восходит к IX–X вв. Оно было присуще всем землям Древней Руси. Имеются сведения, что вече могло освободить обвиняемых от наказания, которое могло исполняться только при утверждении решения князя вечевым собранием [2, с. 64]. Деятельность вече активизировалась с конца XI – начала XII вв. Киевские князья стали значительно чаще прибегать к помощи избранных народом вечевых представителей в разрешении конфликтов. С распадом государства на отдельные уделы со второй четверти XII века суд вече получает свое развитие. Именно в этот период до середины XIII века в источниках можно найти немало упоминаний о случаях вечаемого суда в домонгольской Руси [2, с. 70].

Вече в основном осуществляло разбор преступлений в присутствии князей, но порой становилось самостоятельным органом и выступало против власти [3, с. 256]. Вечевой суд разбирал преимущественно политические преступления должностных лиц, дела, имеющие широкий общественный резонанс. Но многие историки отмечают, что на вече рассматривались и менее тяжкие уголовные дела, а также и гражданские дела [4, с. 36].

Несмотря на то что вечевой суд имел немало черт патриархальности, можно утверждать, что он сыграл важную роль в формировании правовой культуры Древней Руси

Одной из ранних форм участия представителей населения в отправлении правосудия является институт целовальников в Московской Руси XV–XVII веков, или, как их еще называли, судных или лучших мужей.

Их появление было связано с тем, что московские власти были напуганы размахом таких тяжких уголовных преступлений, как разбой, убийства, и решили возложить суд на выборные губные органы, называвшиеся Губные избы.

Состав Губных изб — губные старосты и целовальники — избирались самим населением из «лучших людей», которые наделялись обширными правами, хотя и под контролем властей.

Первое упоминание о необходимости участия лучших людей в судебном процессе содержится в Судебнике 1497 года. Позднее, в 1508 г., Василий III в уставных грамотах предписывает учреждение подобных органов в Новгороде. В грамотах указывалось, что «для избежания кривды на суде», Великий князь приказал тиунам судить с целовальниками, по 4 на каждый месяц [5, с. 6]. Позднее данное положение входило во все уставные грамоты. Администрация – наместники, волостели не имели права судить без сотского, старосты, дворского и лучших людей (судных мужей)» [6, с. 52]. При Иване Грозном в Судебнике 1550 года и Стоглаве 1551 г. был регламентирован порядок назначения судных или лучших мужей. Они избирались свободным населением и перед вступлением в должность клялись честно исполнять возложенные на них обязанности, «на чем целовали крест» (отсюда и название).

Важно особо отметить, что дела не могли рассматриваться без присутствия выборных от населения. Хотя и считалось, что общественные представители не имели права выражать свое мнение по поводу степени вины подсудимого, а должны были только «оберегать правду» судебного процесса и не обходились без административного элемента, они, будучи представителями общественности на суде, во многом определяли справедливость судебного процесса.

Таким образом, наместники и волостели были поставлены под общественный контроль, причем выборными от населения людьми.

Вместе со старостами (главами местных администраций) они разбирали тяжбы, а также разрешали местные хозяйственные, финансовые, административные вопросы, осуществляли функции полиции.

Старосты и целовальники следили за соблюдением традиций, за правильным ведением документации, судного списка. Они письменно или устно подтверждали отсутствие нарушений в судебном разбирательстве, взяточничества, проведения справедливого беспристрастного разбирательства.

Конечно, назвать их прототипом суда присяжных можно с большой осторожностью, это был именно суд шеффенов, т. е. они судили вместе с представителями царской власти — воеводами и наместниками, которые вели основное разбирательство и выносили приговор. Но и не будем преуменьшать роль целовальников, находившихся в суде с властями, «сидели» с ними, чтобы «беречь правду, без всякой хитрости».

По мере усиления, центральной власти наблюдалась тенденция к ограничению и снижению роли непрофессионального элемента в судопроизводстве.

К концу XVII века завершается процесс огосударствления правосудия. К XVIII веку судные мужи утратили свою значимость и были

упразднены. При Петре I подобное представительство не носило системного характера, имело место в городских магистратах, иногда в словесных судах. Дальнейшее развитие народного представительства в судебных делах связано с судебной реформой Екатерины II в 1775 г.

Административно-судебная реформа Екатерины II изменила старую судебную систему в соответствии с изменившейся действительностью. Во-первых, сословные суды создавались на основе выборов, в них судебские должности стали выборными. Состав сословных судов устраивался без коронного элемента. Кроме того, эти суды имели народных представителей. В рамках первой и второй инстанций в суды было введено представителей разных сословий, кроме крепостных крестьян. Сословия имели право участвовать в судебных учреждениях. В уездных судах, например, был создан институт дворянской опеки, в составе которой были представители от общественности — предводитель дворянства, заседатели [7, с. 41].

В высших судебных органах — Палате по уголовным делам и Палате по гражданским делам — местное население участия в процессе судопроизводства не принимало. Екатерина II на высшем уровне судопроизводства проигнорировала вовлечение народа к участию в отправлении правосудия.

Значительное, целостное привлечение представителей общественности к судопроизводству связано с Великими реформами императора Александра II, в числе которых наиболее последовательной и демократичной являлась судебная реформа. Не вызывает сомнения, что составители судебных Уставов, согласно которым был организован мировой суд, избираемый обществом, и суд присяжных, состоящий из непрофессиональных граждан, стояли на исторической почве.

В Указе Правительствующему Сенату говорилось о желании «водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных наших, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе нашем то уважение к закону, без коего невозможно общественное благосостояние...» [8, с. 44–47]

В результате реформы 1864 г. в России была создана судебная система, в рамках которой существовали две формы суда с народным представительством: суд присяжных и суд сословных представителей.

Суд присяжных, введенный в ходе этой реформы, являлся полноценным и полноправным органом. В суде присяжных процесс был гласным и состязательным: прокурор представлял обвинение, а адвокат (присяжный поверенный) защищал обвиняемого. Присяжные выносили вердикты, а судья следил за тем, чтобы процесс проходил в рамках закона. Суд присяжных состоял из 12 присяжных заседателей, которые выбирались по жребию из

«местных обывателей всех сословий». Присяжные решали, виновен или не виновен подсудимый, а меру наказания определял судья. Это было шагом вперед, поскольку они представляли все слои российского общества, в отличие от сословных судов дореформенного периода. С целью поднятия авторитета судебной системы практика формирования жюри могла свободно подвергаться критике, причем не всегда обоснованной.

Суд сословных представителей отличался от суда присяжных тем, что являлся единой коллегией из профессиональных судей и представителей сословий. К рассмотрению особо важных преступлений, таких как преступления по должности или госизмена, привлекался уездный или губернский предводитель дворянства, а также глава города или волости. В Суде сословных представителей, состоявшем, таким образом, из профессиональных судей и представителей дворянства, мера наказания, вопрос о степени виновности решались совместно.

Функции суда присяжных и сословного суда до начала XX века постоянно менялись, передавались в ведение то одного, то другого. Это создавало громоздкую документальную базу. По этой причине происходила постоянная реорганизация суда присяжных. Однако в ходе реорганизации основные принципы степени участия населения в судопроизводстве оставались неизменными, существуя в той форме, в которой они были разработаны Судебными уставами 1864 года.

Позволив гражданам самим участвовать в определении виновности на основе своих представлений о справедливости, суд присяжных дал возможность человеку избежать несправедливого наказания в случае отсутствия вины, а также возможность снисхождения. Он стал гарантией от необоснованного политического преследования, что значительно укрепило авторитет власти, уважение к ней. Нельзя не отметить, что он способствовал и правовому воспитанию граждан.

Суд сословных представителей постоянно менялся, одновременно сосуществуя в нескольких формах. По сути, он являлся российской версией суда шеффенов.

Временное правительство, пришедшее к власти в 1917 году, фундаментально изменило подход к участию народного непрофессионального представительства в суде. Во-первых, суд сословных представителей был отменен и дела, которые были ему подсудны, переданы в ведение суда присяжных, который стал единственной формой участия народного представительства в судопроизводстве. Также были созданы военно-сухопутный и военно-морской суды присяжных. Они отличались от общей модели суда присяжных.

Суд присяжных при Временном правительстве имел значительные недостатки, в силу которых он не мог остаться неизменным. Данный уго-

ловно-процессуальный институт, несмотря на то что привнес значительные позитивные изменения в осуществление правосудия, вне сомнения, требовал своего дальнейшего совершенствования как в законодательстве, так и в организации и формировании корпуса присяжных.

Институт присяжных до его отмены в 1917 г. просуществовал в России 53 года.

Возрождение суда присяжных началось в конце правления М.С. Горбачева. Окончательная разработка новой концепции судебной реформы состоялась в 1991 г. при президенте Б.Н. Ельцине и предполагала введение суда присяжных, если обвиняемому грозило наказание в виде лишения свободы на срок свыше 1 года. После многолетнего перерыва процесс с участием суда присяжных стал действовать в Российской Федерации.

Список литературы

1. Русская Правда (Краткая редакция) от 27.03.2019 // Библиотека литературы Древней Руси. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. – Т.4: XII век. [Электронное издание]. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusitom-4/13
2. Чебаненко С.Б. Основные черты вечевого правосудия в Древней Руси // ROSSICA ANTIQUA. 2013. С. 64–104.
3. Фроянов И.Я. Об эволюции вечевой и княжеской власти в Киеве (конца X — начала XII века). Русское средневековье: Сборник статей в честь профессора Юрия Георгиевича Алексева. М.: Древнехранилище, 2012. С. 255–259.
4. Греков Б.Д. Киевская Русь. М.: Политическая литература, 1953. 586 с.
5. Кривоносов М.М., Манягин В.Г. История гражданского общества в России. Ч. II. Гл. 4. М.: Книжный мир, 2015. 449 с.
6. Стус Н.В. Участие представителей населения в отправлении правосудия в Московской Руси XV–XVII веков // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 1 (29). С. 51–54.
7. Федосеев Р.В. Должности, замещаемые посредством дворянских выборов по законодательству второй половины XVIII — XIX века // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2019. № 3 (6). С. 39–49
8. Хрестоматия по истории государства и права России / Под ред. Ю.П. Титова. М., 2008. 464 с.

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СФЕРЕ ТУРИЗМА

*Щемелева Елена Геннадьевна,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры общественных наук,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет.
E-mail: shchemeleva.l@yandex.ru*

FROM THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL ORGANIZATIONS IN THE FIELD OF TOURISM

*Elena Shchemeleva,
Associate Professor of the Department of Social Sciences
Saint-Petersburg State University of Economics*

Аннотация. Рассматриваются основные этапы становления международных туристских организаций. Дается оценка практической деятельности организаций, работающих в сфере туризма, связанных с развитием туристской индустрии и туристских связей в мировом сообществе.

Abstract: The main stages of the formation of international tourism organizations are considered. The assessment of the practical activities of organizations working in the field of tourism related to the development of the tourism industry and tourism relations in the global community is given.

Ключевые слова: ВТО; международное сотрудничество; международные ассоциации; международные туристские организации; МСОТО; ООН; туризм; ЮНВТО.

Keywords: international associations; international cooperation; international tourism organizations; IUOTO; tourism; UN; UNWTO; WTO.

В современных геополитических условиях активный туристский обмен все больше рассматривается в качестве важной составляющей экономических интеграционных процессов, а также важного звена в развитии международного сотрудничества. В ряде стран туризм стал на сегодняшний день основой сферы услуг. Международное сотрудничество в области туризма наиболее активно проявляется в деятельности международных организаций. Международные туристские организации представляют разновидность международных экономических организаций, которые созда-

ются на основе добровольного членства и работы в них представителей туристской отрасли разных стран, и могут иметь как межправительственный, так и неправительственный характер.

Международное сотрудничество в сфере туризма зародилось на рубеже XIX–XX веков. В 1869 году была учреждена Международная ассоциация владельцев гостиниц, которая начала унифицировать стандарты гостеприимства. В 1921 году она была преобразована в Международный гостиничный союз.

В 1919 году на базе Международной лиги туристских ассоциаций (основана в 1898 г.), одной из главных задач которой было содействие развитию международного туризма и оказание помощи национальным туристским сообществам, был создан Международный туристский альянс (Alliance Internationale de Tourisme, АИТ). Целями данной неправительственной организации являлись изучение вопросов, касавшихся международного туризма, путешествий, а также возможностей их улучшения. Альянс оказывал содействие объединению туристских ассоциаций для координации усилий и защиты их интересов, а также занимался разработкой международной туристской документации.

В 1925 году в Гааге был проведен Международный конгресс официальных туристических ассоциаций. Представители европейских стран, осознавая необходимость объединения усилий для развития туризма, стремились выработать систему международных соглашений в данной сфере.

После окончания Второй мировой войны значение международного туризма стало возрастать. Появились предпосылки к признанию международного туризма как глобального института. В 1946 году на Лондонском конгрессе национальных туристских организаций представители 14 стран договорились о создании Международного союза официальных туристских организаций (МСОТО), который был основан в 1947 году на базе последовательно сменявших друг друга Международного конгресса официальных ассоциаций пропаганды туризма (МКОАПТ, основан в 1925 г.), Международного конгресса официальных туристских организаций (МКОТО, основан в 1927 г.), Международного союза официальных организаций пропаганды туризма (МСОПТ, основан в 1930 г.) [3]. Одна из целей этой международной неправительственной организации заключалась в том, чтобы способствовать международному туризму с целью развития туристской экономики стран-членов и укрепления дружеских социальных и культурных связей.

С ростом значения туризма во внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности многих государств возникла необходимость в оформлении межправительственной организации. ООН объявила 1967 год

Международным годом туризма под лозунгом «Туризм — паспорт к миру», подчеркивая его роль в развитии международного сотрудничества как проводника перемен к лучшему [4]. На 20-й генеральной ассамблее МСОТО (октябрь 1967 г., Токио) были приняты решения о создании межправительственной организации в области туризма и проведении специальной конференции в этих целях. В 1970 году на Генеральной ассамблее МСОТО в Мексике был утвержден устав новой организации — Всемирной туристской организации (WTO), а в 1975 году в Мадриде, где была основана штаб-квартира организации, открылась первая сессия Генеральной ассамблеи Всемирной туристской организации, по итогам которой были разработаны правила деятельности основных органов, рабочая программа, основополагающие принципы и другие значимые документы [3]. Организация получила статус межправительственной (высший орган — ассамблея) и объединила министерства по туризму, генеральные комиссариаты, генеральные директораты или министерские службы, официальные национальные туристские организации более ста стран. Этот факт явился свидетельством всеобщего признания не только экономического, социального, культурного, но и политического значения международного туризма. В создании WTO (ВТО) в качестве межправительственной организации непосредственное и активное участие принимала Организация Объединенных Наций. В 2003 году WTO (ВТО) стала специализированным агентством ООН и была переименована в UNWTO (ЮНВТО), что укрепило ее международное влияние [5]. Приобретение правового статуса специализированного учреждения ООН позволило UNWTO самостоятельно осуществлять свою деятельность на основе международных договоров. Деятельность этой организации направлена на осуществление международного сотрудничества государств в сфере туризма.

История Всемирной туристской организации включает ряд важных конференций, определивших основные направления международной политики в туризме. В 1980 году на Всемирной туристской конференции в Маниле была принята Декларация Манилы, которая подчеркивала, что «мировой туризм может способствовать установлению нового международного экономического порядка, помогая устранить растущий экономический разрыв между развитыми и развивающимися странами и обеспечить устойчивое ускорение экономического и социального развития, особенно для развивающихся стран» [2]. Декларация также рассматривала туризм как силу для мира и взаимопонимания между народами. В 1982 году на конференции в Акапулько был принят Документ Акапулько, который углубил повестку Манилы, фокусируясь на стратегиях развития туризма [3].

В 1999 году на Генеральной ассамблее Всемирной туристской организации был принят Глобальный кодекс этики для туризма, признанный ООН в 2001 году. Кодекс, состоящий из 10 принципов, охватывает экономические, социальные, культурные и экологические аспекты туризма, включая «вклад туризма в взаимопонимание и уважение между народами и обществами» [1]. В 2017 году ООН объявила Международный год устойчивого туризма для развития, подчеркивая роль туризма в достижении Целей устойчивого развития (ЦУР) [4].

UNWTO лидирует в области устойчивого туризма через реализацию таких программ, как Программа устойчивого туризма OnePlanet. Она была начата в 2014 году и направлена на ускорение устойчивого потребления и производства в туризме, решая проблемы изменения климата, загрязнения и потери биоразнообразия. Более того, программа нацелена на поддержание принципов циклической экономики и укрепление устойчивости операций в туризме [6]. Другие инициативы организации включают Глобальную инициативу по пластику в туризме, Решения по энергетике отелей и Международную сеть наблюдательных пунктов устойчивого туризма (INSTO), которые мониторят экономическое, экологическое и социальное воздействие туризма на уровне различных направлений [7].

Исторический анализ развития международных организаций в туризме важен для понимания не только их текущей роли, но и скрытых механизмов влияния на глобальные процессы. История становления международных организаций в туристической сфере наглядно показывает путь постепенного превращения отрасли в ключевой элемент глобальной экономики, систему, связывающую культуру, политику и экологию.

Список литературы

1. Глобальный кодекс этики для туризма. [Электронный ресурс] / URL: <https://www.unwto.org/global-code-of-ethics-for-tourism> (дата обращения: 26.03.2025).
2. Декларация Манилы по мировому туризму. [Электронный ресурс] / URL: <https://www.e-unwto.org/doi/abs/10.18111/unwtodeclarations> (дата обращения: 26.03.2025).
3. История UN Tourism / UNWTO. — URL: <https://www.unwto.org/history> (дата обращения: 25.03.2025).
4. Международный год устойчивого туризма для развития. [Электронный источник] / URL: <https://www.unwto.org/tourism4development2017> (дата обращения: 26.03.2025).
5. Официальный сайт UNWTO на русском / UNWTO. — URL: <https://www.unwto.org/ru> (дата обращения: 25.03.2025)

6. Программа устойчивого туризма OnePlanet. [Электронный ресурс] / URL: <https://www.unwto.org/sustainable-development/one-planet> (дата обращения: 26.03.2025).

7. Observatories (INSTO) / UNWTO. — URL: <https://www.unwto.org/insto> (дата обращения: 03.04.2025).

УДК 94

**ДОХОДНЫЕ ДОМА ПЕТЕРБУРГА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА
КАК ПРОСТРАНСТВО ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

*Демидович Дарья Михайловна,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры общественных наук,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет.
E-mail: d_demidovich@bk.ru*

**APARTMENT HOUSES OF ST. PETERSBURG IN THE SECOND
HALF OF THE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES
AS A SPACE OF EVERYDAY LIFE**

*Darya Demidovich,
Associate Professor at the Department of Social Sciences
Saint Petersburg State University of Economics*

Аннотация. Статья посвящена вопросам изучения повседневного пространства Петербурга второй половины XIX — начала XX века. Цель исследования заключается в выявлении специфики доходного дома как особого типа жилого, рабочего и ресурсного пространств. В работе делается вывод о том, что массовое распространение нового вида жилья привело к сужению пространства повседневности городских обывателей и к сглаживанию социальной дифференциации в повседневной сфере.

Abstract: The article is devoted to studying the everyday spaces of St. Petersburg in the second half of the 19th – early 20th centuries. The aim of the research is to identify the specific features of apartment houses as a special type of residential, working, and resourceful spaces. The study concludes that the widespread adoption of this new housing form led to narrowing down the everyday life space for city dwellers and smoothing out social differentiation within daily routines.

Ключевые слова: городская среда; доходный дом; повседневность; Санкт-Петербург; социальная структура; урбанистика.

Keywords: everyday life; rental house; Saint Petersburg; social structure; urban environment; urban studies.

Доходный дом представляет собой уникальный тип городского жилья, отражающий глобальные изменения в социальной и экономической жизни Российской империи. Быстрый прирост городского населения в результате Великих реформ привел к появлению новой формы жилища — многоквартирных домов, построенных специально для получения дохода. Трансформация жилищных условий должна была сформировать иную повседневность, систему поведения и социальные отношения совершенно нового типа.

В последние годы исследователи часто обращаются к изучению доходных домов. Современные исследования условно можно разделить на несколько категорий: искусствоведческие работы, посвященные архитектурным особенностям и декоративному убранству фасадов, исследования, посвященные реновации доходных домов в крупных городах, и научные труды, рассматривающие различные аспекты повседневности доходных домов [2, 4, 7–9, 12]. Пространство доходного дома становится предметом анализа историков, социологов, искусствоведов и урбанистов, позволяя реконструировать картину быта, традиций и менталитета горожан прошлого столетия. Цель настоящей статьи заключается в выявлении специфики доходного дома как особого типа жилого пространства, влияющего на повседневную жизнь его обитателей.

Как мы уже писали ранее, очертить границы повседневности достаточно сложно, поскольку практически у каждого индивида она разительно отличается, так же как и пространство повседневности [6]. На сегодняшний день термин «пространство повседневности» характеризует территорию, где разворачивается обыденная жизнь и совершаются ежедневные дела, то есть жилье, работа, обеспечение необходимыми ресурсами для жизнедеятельности, досуг. Таким образом, пространство повседневности должно включать в себя практически любую территорию, где появляется обыватель. Доходные дома в данном контексте представляют уникальный феномен — они являются городской структурной единицей, которая включает в себя все эти пространства одновременно. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Основной функцией доходных домов с точки зрения повседневной жизни петербургских обывателей было обеспечение горожан жильем. Необходимо отметить, что к концу XIX века 94% [12, с. 84] жилого фонда Петербурга составляли доходные дома, поэтому большинство жителей столицы

проживало именно в них. Особенностью данного вида жилища было изменение дифференциации жильцов по материальному и сословному признакам. Например, в 1914 году в доходном доме на улице Знаменской, д. 33 одновременно жили мещанин города Калуги К.Ф. Нарбут, плативший за квартиру 180 рублей в год, крестьянин Ярославской губ. А.М. Малышев (120 рублей в год), генерал-майор А.А. Мещерский (504 р. в год) и вдова потомственного почетного гражданина А.Н. Шитова, тратившая на квартиру 2400 рублей в год [11]. Данная ситуация сложилась из-за высокой стоимости земли в Петербурге. Домовладельцы, выкупавшие участки, старались застроить их как можно плотнее, и поэтому наравне с парадными строениями, выходящими фасадами на улицы города, стали появляться дворовые флигели, окна в которых выходили во внутренние дворы с техническими постройками (нужниками, сараями, конюшнями, ледниками и т. д.). Подобное жилье, несмотря на расположение в престижных частях столицы, не пользовалось популярностью у состоятельных жильцов, и цены снижались. Кроме этого, стоимость квартир различалась в зависимости от этажа. Санитарные нормы оценивали качество жилья по многим параметрам, но, пожалуй, самый важный был — сухость помещения. Считалось, что на первом этаже квартиры всегда влажные и плохо влияют на здоровье, поэтому жилые помещения в подвалах и на первых этажах также ценились ниже, чем на более высоких. Но чем выше была квартира, тем сложнее туда было подниматься и доставлять дрова, воду и т. д. Поэтому последние этажи также стоили дешево. Таким образом, если для начала XIX века городское районирование имело четкую градацию по имущественному признаку, то появление коммерческой недвижимости трансформировало эту систему.

Кроме этого, доходные дома создавали новую социальную среду, в которой постепенно терялись традиционные патриархальные связи. Общение соседей перестало носить тесный характер, приобретая черты поверхностного взаимодействия. В связи с частой сменой квартир (например, средний срок жизни квартирантов в доме по Демидову пер., д. 3 — 168 дней, а в доме по Вознесенскому пр., д. 46 — 157 дней [5, с. 136]) горожане практически исключили из своей жизни соседские отношения. Состоятельные жильцы и арендаторы среднего достатка в большей части не были знакомы с другими жителями доходного дома, в котором жили [5, с. 138]. Люди начинали воспринимать свою квартиру скорее как временное убежище, нежели как семейный очаг, символизирующий стабильность и преемственность поколений.

Еще одной особенностью доходных домов как пространства повседневности было совмещение в себе жилого и рабочего пространств. Прежде всего, к городским обывателям, для которых эти пространства были объединены, стоит отнести личную и домовую прислугу. Согласно переписи насе-

ления, в 1890 году в Петербурге насчитывалось 31 811 человек, относящих себя к этой категории [10, с. 54]. Для прислуги в исследуемый период практически полностью отсутствовало разграничение на рабочее и домашнее пространства. Горничные и кухарки чаще всего жили на кухне в квартире, где служили. Дворники жили в специально отведенном помещении — дворничкой. Кроме прислуги существовал огромный пласт так называемых квартирохозяев, то есть горожан, которые жили на доходы от субаренды, при этом сдавали не только комнаты в квартире, но углы и койки. Если рассматривать более состоятельных горожан, то доктора, адвокаты, учителя часто работали дома, иногда выделяя для этого отдельный кабинет, а иногда используя жилое пространство квартиры. Это свидетельствует о тесной интеграции бытовой и профессиональной сфер жизни, что приводило к смешению рабочего и личного пространств. В данном контексте доходный дом выступает как особая среда, формировавшая новые социальные практики и жизненный уклад.

Как отмечалось выше, важной составляющей «пространства повседневности» является удовлетворение базовых потребностей человека. К ним можно отнести еду, воду, одежду, досуг и др. Биологические потребности в городской среде могут быть удовлетворены в различных местах торговли и общественного питания. В Петербурге большинство подобных заведений располагалось на первых этажах доходных домов. Если анализировать справочник «Весь Петербург на 1897 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга», то можно заметить, что большинство предприятий лавочной торговли расположено именно в частных жилых домах, поскольку чем ближе такое предприятие находится к потребителю, тем больший доход оно приносит [3]. Развитие технологий позволило обеспечивать себя продуктами первой необходимости, вообще не покидая дома. В рассказе «Новоселье» В. Авсеенко есть такой отрывок: «Телефон тоже ему поставили, и он несколько раз в день непременно куда-нибудь звонит и даже все покупки в лавках делает не иначе, как по телефону. — Знаешь, — говорит он жене, — закажем по телефону, непременно лучшее дадут, потому что, понимаешь, все-таки внушительности больше» [1, с. 97]. В данном контексте доходные дома не только решали проблему жилищного дефицита, но и выступали важными элементами социальной и хозяйственной инфраструктуры.

Однако активное распространение в столице доходных домов приводило к сокращению пространства повседневной жизни городских обывателей и трансформации сословных границ повседневности. Хотя территория столицы непрерывно расширялась, личное пространство горожан становилось все уже. Переезд в новое жилье часто не менял ситуацию кардинально, ведь большинство предпочитало селиться поблизости от прежнего места проживания, фактически оставаясь в пределах привычного района обитания

[5, с. 249]. Причины такого явления кроются в особенностях урбанизации в исследуемый период: концентрация инфраструктуры, жилья и рабочих мест формировала своеобразные анклав, ограничивая мобильность горожан и способствуя формированию локальных сообществ внутри большого города. Доходные дома во второй половине XIX — начале XX века становились своеобразным локусом, формировавшим вокруг себя новое повседневное пространство, и местом сосуществования множества небольших миров, каждый из которых жил собственной жизнью, отделенной от общего ритма и динамики Петербурга.

Список литературы

1. Авсеенко В. Новоселье // Петербургские очерки. Т. 2. СПб., 1900.
2. Болтенков И.А., Бондарев С.Е. Доходные дома как инвестиционные объекты // Бизнес-образование в экономике знаний. 2023. № 2 (25). С. 12–14.
3. Весь Петербург на 1897 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. [СПб.]: издание А.С. Суворина, [1897]. 519 с.
4. Демидович Д.М. Взаимодействие домовладельцев петербургских доходных домов с полицейскими чинами // Научное мнение. 2014. № 9-3.
5. Демидович Д.М. Доходные дома Петербурга: организация, взаимодействие с государственными и коммерческими структурами, повседневность (1870-е гг. — начало XX века). М., 2023.
6. Демидович Д.М., Ермилов К.А. Повседневность: теоретические аспекты изучения // История. Культурология. Политология. 2024. № 4. С. 26–33.
7. Калинина Д.А. Жилищный вопрос как элемент повседневности политической ссылки рубежа XIX–XX веков (на материалах Вятской губернии) // Проблемы современной науки. Ставрополь, 2016. № 24. С. 116–123.
8. Кириков Б.М. Архитектура петербургского модерна. Особняки и доходные дома. СПб., 2003.
9. Некрасова Е.А. Особенности архитектуры доходных домов Москвы и Санкт-Петербурга конца 19 — начала 20 века // Инновационная наука. 2024. № 6-2. С. 195–198.
10. С.-Петербург по переписи 15-го декабря 1890 года [в 4 ч.]. Население. 1891.
11. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 515. Оп.1. Д. 3441А.
12. Юхнева Е.Д. Жилище как элемент бытовой культуры городского населения (на материалах Петербурга конца XIX века): Дис. ... к. ист. н. СПб., 2004.

НОТА П.Н. МИЛЮКОВА: 18–19 АПРЕЛЯ 1917 ГОДА

*Сулейманова Кумсият Джангереевна,
ассистент кафедры общественных наук
Санкт-Петербургский государственный экономический университет.
E-mail: gargara14@mail.ru*

NOTE BY P.N. MILYUKOV: APRIL 18–19, 1917

*Suleymanova Kumsiyat Dzhangereevna,
Assistant of the Department of Social Sciences,
Saint Petersburg State University of Economics*

Аннотация. В статье рассматриваются нота П.Н. Милюкова и борьба, развернувшаяся вокруг нее между различными политическими силами 18–19 апреля 1917 года.

Abstract: The article examines P.N. Milyukov's note and the struggle that unfolded around it between various political forces on 18–19 April 1917.

Ключевые слова: Апрельский политический кризис 1917 года; кризис Временного правительства; нота П.Н. Милюкова.

Keywords: April political crisis of 1917; crisis of the Provisional Government;

P.N. Milyukov's note.

12 апреля 1917 года министр юстиции Александр Федорович Керенский уведомляет прессу о том, что Временное правительство готовится рассмотреть вопрос об отправке союзникам ноты с сообщением о новых военных целях России, сформулированных 9 апреля Временным правительством [2, с. 128]. 13 апреля в прессе будет опубликовано следующее сообщение: «Временное правительство готовит ноту союзным державам, в которой оно более подробно разовьет свой взгляд на задачи и цели войны в соответствии с обнародованной уже Временным правительством декларацией по этому вопросу. Нота будет передана союзным державам в ближайшие дни» [7, с. 3].

Действия, предпринятые А.Ф. Керенским 12 апреля, привели к тому результату, которого так сильно желал министр юстиции либо по личной инициативе, либо под влиянием идей «дипломатических друзей». В.Д. Набоков в своих воспоминаниях отметил, что в поступке Керенского

был недопустимый подвох, который даже его верные сторонники нашли неприличным и невозможным [6, с. 67].

Тем не менее П.Н. Милюкову пришлось уступить и отправить союзникам ноту о взглядах Временного правительства на цели войны, которые были выражены в декларации от 27 марта 1917 года. С помощью ноты Павел Николаевич хотел опровергнуть слухи о том, что Россия собирается заключить сепаратный мир [5, с. 656]. Текст ноты составлялся не только министром иностранных дел, но всем составом кабинета министров Временного правительства ночью в кабинете болевшего министра военных дел А.И. Гучкова [2, с. 129].

Нота Павла Николаевича демонстрировала позицию Временного правительства относительно задач войны. Официальное дипломатическое обращение Временного правительства к союзным державам начинается с упоминания обращения к российским гражданам, сделанного 27 марта 1917 года по тому же вопросу [3, с. 74–75]. Если во втором документе высший исполнительно-распорядительный орган государственной власти определяет целью войны и мира «утверждение прочного мира на основе самоопределения народов, отвергая путь господства над другими народами, отнятия у них национального достояния, насильственный захват чужих территорий» и определяет оборонный характер войны, то в первом документе Временное правительство, ссылаясь на обращение от 27 марта 1917 г., заявляет о том, что не намерено заключать сепаратный мир с средними монархиями и собирается довести мировую войну до решительной победы в полном согласии с союзниками [3, с. 73–74].

Если детально проанализировать тексты двух упомянутых выше документов, то нам будет трудно доказать факт того, что Временное правительство было непоследовательно в вопросе войны и мира. Это же отмечает и Ю.С. Токарев. Он пишет, что если декларация от 27 марта по вопросу о войне была сформулирована в нарочито туманных и расплывчатых выражениях, рассчитанных на внушение народу иллюзий о «миролюбии» Временного правительства, стремлении его «к миру без аннексий и контрибуций», то в ноте прямо заявлялось о необходимости доведения войны «до решительной победы» [9, с. 58–59].

Несмотря на то что члены Временного правительства пытались быть деликатными в своих формулировках, нота министра иностранных дел вызвала недовольство общественных слоев. А.Ф. Керенский вспоминал, что «недоверие к Милюкову Совета и революционной демократии в целом достигли такой степени, что последние уже были не в состоянии анализировать и даже просто понять смысл ноты» [2, с. 129].

Нота была отправлена в Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов вечером 19 апреля и вызвала бурное обсуждение

среди ее членов. Как сообщала газета «Новая жизнь», Исполком устроил экстренное заседание, продолжавшееся всю ночь и носившее напряженный характер [1, с. 3]. Отношение к правительству и ноте было отрицательным, члены Исполкома Совета обсуждали меры воздействия на него. О тех вопросах, которые были затронуты на заседании, можно узнать из протокола заседания Исполнительного комитета от 19 апреля [8, с. 246]. Так, А.Р. Гоц увидел противоречие, созданное документом от 18 апреля: с одной стороны, отказ от «аннексий и контрибуций», предлагаемый Советами, а с другой — война до победного конца. Он предложил два пути решения сложившейся ситуации: путь давления на правительство и путь борьбы за власть. В.М. Чернов предлагал сохранить власть за Временным правительством, но с исключением из его состава П.Н. Милюкова и А.И. Гучкова. М.Ю. Козловский выступил за кампанию «мир без аннексий» среди солдат и рабочих, предполагая, что уступка буржуазии в вопросе войны и мира подготовит почву для социалистической революции. От большевистской партии на заседании Исполкома выступил Л.Б. Каменев, предлагая способы выхода из кризиса, которые заключались либо в поддержке Временного правительства, либо в захвате власти. По мнению Льва Борисовича, силы революции в России были недостаточны организованы, поэтому второй способ представлялся ему несостоятельным, в то время как оказание давления на Временное правительство для публикации им тайных договоров и отставка П.Н. Милюкова казались Каменеву единственным выходом из сложившейся ситуации [10, с. 218].

По окончании заседания было решено созвать экстренное заседание обеих частей Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов в Морском корпусе 20 апреля в шесть часов вечера для обсуждения отношения к правительству [10, с. 218].

Начавшееся 19 апреля в двенадцать часов ночи экстренное заседание Исполкома Петросовета завершилось в четыре часа утра без принятия каких-либо постановлений.

20 апреля, когда текст ноты министра иностранных дел станет известен общественности, прошло экстренное заседание ЦК РСДРП (б), начавшееся утром этого дня. Членами заседания была выработана линия поведения в соответствии с нотой министра иностранных дел, выраженная в специальной резолюции, подготовленной В.И. Лениным и принятой ЦК. Согласно содержанию резолюции, нота разоблачает империалистический характер Временного правительства, которое зависит от англо-французского и русского капиталов; акт министра иностранных дел демонстрируют, что обещания Временного правительства о мире являются ложью; также нота подтверждает, что Временное правительство не может отказаться от аннексий независимо от личного состава этого органа. И по

утверждению автора резолюции, сопроводительное письмо Павла Николаевича союзникам вскрывает несостоятельность политики соглашательских партий относительно их иллюзий о возможности давления на Временное правительство [10, с. 219]. Текст резолюции, принятой ЦК РСДРП (б), очень точно отражает отношение большевиков к опубликованной ноте. Материалы, направленные на критику акта Временного правительства и позицию этого органа в вопросе о войне, будут 20 апреля и в последующие дни опубликованы в газете «Правда» [4, с. 3].

Список литературы

1. Завоевательные планы П.Н. Милюкова. Нота союзным державам // Новая жизнь. 1917. 20 апреля. – С. 3.
2. Керенский А.Ф. Русская революция. 1917 / Пер. с фр. Е.В. Нетесовой. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. 384 с.
3. Ключников Ю.В., Сабанин А.В. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 2: От империалистической войны до снятия блокады с Советской России. М.: Литиздат Н.К.И.Д., 1926. 463 с.
4. Крах? // Правда. 1917. 20 апреля. С. 3.
5. Милюков П.Н. Воспоминания. М.: ПроЗАик, 2017. 712 с.
6. Набоков В.Д. Временное правительство. М.: Т-во «Мир», 1924. 132 с.
7. Нота Временного правительства о целях войны // Утро России. 1917. 13 апреля. С. 3.
8. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Документы и материалы / Ред. кол. Б.Д. Гальперина, О.Н. Знаменский, В.И. Старцев. Отв. сост. Б.Д. Гальперина. СПб.: Изд-во «Б-ка «Звезды»»; АО «Атос», 1995. Т. 2. 1 апреля — 5 мая 1917 г. 578 с.
9. Токарев Ю.С. Апрельский кризис. 1917. Л.: Лениздат, 1967. 103 с.
10. Токарев Ю.С. Курс на социалистическую революцию. Апрельский кризис // Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде: В 2 кн. / Под ред. А.Л. Фраймана и др. Л., 1967. Кн. 1. С. 218.

РАЗДЕЛ III. ФИЛОСОФИЯ

УДК 165.4

ПРОБЛЕМА ДОСТОВЕРНОСТИ В ПОЗНАНИИ

Тягунов Сергей Иванович,
к. ф. н., доцент кафедры общественных наук,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет.
E-mail: sertiv@yandex.ru

THE PROBLEM OF AUTHENTICITY IN COGNITION

Sergei Tiagunov,
Associate Professor of the Department of Social Sciences
Saint-Petersburg State University of Economics

Аннотация. В статье на основе герменевтического метода рассматривается проблема достоверности в познании, раскрываются основания веры и ее связь с понятийной системой эпистемологии.

Abstract: Based on the hermeneutic method, the article examines the problem of reliability in cognition, reveals the foundations of faith and its connection with the conceptual system of epistemology.

Ключевые слова: вера; достоверность; знание; значение; истина; смысл.
Keywords: faith; knowledge; meaning; reliability; significance, truth.

Эпистемология как раздел философии изучает природу, возможности и границы знания, условия его истинности и достоверности, а также всеобщие категории, предпосылки и проблемы познания. Современная теория познания, ее новые средства и методы включают в себя различные формы предметно-практической деятельности и коммуникации, поскольку вся наша рациональность есть лишь функция нашего бытия, ко-

торое стремится к своей полноте и целостности. Поэтому внимание к проблеме знания и веры позволяет восполнить пробелы в понятийной системе гносеологии, приблизить фокус внимания к живому процессу познания. На это указывают и многие зарубежные авторы — Э. Гуссерль, Б. Рассел, Л. Витгенштейн, Г. Фреге, У.В.О. Куайн, А.Н. Уайтхед, М. Даммит, Х.-Г. Гадамер, М. Фуко, представляющие различные направления — философскую герменевтику и феноменологию, аналитическую философию и прагматизм. Они отмечают, что вера, основанная на воле и желании, является неизбежным средством достижения истины, поскольку последнее зависит от нашего личного участия. Как полагает Брэдли, воля есть привнесение разума в мир факта, это тождество мысли и бытия, в котором идеал переходит в реальность. В познании вера, воля, успех выступают драйверами научного исследования. Согласно Б. Расселу, истина не может быть свойством высказывания, а может быть только свойством убеждения, субъективной уверенности познающего человека.

Когнитивные особенности веры во многом предопределяют возможности нашего познания. Присутствие веры как субъективной уверенности в познаваемом признается в эпистемологии, однако остается неясной ее природа и предпосылки, ее значение в познании. Рассмотрение веры и знания в аспекте связи с достоверностью и сомнением, конечно, обогащает познавательный опыт человека, однако требует своей конкретизации.

В частности, в герменевтике поиск оснований веры осуществляется в аспекте языка и коммуникации, где формируются мировоззрение и герменевтический опыт человека, а достоверность проявляется в интерпретации и понимании текстов, особенно в гуманитарной сфере. Отмечается, что процедуры истолкования не подчинены какими-либо формально-логическими правилам, а принадлежат языку. Внелогическое понимание достоверности раскрывается в герменевтике Ф. Шлейермахера, В. Дильтея, Г. Гадамера, П. Рикёра. У них понимание не является простой процедурой мысли, но вырастает из практики и общения, из связи человека с конкретной целостностью и индивидуализацией жизни. По Э. Гуссерлю, достоверность в познании, особенно в «новой науке о духе», заключается в непосредственной очевидности человеческой жизни, в «круге уверенностей», которые приняты в обществе в качестве безусловно значимых и практически апробированных. Предпосылки веры связаны с очевидностями «жизненного мира», с дорефлексивными представлениями, которые предшествуют объективно-логическим операциям и сами выступают критериями достоверности. У М. Хайдеггера сплав веры и понимания становится функцией герменевтического опыта, способом человеческой жизни

как «бытия-в-мире». Вера проникает в глубинный горизонт субъекта, в уровень «пред-понимания» мира, формирующий наши уверенности и условия возможности знания, актуализируя тезис Протагора о человеке как «мере всех вещей».

Присутствие человека в предметном мире, его сопряженность с реальностью делает наш мир соразмерным человеку в онтологическом, психологическом и гносеологическом отношении: он включен в структуру «внутримирового опыта». Л. Витгенштейн в своей работе «О достоверности» [1, с. 321–405] специально отмечает, что поиск истины всегда сопряжен с верой, сомнением и достоверностью, которые включает в себя кроме дедуктивной и индуктивной логики и субъективную вероятность, а также внерациональные способы осмысления. Здесь имеют значение очевидности «здорового смысла», практического знания и опыта, достигающие предела обоснования и «невыразимости». Сама вера приобретает онтологический статус, становится «допредикативным» феноменом, формой жизни и экзистенциальной открытости к трансцендентному, предчувствию возможности.

Наша уверенность означает не только индивидуальную достоверность, но и причастность к сообществу, объединенному воспитанием, наукой и культурой. В нем, начиная с мифологии, формируется символическая конфигурация мира, убедительно представленная в исследованиях Э. Тэйлора, Дж. Дж. Фрэзера, К. Леви-Стросса и др. В наш язык уже вложена целая мифология и различные духовные практики, которые поддерживают нашу жизнь. Л. Витгенштейн, например, использует термин «языковая игра» для обозначения ее как деятельности и одновременно — формы жизни людей. Языковая игра представляет собой некое целое, состоящее из языка и действий, в которые он вплетен. В ней возникает смысловая очевидность и достоверность высказываний. Они усматриваются в самих наших действиях, лежащих в основе языковых игр и тем самым образующих онтологию сознания. Понятие игры имеет онтологическое значение, в нем происходит игровое сплетение явления и понимания, сращивание смысла и предмета: субъективная достоверность обретает объективную значимость. Снятие субъективности в языковой игре становится общезначимым и обретает социокультурный статус. Поэтому «значение слова есть способ его употребления в языке», в практике языкового общения и жизни. Оно делает наше мышление действительным.

Эпистемология веры включает в себя и рациональный аспект, значение которого раскрывается в его связи с сомнением, знанием, пониманием и истиной. В данном аспекте знание рассматривается в двух значениях:

как «ментальное состояние сознания», и как «объективное содержание мышления», которое не зависит ни от какой-либо веры или диспозиции — соглашения, утверждения, действия. Это знание, по К. Попперу, есть «знание без познающего субъекта». Ранее в философии Дж. Локка, Д. Беркли, Д. Юма, И. Канта, Б. Рассела обычно использовалось выражение «я знаю», «я мыслю», означающее субъективную веру, которая неприемлема в науке, поскольку в ней наше «Я» не имеет никакого объективного значения. Однако знание субъекта без его уверенности и достоверности невозможно. На наш взгляд, вера представляет собой способ связи или синтеза знания в субъективном смысле и в объективном значении — это единственно возможная форма знания. В диалектике тождеств и различий вера осуществляет синтез и отождествление знания с предметом, а сомнение покоится на выявлении их различий. Поскольку вера касается нашей уверенности в невидимом, то здесь речь идет об особой роли высказываний, принимаемых на веру. Они наполняются таким личностным (или здравым) смыслом, в котором снимается диспозиция субъективного и объективного. Любые сомнения приходят после веры, которая покоится на некоторых эмпирических основаниях. Вера обладает системностью, связностью личного опыта и формируется через различные духовные практики, определяет наше мировоззрение в единстве знания, ценностей и жизненных смыслов. Поэтому часто знание совпадает с верой — «я верю тому, что знаю», — она сопровождает, дополняет и часто заменяет знание. Как отмечал И. Кант, вера не есть только содержание или акт субъекта, она в единстве субъекта и объекта как основе самой «явленности» предмета, которая в разделении на субъект и объект есть явление. Карл Ясперс в сборнике «Смысл и назначение истории» также, рассуждая о философской вере, отмечает, что «вера едина в том, что мы разделяем на субъект и объект, как вера, исходя из которой мы верим, и как вера, в которую мы верим», т. е. вера объемлет и субъект, и объект, в этом ее специфика [2]. Сила веры необходима, чтобы объединять, удерживать в состоянии тождества субъект и объект, без которого они распадаются на разные миры. В единстве субъекта и объекта вера из гносеологического отношения обретает онтологический статус существования.

Субъективная вера имеет свои собственные объективные основания. Она не может быть перемещена на основание познания, иначе она доводится до достоверности и исчезает. В отличие от знания, вера исходит из доверия чему-либо или кому-либо, или признания истинности без «достаточных оснований» и доказательств. По своей сути вера не строится на основаниях и не следует из них. Ее основой является всё наше бытие, ин-

тегральная целостность жизни. Она происходит из синкретического единства жизни и опыта, их социокультурной апробации и всеобщности. Кроме внешнего, чувственного опыта она включает в себя и внутренний духовный опыт, духовную очевидность, от которой зависит наша судьба. Эти душевные чувства и переживания, воображение, воля, сила слова и мысли формируют духовную культуру личности, ее жизненные ценности.

Никакое логическое доказательство истины не может заменить живого переживания веры, которая в процессе интуитивного постижения реальности не доказывает, а показывает, выражает себя в смысле. Будучи связанной с чувствами и эмоциями, аргументация веры всегда выступает чем-то внешним и чуждым ей, так как собственные предпосылки веры, как правило, не верифицируются. Поэтому «вера — не захват, а захваченность, вовлеченность в свершение действия, и потому «постоянный путь между “еще не” и “уже да”, постоянная погоня за целью» [3, с. 22]. Первичная сила веры, доступная человеку только через непосредственное действие, через «божественное “*illuminatio*”», определяет в то же время содержание и объем нашего знания. «Презумпция» веры обеспечивает выход к целостному и нерасчлененному жизненному миру человека, связана с синкретическим опытом его сознания и ассоциативного комплекса. Доминируя в структуре понимания, она формирует «оптику» восприятия мира, его очевидность и ценностно-смысловую выразительность. Основание их достоверности не в эмпирическом подтверждении или логическом доказательстве, а в самом субъекте как целостном человеке, в его жизни, неотчуждаемой от языковой деятельности. Не случайно в философии и науке всё чаще говорят о силе воли и духа человека, так необходимых не только на практике, но и в познании, в духовных поисках и свершениях. Поэтому проблематика веры и достоверности обогащает современную эпистемологию и способствует ее развитию.

Список литературы

1. Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994. С. 321–405.
2. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. 527 с.
3. Бультман Р. Избранное: вера и понимание. Т. I–II. М.: РОССПЭН, 2004. 752 с.

**ФИЛОСОФСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ БОГОСЛОВИЯ
СВ. ДИОНИСИЯ АРЕОПАГИТА:
О ПРОТИВОРЕЧИЯХ РЕЛИГИОЗНОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
ВСЕМОГУЩЕСТВА БОЖЬЕГО В ХРИСТИАНСКОЙ ТЕОДИЦЕ**

*Геннадий Владимирович Хомелев,
доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры общественных наук,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
homelev@yandex.ru*

**PHILOSOPHICAL PREREQUISITES OF THE THEOLOGY
OF ST. DIONYSIUS THE AREOPAGITE:
ON THE CONTRADICTIONS OF THE RELIGIOUS CONCEPT
OF THE OMNIPOTENCE OF GOD IN CHRISTIAN THEODICY**

*Gennadiy Khomelev,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Professor Saint Petersburg State University of Economics, Russia*

Аннотация. Целью статьи является исследование философских предпосылок богословия св. Дионисия Ареопагита. Автор использует метод научного анализа и сопоставления философских оснований богословия Дионисия Ареопагита с принципами диалектического мировидения. Новизна исследования состоит в рассмотрении отношения богословия Дионисия Ареопагита к диалектическому методу вообще и решению проблем христианской теодицеи в особенности. В результате чего автор приходит к выводу, что именно единство всего сущего во всем его многообразии, включая противоположности, является ключом к разрешению возникающих противоречий в христианской теодицее.

Abstract: The aim of the article is to study the philosophical premises of the theology of St. Dionysius the Areopagite. The author uses the method of scientific analysis and comparison of the philosophical foundations of the theology of Dionysius the Areopagite with the principles of dialectical worldview. The novelty of the study consists in considering the relationship of the theology of Dionysius the Areopagite to the dialectical method in general and to the solution of problems of Christian theodicy in particular. As a result, the author comes to the conclusion that it is the unity of all that exists in all its diversity, including opposites, that is the key to resolving the contradictions that arise in Christian theodicy.

Ключевые слова: абсолютное; Бог; всемогущество Божье; единое; единство; единство добра и зла; противоположность; само-по-себе бытие; свобода воли.

Keywords: absolute; free will; God; omnipotence of God; one; opposition; self-existence; unity; unity of good and evil.

Богословие св. Дионисия Ареопагита в своем собственно *философском* смысле должно быть понято как учение об Абсолютном, Едином, Совершенном (или, в терминологии Дионисия, Самом-по-Себе Сущем, Самом-по-Себе-Едином-Сверх-Едином) бытии [3, с. 425–426].

Первый принцип его учения выражается в следующем утверждении: «*Нет ничего в сущем не причастного к Единому*» [3, с. 551, 555], т. е. к Богу. В отличие от Парменида, согласно которому существует только бытие, *небытия не существует*, Дионисий утверждает, что зло, будучи *отрицанием* бытия Добра (или самого по себе Блага), существует *только* на Его основании, так как «... нет ничего из сущих, что *совершенно отпало бы* (курсив мой. — Авт.) от всякого единства...» [3, с. 535]. Зло, как *некое не-бытие*, не может основываться на самом себе, поскольку тогда оно будет *вечным*. Поэтому зло, как и все сущее, должно основываться на *Едином*, и в качестве такового оно способно *воспринимать* и *распространять* Благое, но *не способно порождать* или *творить* Его [3, с. 387]. В философском смысле это значит, что всякое *Не-Бытие* существует на основании Бытия. Бытие, как Единство всего сущего, — первоисходно.

Второй принцип онтологии Дионисия Ареопагита *вполне последовательно* выводим из первого принципа, а именно — где нет *Единого* (Перво-Единого), там *нет* и *противоположного*: «И нет ничего среди сущих, что каким-то образом не было бы причастно Единому... *включая противоположности* (курсив мой. — Авт.)». [3, с. 555]. В силу чего в теоретическом осмыслении отношения противоположностей необходимо, чтобы *противоположные* стороны *рефлексировали* (взаимно проникали и сохраняли) себя в своем ином, присутствовали в нем *как моменты* высшего Единства сущего. Именно такой метод Дионисий Ареопагит считает приемлемым и необходимым, особенно для богословия [3, с. 243–249].

Вместе с тем учение св. Дионисия Ареопагита провозглашает, что *высшей целью* борьбы противоположностей является *не сама борьба*, как некий *источник движения* тварного мира, а именно — *приведение к Единству* всего, что существует, включая и противоположности. Здесь учение Гераклита умалкает.

Дионисий Ареопагит предвосхищает известный принцип диалектики, выражающий правильное понимание того, что Г. Гегель называет *аб-*

солютным знанием: «Знать в единстве противоположность и в противоположности единство, – в этом заключается **абсолютное** знание, и наука состоит в том, чтобы *знать* указанное единство во всем его развитии **само через себя** [курсив мой. — Авт.]» [2, с. 517].

Таким образом (как это не окажется неожиданным), *диалектический* метод, *применяемый сознательно*, имеет своим истоком учение св. Дионисия Ареопагита, поскольку в простой и понятной форме выражает *главный* принцип диалектического мировидения: принцип изначального, безусловного *Единства* всего сущего, *включая и противоположное*. Этот принцип является *основополагающим* и *применяется* автором знаменитого Корпуса в *христианской теодицее*. При этом сам Гераклит нигде не упоминается Дионисием Ареопагитом в качестве философа, в учении которого есть *истина*. То же самое можно сказать и о Конфуции, который еще в *дохристианскую* эпоху возглашает: «...большое счастье — когда тебя любят, настоящее счастье — когда *ты любишь*». Ибо, согласно христианскому пониманию, в отношении к философам и так называемой мирской философии должно руководствоваться простым правилом, известным всем верующим: «Обращайтесь к закону и откровению. *Если они не говорят, как это слово, то нет в них света* [курсив мой. — Авт.]» [1, Ис.8:20].

Одной из *главных* проблем христианской *теодицеи* является проблема «*Всемогущества* Божьего». Посмотрим, как ставится и решается эта проблема *вообще* и в учении св. Дионисия Ареопагита *в особенности*.

Наиболее распространенное ухищрение человеческого ума уже давно выдвигало различные аргументы, обосновывающие принципиальную *неразрешимость* данной проблемы [3, с. 477–479], например в виде вопроса: «Может ли Творец всего сущего создать такой камень, который Сам Он не может поднять?».

Говоря *отвлеченно*, если Бог чего-то *не может*, то это уже *противоречит* Всемогуществу Божьему.

Это то ли удивительно? Ведь каждое божественное качество, *взятое с отдельности*, «ограничивает» Его и тем самым *отрицает* всемогущество Божие, а взятое вместе со *всеми* своими качествами составляет *конкретное* Единство и Целостность Божественного, которое Само же Себя (как некое Само-по-Себе и Для-Себя-сущее Бытие) утверждает и всецело поддерживает. Как прорекает Дионисий Ареопагит, Бог есть «все во всем, все в целом, *включая противоположности*» [курсивы мои – авт.] [О Божественных именах, гл. 13:2]. Божественное не знает ограничений. Бог «...есть и Вечность, и Начало, и Мера Бытия...» [Дионисий Ареопагит. О Божественных именах, гл. 5:8].

Бог *не может не быть*, потому что *Бытие* составляет Его *сущность* [1, Исх.3:14]. Бог не только *Сущий*, но *Истинно Сущий* [3, с. 403], поскольку Его *Бытие Абсолютно*, т. е. в Нем *сущность и существование непосредственно совпадают (тождественны)* и ничем *не обусловлены* [3, с. 425–427]. Он *Един* [3, с. 551, 421] и потому *не может быть делим и/или умножаем* [3, с. 551, 425–427, в этой же связи см.: с. 243–247 (о божественных качествах)], Бог *«не может не знать»*, поскольку («по лишенности неведения») Он (как всеведающий) *знает все* [3, с. 481], Бог *не может не любить*, потому что *Он есть Любовь* [1, 1Ин.4:8,16], Бог *не может делать зла* по той же причине и еще потому, что Он — *Всеблаг* [1, Мф. 19:17; Мк. 10:18; Лк. 18:19], Бог *справедлив и Себя отречься не может* [1, 2, Тим. 2:13], потому что Он *есть Истина всякого бытия*, и т. д. и т. п.

Все это верно, хотя и *весьма* отвлеченно. Те, кто довольствуются подобными *абстракциями*, — далеки от истины. *Истина — конкретна*. Это знает каждый диалектик. Понимание и принятие принципов диалектики означает, что разрешение *богословских вопросов* требует правильного рассмотрения не *отдельных* божественных качеств Бога-Творца, а *всех их* в необходимой взаимосвязи и *возможной* взаимной определяемости друг другом, на чем особо настаивает Дионисий Ареопагит [3, с. 243].

О чем же еще в данном случае может идти речь?

1. **Бог не может не быть. Он единственный, Который способен Быть** (и только Быть) [3, с. 551] и для **Которого небытия и/или иного бытия не существует** [3, с. 481]. Бог *не может отпасть* от этой Истины Своего Бытия [1, Быт.22:16; Ис.45:24; Иер.22:5; 49:13] как *Абсолютно Сущего*, Вечного и Неизменного, так как при всяком Своем действии остается *тождественным* (равным) Самому Себе [3, с. 517]. Бог *Совершенен*. Он обладает *всей полнотой* Бытия, *все предымеет* и/или у Него *все есть*, в силу чего Он *не может быть больше* Самого Себя, так как больше Него ничего нет [1, Евр. 6:13]. Таково *первое* противоречие всемогущества Божьего.

2. Он *«не может не мочь»*, потому что Он — *Всемогущ* и в этом отношении также *Неизменяем*. Фома Аквинский, например, полагает, что Бог, «не может сделать так, чтобы одно и то же *одновременно* существовало и не существовало, ибо это противоречие» [4, с. 95]. Таков обычный взгляд некоторых философов, ставящих *пределы* Божественному Разуму, Который *де не может преступить* через закон *непротиворечивости* логического мышления, установленный *человеком*. Получается, что Бог, сотворивший все, «и вечность, и дни, и месяцы» [см. Дионисий Ареопагит] *не может упразднить время*. Хотя Он и является

«...причиной и вечности, и времени, и дней» [О Божественных именах, гл. 10, 2]. Таково *второе* противоречие всемогущества Божия.

3. **Бог не может лишить Себя Своей Совершенной Всеблагой Свободной Воли.** Это *третье* противоречие Всемогущества Божьего. При этом Бог *может* создать такое существо, которое обладает *свободой*, т. е. *может* поступать по *собственной* воле.

Итак, первое — отрицается вторым, второе — отрицается третьим, которое *восстанавливает* (как это объясняют диалектики) и первое, и второе в их *Высшем Единстве*.

Всемогущество Божье *Промыслительно* ко *всему*, что Оно *знает*. Бог *знает все* и *все предвидет*, прежде всякого делания [3, с. 407–409, 413–417, 421–423, 433–435]. Бог создал все, поэтому Он все может. Если Бог чего-то *не делает* в Премудрости и Всесовершенной Благости Своей, то это значит, что Он *не может мочь* и/или *может не мочь*. Хотя в более правильной форме следовало сказать так: *не хочет мочь*, или *хочет не мочь*, так как модальность «не может...» или «может не...» по своему существу не применимы к Промыслу Всемогущего. Бог *абсолютно* Всемогущ, и Он же *Всеблаг* [1, Мф. 19:17; Мк. 10:18; Лк. 18:19] и *абсолютно Свободен*. Он и *Един*. В Нем все *божественные* качества пребывают в *Единстве*, даже если они, как иногда *кажется*, «противоречат» друг другу. В силу чего *нельзя отделять Всемогущество Божье от Его в Себе и для Себя свободной Воли*, а *свободную Волю* — от *Всеблагости* Божьей, *Его Премудрости*, *Всеведения* и *Провидения*. Бог *действует* не без Воли, и не без Знания, и не без Разума, в которых выражается Его Премудрость. Все это следует понимать в их *взаимной связи*. Всемогущество Божье *не отменяет* Всесовершенную Свободу и Премудрость Божественной Воли, а *свободная Воля не может упразднить* Премудрость и Всемогущество вечно Сущего. Поэтому ответ на вопрос: «Может ли Бог не быть всемогущим?» возможен *без отрицания* Всемогущества Творца, а именно — «*может, если захочет не быть*».

Таким образом, вопрос о том, *что* может Бог и *что* Он не может, следует сформулировать иначе: «*Хочет ли* Всемогущий *мочь* или Он *не хочет мочь?*» Однако из этого *вовсе не следует*, что Бог не всемогущ. Следовательно, и первое, и второе, и третье «противоречия» суть лишь *кажущаяся* несводимость. Абсолютное (в данном случае Бог как Абсолютный Субъект) обладает *Всесовершенным Бытием*, т. е. *всей полнотой бытия*, и потому это Его Бытие *самодостаточно* в отношении того, что Он *может* и/или *не хочет мочь*. Иными словами, «*Бог может все, что только захочет*». Если Он Сущий, то Он не может быть Не-Сущим, если Бог Един, то Он не может быть многим или всем, если Он Благ и Сам по

Себе Добр, то Он не может быть началом зла, если Он *абсолютно* свободен, т. е. *ни от чего не зависит* в Своей Воле, если Он ни от чего не зависит, то Он *не может не быть свободным даже от Самого Себя*, если Он свободен и от Самого Себя, то Он может делать все и/или *может не делать* ничего, если Он *хочет*.

В силу указанных предпосылок известный парадокс о «Камне» становится разрешимым. Ибо если бы Творец всего сущего не был *Всесовершенен*, не обладал Премудростью и Свободной Волей, то разрешение подобных парадоксов было бы *проблематичным*.

Популяризация учения, превращающее сложное в совсем простое, в нечто понятное и доступное многим, ведет к его обмирщению и постепенному выхолащиванию особенно ценного теоретического содержания. Как показывает история развития познания, истина проста, но первое точное понимание и выражение ее обычно бывает доступно немногим. Так и Дионисий Ареопагит, предпосылая свое богословие в наиболее сложной для своего времени *диалектической* форме, всего лишь одним принципом единства всего сущего в Боге дает нам ключ к пониманию наиболее сложных вопросов теологии: ключ к правильному религиозно-философскому пониманию всемогущества Божьего, свободой воли, категорий добра и зла в христианской теодицее, утверждая и обосновывая, что «нет в сущем ничего непричастного Единому» [3, с. 551].

Sapienti sat.

Список литературы

1. Библия. Православное Священное Писание Ветхого и Нового Завета. Юбилейное издание, посвященное двухтысячелетию Рождества Христова. Северо-Западная библейская комиссия. СПб.: Издательство Московской Патриархии, 1998. 1205 с.
2. Гегель. Г. Лекции по истории философии. Книга третья // Сочинения. Т. XI. М.-Л.: СОЦЭГИЗ, 1935. 527 с.
3. Дионисий Ареопагит. Сочинения. Толкования Максима Исповедника. СПб.: Алетейя; Изд-во Олега Обышко, 2002. 863 с.
4. Фома Аквинский. Сумма против язычников. Кн. 2-я / Пер. и примеч. Т.Ю. Бородай. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2004. 584 с.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ ОРГАНИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Д. М. ВЕЛЛАНСКОГО

*Маслобоева Ольга Дмитриевна,
кандидат философских наук, доцент кафедры общественных наук,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
E-mail: masloboeva.o@inbox.ru*

FOUNDATIONS OF ORGANIC THEORY IN THE WORKS OF D. M. VELLANSKY

Olga Masloboeva,
*Associate Professor of the Department of Social Sciences
Saint-Petersburg State University of Economics,
Russia, Saint Petersburg*

Аннотация. В статье обосновывается востребованность органического мировоззрения в современную эпоху. С этой целью раскрывается, как мыслители-теоретики отреагировали на назревшую историческую потребность в мировоззренческой трансформации начиная с этапа индустриализации. Статья посвящена вкладу Д.М. Велланского в этот процесс. Сочетание историко-философского исследования с ситуативным подходом позволяет задействовать потенциал мудрости, наработанный философской культурой мышления. В завершение делается вывод о том, что адекватность мировоззрения человека, т. е. его соответствие вызовам времени, имеет жизнеутверждающее значение.

Abstract: The purpose of the article is to substantiate the relevance of the organic worldview in the modern era. To this end, it reveals how theoreticians responded to the urgent historical need for worldview transformation, starting from the stage of industrialization. The article focuses on D.M. Vellansky's contribution to this process. By combining historical and philosophical research with a situational approach, the article harnesses the wisdom accumulated by the philosophical culture of thought. In conclusion, it is concluded that the adequacy of a person's worldview, i.e., its compliance with the challenges of the time, has a life-affirming significance.

Ключевые слова: В.Ф.Й. Шеллинг; Д.М. Велланский; И. Кант; Н.А. Бердяев; Н.Н. Страхов; Н.О. Лосский; органическая теория; органически деятельностное мировоззрение; принцип всеобщности жизни; субъективное и объективное.

Keywords: D.M. Vellansky; I. Kant; N.A. Berdyaev; N.N. Strakhov; N.O. Lossky; organic activity-based worldview; organic theory; principle of the universality of life; subjective and objective; V.F.J. Schelling.

Профессиональная философия отличается от обыденного философствования тем, что мировоззрение рефлексивируется теоретически. Глобально значимая мировоззренческая трансформация в жизни современного человека происходит в связи с промышленной революцией рубежа XVIII–XIX вв., которая перевела технологию человеческой деятельности на рельсы все более мощных искусственных источников энергии. Принципиально возросшая энерговооруженность активности социального субъекта ставит его в альтернативную позицию: быть угрозой самой жизни или ее спасителем. Вот как эту ситуацию обозначил Н.А. Бердяев: «Мы стоим перед основным парадоксом: без техники невозможна культура, с нею связано самое возникновение культуры, и окончательная победа техники в культуре, вступление в техническую эпоху влечет культуру к гибели» [1, с. 6]. Промышленная революция, свершившаяся благодаря установившейся в XVIII в. парадигме механицизма, востребовала переход к парадигме органицизма.

Первым, кто прогностически отреагировал на еще только вызревающую потребность в мировоззренческой трансформации, был И. Кант. В своей первой работе «Мысли об оценке живых сил» (1746 г.) он выражает осознание необходимости преодолеть механистическую парадигму, утверждая, что наступило время «для защитников живых сил», присущих любому «естественному телу» [8, с. 61]. Немецкий философ предлагает углубить восприятие окружающего мира по сравнению с ньютоновской картиной и видеть «дальше того, чему учат нас чувства» [8, с. 63]. С этой целью он предлагает в дополнение к основной категории механицизма — «движущая сила», обозначающей «только внешнее проявление состояния тела», — ввести категорию «активная сила» для обозначения внутреннего движения, присущего всем телам [8, с. 64]. Так философское умозрение задолго до открытия электрона прозревает самодвижение как универсальное свойство бытия, скрытое от наших глаз.

Кантовская школа философии, получившая с легкой руки Ф. Энгельса наименование «немецкой классической философии», развила исходный посыл своего основоположника в универсальную теорию саморазвития — теорию диалектики. Русский менталитет сразу воспринял эту теорию как органическую. В программной для российского органицизма статье «Органические категории» (1861) Н.Н. Страхов утверждает: «...органические категории явились в мир человеческих идей именно из этого источника, из немецкого идеализма» [14, с. 118].

Однако первым, кто в начале XIX в. в России предпринял теоретическое рефлексирование органического мировоззрения стал Данило Михайлович Велланский (1774–1847). Можно утверждать, что он напрямую принял эстафету от представителя кантовской школы Фридриха В.Й. Шеллинга (1775–1854), который в отличие от абстрактной теоретичности диалектики Гегеля представил мироздание как всеобщий организм: «Жизнь не есть свойство или продукт материи, напротив, материя продукт жизни» [15, с. 125]. В этой связи Н.А. Бердяев в статье «Русский духовный ренессанс начала XX в. и журнал "Путь" (к десятилетию «Пути»)» пишет: «Шеллинг всегда был в значительной степени русским философом. В 30 и 40 годы прошлого века он имел огромное влияние на русскую мысль... Стремление русской религиозно-философской мысли к органической целостности, к преодолению рационалистической рассеченности очень родственно Шеллингу» [2, с. 10].

Влияние Шеллинга на Велланского было непосредственным, поскольку Велланский оказался в числе российских студентов, отправленных за границу для подготовки к профессорской должности, где прослушал лекционный курс Шеллинга. Как отмечает историк русской философии Е. Бобров: «...сам Шеллинг обратил внимание на восприимчивый ум русского ученого и поощрял его к философским занятиям» [3, с. 86]. По возвращении на родину в 1806 г. Велланский представил диссертацию «О преобразовании медицины и физики с помощью натуральной философии». В 1814 г. он становится ординарным профессором анатомии и физиологии Медико-хирургической академии в Санкт-Петербурге. Эпохальным стал труд Велланского «Опытная, наблюдательная и умозрительная Физика» (1831). Позже Вейсе в рецензии на труд Велланского «Животный магнетизм» напишет: «Достаточно удивительно, что в России могут следить за немецкою философией новейшего времени, тогда как англичане и французы, даже сами немцы ее не понимают» [7, с. 13].

Пропагандируя идеи Шеллинга, Велланский выработал свой вариант органической теории с точки зрения назревших потребностей естествознания, которые он осознавал, во многом опережая свое время. Русский ученый-мыслитель критиковал не только эмпиризм и механистичность науки того времени, но и атомизм классической науки, конкретно-научная несостоятельность которого будет обоснована только на рубеже XIX–XX вв.: «Магнитный центр в минеральном веществе и животный магнетизм в человеческом организме для атомистических физиков и эмпирических физиологов непостижимы, и сокровенное значение оных открывается только умозрительному понятию, которое столь же споспешествовало исследованию телесной области, сколько послужило и к объяснению душевной сферы человеческого существа» [3, с. 46].

Теоретическая рефлексия органического мировоззрения осуществляется прежде всего посредством системы основных категорий. Взаимосвязь между категориями «организм», «органическое целое», «организация», «сферическая организованность», «объективное и субъективное», «свобода» была выстроена Велланским в целостную концепцию. Исходным принципом органического мировоззрения выступает принцип всеобщности жизни, который в отечественной культуре был провозглашен уже в XVIII в. в трактате А.Н. Радищева «О человеке, его смертности и бессмертии»: «силы и образы» природы «суть токмо всеобщая жизнь», которая «свойственна не одним животным, но и растениям, а вероятно, и ископаемым, что побуждает заключать, что сила, жизнь дающая, есть одинакова, или, паче, одна является различною в разных сложениях» [12, с. 488]. Идеи Радищева выступают еще одним свидетельством назревающей потребности в органическом мировоззрении.

Из принципа всеобщности жизни вытекает принцип органической целостности. Преодоление механистического эмпиризма и редукционистского атомизма осуществлялось Велланским в контексте учения о единстве и целостности всеобщей жизни, субъектом-носителем которой выступает «всеобщий универсум», обладающий имманентным динамизмом — всеобщей «жизненной силой». Энергетическим источником этой силы является полярность всех процессов. Эта идея подводит к пониманию третьего принципа органического мировоззрения, который обозначается как деятельностный подход к единому природно-социальному организму: «Двусторонняя или полярная деятельность» образует движение, «которым происходят и действуют все вещи в природе и по которому всякое действие должно быть полярное» [5, с. 8].

Диалектическая сущность органического мировоззрения совершенно естественно согласуется с идеей эволюции. По учению Велланского, «всеобщий универсум» представляет собой иерархию организаций разной степени совершенства, которая в силу универсальности динамизма являет себя как постоянно эволюционирующая: «Земной мир во всех областях его содержания: вещественной, действительной и идеальной, — должен развиваться от начального основания до окончательного совершенства оных; и главные эпохи такого развития суть устройство стихий и неорганических тел, происхождение растений и животных и образование существа, каковой есть человек. Неорганические вещества должны в устройении их предшествовать органическим существам, равно как и царство растений, по низшей организации оных, произошло прежде животного, в котором окончательное совершенство земного мира есть человек, где творческая сущность природы представилась в настоящем облике своем» [5, с. 38–39].

Однако органическое мировоззрение, востребованное в связи с наступившей эпохой индустриализации, не является созерцательным, как это было свойственно эстетико-космологической картине мира Античности, равно как и древневосточным учениям. Задача преодоления механистической парадигмы наполняет возрождаемое органическое мировоззрение деятельностным характером [см. 10, 16]. Поэтому эволюционное видение динамики Вселенной в контексте органически деятельностного мировоззрения имеет значение с точки зрения осознания роли человека как социального субъекта, несущего ответственность за все формы жизни в соответствии с уровнем их развития. В результате координаты соотношения субъективного и объективного становятся стержнем органической теории.

Велланский, исследуя внутренние субъективные ритмы психической жизни человека и сопоставляя их с внешними объективными ритмами жизни универсума, раскрывает диалектику объективного и субъективного в этих процессах: «Бдение, принадлежащее душевной сфере, составляет день, а сон, относящийся к телесной области, есть ночь органического мира. Свет есть образование внутренней, центральной сущности в внешней, периферической форме, а тьма представляет периферическую форму в центральной сущности; и бдение организма равнозначительно дневному свету, а сон подобен ночной тьме. При бдении центр органического существа образуется в периферию, как внутреннее субъективное в наружное объективное, а во сне периферия представляется центром как внешний объект во внутреннем субъекте» [4, с. 40].

В истории становления российского органицизма ярко проявилась продуктивная роль профессиональной критики, принципиально отличающейся от критиканства. Среди критиков Велланского был врач, по признанию самого Велланского, действительно понявший его учение, И. Дядьковский, который писал, ссылаясь на «Биологическое исследование» Велланского: «Нет никакой нужды, следуя трансцендентальным философам, оживотворять ее (философию) идеей всеобщей жизни или разделять ее на субъективную и объективную части» [6, с. 263]. Таким образом, пытливый взор критика схватил предметную направленность и методологическую оснащенность органицизма уже на начальном этапе его формирования. Методология взаимосвязи объективного и субъективного в учении органицистов XIX в. в связи с ее возрастающей актуальностью развилась в диалектику субъективного и объективного факторов, дав рождение русскому космизму и антидиалектическим направлениям: российскому евразийству, абсолютизирующему объективный фактор, и позитивистскому конструктивизму, абсолютизирующему субъективный фактор [11, с. 135–137].

Соотношение субъективного и объективного в рамках органического целого обуславливает его сферичность. Внутренняя целостность самоорганизующейся системы достигается ее центрированием. Как видно из высказывания Велланского о соотношении субъективного и объективного, он рассматривает модель организма в контексте своеобразной сферической организации. Это сферическое моделирование, начиная с творчества Велланского, будет разрабатываться и у последующих органицистов, а затем и космистов, вплоть до концепции ноосферы В.И. Вернадского. «Сфера» станет вполне отрефлексированной и одной из центральных категорий органически космического мировоззрения.

Важно в заключение вновь подчеркнуть, что разработка органической теории как рефлексия органически деятельностного мировоззрения осуществлялась Д.М. Велланским в контексте его научных изысканий. Можно предположить, что философская нагруженность его профессиональной деятельности способствовала повышенному интересу к его лекциям со стороны мыслящей молодежи в отличие от ограниченно консервативных кругов ученых, не способных выходить за узкие рамки своей специализации и возвышаться над уровнем науки текущего момента. Вот как эту ситуацию отразил сам Велланский в письме к писателю Ивану Романовичу Мартосу: «сСуденты здешней академии восхищаются физиологическими моими лекциями гораздо более, нежели Петербургская публика театральными представлениями; и сие служит мне главным вознаграждением за мои неприятности и вред, оказываемые мне учеными невежами» (1819) [13, с. 35].

Однако признание со стороны коллег по цеху все-таки пришло. Вот какая оценка роли Велланского была дана в конце XIX в.: «...всеобщее уважение образованнейших людей его времени показывает, как нельзя лучше, что в лице Велланского медицинская наука приняла свою долю участия в общем умственном движении эпохи, откликнулась в пределах своей области на духовные запросы времени. В этом и заключается историческая роль Велланского и его место в истории русской медицины» [9, с. 19].

Более фундаментальная роль творчества Д.М. Велланского заключается в исторической значимости его теоретической рефлексии органически деятельностного типа мировоззрения с целью преодоления исчерпавшей свой продуктивный потенциал парадигмы механицизма. Он не оказался в числе ученых XIX в., не воспринявших «те самые категории, которые входят в идею организма» [14, с. 117]. О подобных натуралистах Н.Н. Страхов писал, что «они ожидают как лучшего результата своей деятельности — возможности *свести все явления организмов на химические и физические явления*, то есть именно на механические явления, на явления, прямо противоположные органическим» [там же].

Значимость органически деятельностного типа мировоззрения в индустриальную и тем более постиндустриальную эпоху обусловлена возрастающей ролью высшего нравственного закона, провозглашенного Христом в Его Нагорной проповеди и теоретически обоснованного И. Кантом. Наиболее глубокий смысл этого закона состоит в том, что другой никогда не должен быть для тебя средством, а только самоцелью. Однако то, о чем с горечью писал Н.Н. Страхов применительно к своему веку, еще более злободневно звучит в наше время: «Механические категории господствуют и доныне с большою силою и не только в естественных науках, но и во всех областях знания. На них опирается то учение... что с человеком и с целым народом можно поступать так, как мы поступаем с камнем и металлами, то есть сделать из них то, что пожелаем сделать» [14, с. 118]. Сегодня достаточно указать на феномен «цветных революций», чтобы узреть опасность сохранения мировоззрения, отжившего свой век. Чем более изощренными становятся научные технологии, которыми владеет социальный субъект, тем очевиднее становится тот факт, что адекватность нашего мировоззрения вызовам эпохи является вопросом жизни и смерти для современного человека.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники) // Путь. 1933. № 38. С. 3–37.
2. Бердяев Н.А. Русский духовный ренессанс начала XX в. и журнал «Путь» (к десятилетию «Пути») // Путь. 1935. № 49. С. 3–22.
3. Бобров Е. Философия в России. Казань, 1899. Вып. II. 255 с.
4. Бобров Е. Философия в России. Казань, 1900. Вып. III. 256 с.
5. Велланский Д.М. Опытная, наблюдательная и умозрительная физика. СПб., 1831. IV. 902 с.
6. Дядьковский И. Рассуждение об образе действий лекарств на человеческое тело // Избр. произведения русских естествоиспытателей первой половины XIX в. М., 1959. С. 252–263.
7. Журнал Министерства народного просвещения за 1847 г. Ч. 54-я. Отд. УП. Новости и смесь. Некролог Д.М. Велланского. С. 13.
8. Кант И. Мысли об оценке живых сил // Кант И. Соч. в 6 тт. Т. 1. М.: Мысль. 1963. С. 51-82.
9. Левин А.М. Дмитрий Велланский и шеллингизм в русской медицине. М., 1895. 19 с.
10. Маслобоева О.Д. Глобальный тип мировоззрения // Глобалистика. Международный междисциплинарный энциклопедический словарь. М.; СПб.; Нью-Йорк, 2006. С. 240.

11. Маслобоева О.Д. Российский органицизм и космизм: теория, методология, мировоззрение // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 10-3 (48). С. 132–138.
12. Радищев А.Н. О человеке, его смертности и бессмертии // Радищев А.Н. Соч. М., 1988. С. 428–554.
13. Страхов Н.Н. Органические категории // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 116–124.
14. Частная переписка И.Р. Мартоса: 1817–1830. Киев: Типография Императорского Университета Св. Владимира. 1898 г. 92 с.
15. Шеллинг Ф.В.Й. Соч. в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1987. 639 с.
16. Masloboeva O.D. Global world outlook // Global Studies Encyclopedic Dictionary. New York, 2014. С. 226–228.

УДК 141.2

**ТЕОРИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ТИПОВ
Н.Я. ДАНИЛЕВСКОГО КАК НАЧАЛО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО
ПОНИМАНИЯ ИСТОРИИ: АКТУАЛЬНОСТЬ,
ДИСКУССИОННОСТЬ, АЛЬТЕРНАТИВНОСТЬ**

*Рябов Анатолий Аркадьевич,
кандидат философских наук, доцент кафедры общественных наук,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет.
E-mail: ranspb@yandex.ru*

**N.YA. DANILEVSKY'S THEORY OF CULTURAL AND HISTORICAL
TYPES AS THE BEGINNING OF A CIVILIZATIONAL
UNDERSTANDING OF HISTORY: RELEVANCE, CONTROVERSY,
AND ALTERNATIVENESS**

*Anatoly Ryabov,
Associate Professor of the Department of Social Sciences
Saint-Petersburg State University of Economics*

Аннотация. Теория культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского, изложенная в книге «Россия и Европа» (1869), вновь стала актуальной в контексте радикальных трансформаций современной истории. Россия как само-бытное государство-цивилизация испытывает экзистенциальные «вызовы» со

стороны Запада. Адекватные «ответы» необходимо искать в ее уникальном и богатейшем духовном наследии, частью которого является цивилизационная теория Н.Я. Данилевского. В современных условиях эта теория становится более релевантной в рамках общего философско-теологического и социально-исторического детерминизма.

Abstract: N.Ya. Danilevsky's theory of cultural-historical types, outlined in his book "Russia and Europe" (1869), has once again become relevant in the context of the radical transformations of modern history. Russia, as a distinctive state-civilization, is experiencing existential "challenges" from the West. Adequate "answers" must be sought in its unique and rich spiritual heritage, of which N.Ya. Danilevsky's civilizational theory is a part. In contemporary conditions, this theory is becoming more relevant within the framework of general philosophical-theological and socio-historical determinism.

Ключевые слова: деятельность; закон; история; культура; Н.Я. Данилевский; цивилизация.

Keywords: activity; civilization; culture; history; law; N.Ya. Danilevsky.

Причудливая траектория русской истории опять, в который уже раз за последние столетия, начиная с Петра Великого, описывает новый радикальный виток своей парадоксальной «спирали прогресса». И вновь, как это было в незапамятные времена, перед Россией, нашим самобытным государством-цивилизацией, во всей историко-культурной полноте и политико-идеологической остроте встает проблема Запада как очередной исторический «вызов», который требует новых адекватных «ответов». И «ответы» эти следует искать и находить в том числе и в творческом наследии крупнейших и уникальных русских художников, ученых и мыслителей XIX–XXI веков, которыми по праву может и должна гордиться современная Россия. Это наследие поистине грандиозно, и оно далеко еще не исчерпано и критически не освоено. Наиболее выдающиеся из этих деятелей–творцов «Русской идеи» XIX–XX веков, хотя отнюдь не все и несколько «тенденциозно», представлены в двух современных сборниках, составленных и иллюстрированных замечательным современным русским художником Ю.И. Сильвестровым и философом Г.Д. Гачевым под общим названием «Русская дума» [1;2]. И в обоих этих сборниках ярко представлен портрет Н.Я. Данилевского (1822–1885), оригинального мыслителя и публициста, теоретического наставника Н.Н. Стрехова и К.Н. Леонтьева, практически «забытого» в XX веке, но вновь ставшего актуальным в наше время, автора теории «культурно-исторических типов». Его знаменитая книга «Россия и Европа» (1869), по словам современного публициста, «произвела на современников эффект разорвавшейся бомбы», и как утверждал осново-

положник «русской идеи» Ф.М. Достоевский, есть «будущая настольная книга всех русских надолго» [5, с. 30]. Эта книга, ее отдельные положения, идеи и выводы сразу вызвали и до сих пор вызывают жаркие споры и продолжающиеся ныне ожесточенные научные дискуссии. Достаточно привести совершенно незаслуженную и чудовищную по форме ее характеристику-оценку, выраженную, правда, в частном письме, крупнейшим русским философом второй половины XIX века Вл.С. Соловьевым: «Коран всех мерзавцев и глупцов» [9, с. 11]. Поразительное, почти буквальное историческое совпадение этой ситуации можно было наблюдать через полвека в связи с выходом в свет в 1918 г. знаменитой книги О. Шпенглера «Закат Европы» и бурной на нее реакцией, в том числе и в России. Это тем более парадоксально, так как многие ее идеи, а главное — цивилизационный подход к пониманию истории, в известном смысле воспроизводят, «повторяют» и развивают интенции и интуиции Н.Я. Данилевского [7]. Поэтому не случайно к двухсотлетию со дня его рождения в Институте философии РАН была приурочена научная конференция (круглый стол), по дискуссионным материалам которой вышел чрезвычайно любопытный и насыщенный сборник докладов и статей [10]. В связи с этим обращает на себя внимание и другое обстоятельство, а именно: и новые аспекты современного отечественного восприятия неоднозначности и противоречивости идей Н.Я. Данилевского. Речь идет о двух современных переизданиях его главного труда. Одно, «классическое», практически академическое и, условно говоря, умеренно «апологетическое», было подготовлено и составлено известным историком русской философии А.А. Галактионовым (издание СПбГУ, 1995) и сопровождалось опять же умеренно положительными и «благожелательными» статьями и комментариями как самого составителя, так и видных друзей-единомышленников и последователей Н.Я. Данилевского — философа и публициста Н.Н. Страхова и историка К.Н. Бестужева-Рюмина. И другое, выпущенное в рамках «Академического проекта» в Москве в 2015 году, но уже без каких бы то ни было научных комментариев, снабженное лишь «скромным» формальным воспроизведением-переизданием двух радикально критических, по отношению к этой книге, статей конца XIX века. Соответственно, это статья-рецензия известного либерального историка и социолога Н.И. Кареева и исторический очерк знаменитого либерального политика и историка культуры П.Н. Милюкова .

Говоря далее о рецепции идей Н.Я. Данилевского его современниками, как критиками, так и последователями, следует вновь обратиться к докладам и статьям упомянутого выше юбилейного сборника. Особенно здесь нужно выделить статью К.В. Ворожихиной об отношении

Ф.М. Достоевского к Н.Я. Данилевскому и его идеям и статью О.Л. Фетисенко о влиянии и критическом развитии этих идей К.Н. Леонтьевым. При этом важно подчеркнуть, что Ф.М. Достоевский, как уже отмечалось, поначалу восторженно принял первые публикации Н.Я. Данилевского. Однако в то же время он, как сторонник радикально религиозного, христианско-православного понимания «русской идеи» и социальной истории, практически сразу выражал опасения, а в конечном счете, вообще усомнился и отчасти разочаровался в его излишне «культурологической», граничащей с естествознанием («русский органицизм») концепции. Об этом со всей очевидностью свидетельствует письмо Н.Н. Страхову от 18 (30) марта 1869 года и особенно более позднее письмо А.Н. Майкову от 9 (21) октября 1870 г. Так, в первом он пишет: «Потому еще жажду читать эту статью, что сомневаюсь несколько, и со страхом, об окончательном выводе; я все еще не уверен, что Данилевский укажет в *полной силе* окончательную сущность русского призвания, которая состоит в разоблачении перед миром русского Христа, миру неведомого и которого начало заключается в нашем родном православии. По-моему, в этом вся сущность нашего будущего цивилизаторства и воскрешения хотя бы всей Европы и вся сущность нашего могучего будущего бытия» [5, с. 30]. Однако во втором письме эти опасения переходят уже в грустную констатацию: «А другая сила была бы наша собственная вера в свою личность, в святость своего назначения. Все назначение России заключается в православии, в *свете с Востока*, который потечет к ослепшему на Западе человечеству, потерявшему Христа. Всё несчастье Европы, всё, всё, безо всяких исключений, произошло оттого, что с Римскою церковью потеряли Христа, а потом решили, что и без Христа обойдутся. Ну, представьте же Вы себе теперь, дорогой мой, что *даже в таких высоких русских людях, как, например, автор “России и Европы”* (курсив наш. — А.Р.), — я не встретил этой мысли о России, то есть об исключительно-православном назначении ее для человечества. А коли так — то действительно еще рано спрашивать от нас самостоятельности» [5, с. 146–147]. Аналогичным образом, но более радикально и критически менялось и отношение К.Н. Леонтьева как последователя и продолжателя некоторых ключевых положений Н.Я. Данилевского. От первоначального восторга и безоговорочного принятия до последующего скепсиса и умеренной критики, но уже по совершенно другим, идейно-политическим и, главное, философско-эстетическим основаниям. Это было связано еще и с тем, что, по его мнению, и Ф.М. Достоевский, и Н.Я. Данилевский были людьми одного поколения, так называемые «люди 40-х годов», фурьеристы-петрашевцы с их ненавистными для него утопически-социалистическими, либеральными (по

определению К.Н. Леонтьева) идеалами «свободы, равенства и братства», которые, так или иначе, существенно повлияли на их мировоззрение. Н.Я. Данилевский в своей книге практически проигнорировал угрозу надвигающихся уравнилельно-мещанских революций в Европе и России, угрозу, которую чутко уловил А.И. Герцен и которой более всего опасался К.Н. Леонтьев, предлагая «подморозить» это общее разложение («гниение») именно в России [8]. При этом следует обратить внимание на одно из многих, но в данном случае чрезвычайно важное, прозорливое и актуальное «пророчество» К.Н. Леонтьева, которое обнаружила О.Л. Фетисенко и которое так очевидно и катастрофически дважды реализовалось в истории России в XX веке. Речь идет о комментариях/маргиналиях К.Н. Леонтьева по поводу положения из книги «Россия и Европа» о русском национальном характере «Европа понимает, что под эту поверхность лежит крепкое, твердое ядро, которое не растолочь, не размолоть, не растворить, которое нельзя будет ассимилировать, которое имеет силу и притязание жить своею независимою, самобытною жизнью». Леонтьев подчеркивает слова о ядре, которое нельзя растолочь, и с явной горечью пишет на полях: «Своей “интеллигенции“ это очень легко сделать; а эта интеллигенция *насквозь* пока...». А по поводу «притязания жить своею независимою, самобытною жизнью» на полях Леонтьев пишет и подчеркивает даже: «*не очень-то!*», поскольку сам он таких «притязаний» не видит [11, с. 70–71].

Разумеется, проблема отношений последователей и оппонентов Н.Я. Данилевского к его теории культурно-исторических типов отнюдь не исчерпывается двумя этими примерами. Более того, на собственно теоретическую, философско-социологическую интерпретацию и критику они явно не претендуют. В этом отношении куда более показательна упоминавшаяся выше большая развернутая критическая статья 1889 года видного историка и социолога Н.И. Кареева. Любопытно, что в упомянутом уже сборнике по материалам юбилейной конференции также есть доклад-статья современного историка А.А. Тесли, которая так и называется: «Н.И. Кареев как интерпретатор Н.Я. Данилевского», однако по своему концептуальному содержанию она весьма уязвима для критики. Начать с того, что Н.И. Кареев не столько «интерпретатор» Н.Я. Данилевского, сколько его жесткий, сознательный и профессиональный критик, недвусмысленно поставивший себе задачу теоретически, во многом с позиций доминирующего в то время позитивизма, разобрать и опровергнуть претендующие на научность ключевые положения его концепции. Речь идет об отрицании последним общей теории общества и единой нити в развитии человечества, о защите им национализма в науке, о подробном, тщательном, скрупулезном анализе «зна-

менитых» законов движения или развития культурно-исторических типов. Выявив все слабости, непоследовательности и общую несостоятельность этих отрицаний и «законов», Н.И. Кареев выносит неутешительный вердикт: «Полагаем, что после всего этого можно назвать культурно-исторический тип как научное понятие, долженствующее заново перестроить историческую науку, чем-то неопределенным и противоречивым, а применение этого понятия к явлениям действительности довольно-таки произвольным» [6, с. 34]. Но нет. Как это часто бывает, история сыграла злую шутку над рецензентом: через какие-то 20 лет, уже в Германии, цивилизационный подход к истории получает новый импульс к развитию. В этой связи вызывает удивление и тот факт, что в своей обстоятельной статье Н.И. Кареев практически игнорирует одну из наиболее плодотворных и ценных идей Н.Я. Данилевского, составляющих фундамент его теории, — учение о четырех разрядах культурной деятельности, в той или иной мере *определяющих* возникновение и развитие всех 10–12 существовавших и существующих в истории культурно-исторических типов, или цивилизаций. Имеется в виду:

«1. *Деятельность религиозная*, объемлющая собою отношения человека к Богу, понятие человека о судьбах своих как нравственного неделимого в отношении к общим судьбам человечества и Вселенной, то есть <...> народное мировоззрение не как теоретическое, <...> а как твердая вера, составляющая живую основу всей нравственной деятельности человека. 2. *Деятельность культурная*, в тесном значении этого слова, объемлющая отношения человека к внешнему миру, во-первых, теоретическое — научное, во-вторых, эстетическое — художественное (причем, конечно, к внешнему миру причисляется и сам человек как предмет исследования, мышления и художественного воспроизведения) и, в-третьих, техническое — промышленное... 3. *Деятельность политическая*, объемлющая собою отношения людей между собою как членов одного народного целого, и отношения этого целого как единицы высшего порядка к другим народам. 4. *Деятельность общественно-экономическая*, объемлющая собою отношения людей между собою <...> применительно к условиям пользования предметами внешнего мира, следовательно, и добывания и обработки их» [3, с. 400]. И хотя сам Н.Я. Данилевский специально подчеркивает, что все эти виды культурной деятельности не могут быть «субординированны», но в реальной истории, в ее отдельные периоды, и особенно в современном мире, мы непосредственно наблюдаем очевидное доминирование и определяющую роль двух последних видов этой деятельности.

Таким образом, если рассматривать эти дискуссии с позиций сегодняшнего дня, то представляется, что и жесткая критика, и восторженная

«апологетика» этой теории в прошлом и настоящем оказывается именно теоретически, философски либо крайне уязвимы, либо вообще не состоятельны. Дело в том, что в них, равно как и в самой теории, отсутствуют четкие современные определения важнейших понятий и категорий философии истории и культуры. Однако при этом они повсеместно и широко, но, как правило, *произвольно* используются и истолковываются и автором, и его оппонентами. Речь идет о таких фундаментальных принципах и понятиях философии, истории и науки, как «реальность», «закон» (во всех его «ипостасях»), «причинность», она же «каузальность», «развитие», его принципы и «механизмы», «прогресс» в его линейных и нелинейных формах, его факторы, «форма», «деятельность», «общее» и «частное», «явленность» бытия и его «сущность», «небытие», «религия», «наука», «смысл» и «рациональность», «ценность», «власть» и «свобода», «революция» и др. Ну и наконец, следует иметь в виду, что и философское, и религиозное, а теперь уже и научное, или теоретическое, постижение мира начиналось и основано на поиске и определении его общих, фундаментальных принципов и причин. И прежде всего, это принципы системности, причинности и детерминизма или «детерминизм» вообще. В этом смысле можно говорить о теологическом (теизм и пантеизм); логическом или логико-идеалистическом (логос и панлогизм); естественно-материалистическом (географический, этно-демографический, психосоматический); социально-историческом (экономический и геополитический) и других формах и видах детерминизма в их современной актуальности. Отсюда вытекает и весьма проблематичный социально-исторический «телеономизм» и «телеологизм». Почему ныне так актуален именно детерминизм и детерминистский подход? Прежде всего потому, что это принцип «всеобщей связи и взаимной обусловленности» бытия (и его «определенности»?!), когда одни явления и события с необходимостью или случайно объективно вызывают («обуславливают») другие, последующие. Далее необходимо выявлять, почему и как те или иные объективные или субъективные условия определяют тотальную изменчивость бытия. Это и будет закон¹. И соответственно, все основные подходы (включая и цивилизационный) к пониманию истории и социальной реальности, бытия вообще как раз и сводятся к выявлению этих определяющих доминант, как естественных, так и сверхъестественных, если они есть. И заслуга всех представителей цивилизационного подхода, при

¹ «Законом в философии называется необходимая связь (взаимосвязь, отношение) между событиями, явлениями, а также между внутренними состояниями объектов, определяющая их устойчивость, выживание, развитие, стагнацию или разрушение. В философском смысле под законом подразумевают объективные связи явлений и событий, существующие независимо от того, известны они кому-нибудь или нет» // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. II. С. 34–36.

всей его теоретической противоречивости и уязвимости, именно в этом и состоит. Иными словами, как писал Н.Я. Данилевский: «Прогресс <...> состоит не в том, чтобы идти всё в одном направлении (в таком случае он скоро бы прекратился), а в том, чтобы исходить все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, во всех направлениях. Поэтому ни одна цивилизация не может гордиться тем, чтоб она представляла высшую точку развития, в сравнении с ее предшественницами или современницами, во всех сторонах развития» [3, с. 92].

Список литературы

1. Гачев Г. Русская Дума. Портреты русских мыслителей. М.: Новости, 1991.
2. ...Из русской думы / Сост., авт. портретов и текста «От сложителя» худ. Ю. Селиверстов; вступ. ст. В. Н. Ганичева и В. Г. Распутина. М.: Роман-газета, 1995. Т. 1, 2.
3. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. 6-е изд. СПб.: Изд-во СПбГУ, Глаголь, 1995. 552 с.
4. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. М.: Академический проект, 2015. 602 с.
5. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. XXIX, кн. 1. Письма 1869–1874. Л.: Наука, 1986.
6. Кареев Н.И. Теория культурно-исторических типов // Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. М.: Академический проект, 2015.
7. Рябов А.А., Л.К. Рябова Л.К. От «морфологии истории» к «восстанию масс»: актуальные проблемы философии истории в размышлениях и оценках западных и русских мыслителей первой половины XX века (О. Шпенглер vs Х. Ортега-и-Гассет) // Актуальные проблемы философских наук: сборник научных трудов / Под ред. С.И. Тягунова, К.А. Ермилова. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2022. С. 23–29.
8. Рябов А.А., Рябова Л.К. Проблемы развития цивилизаций в эстетическом понимании истории К.Н. Леонтьева и В.В. Розанова // Актуальные проблемы философских наук: сборник научных трудов / Под ред. С.И. Тягунова, К.А. Ермилова. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2024. С. 99–106.
9. Смолин М.Б. Русский борец с «европейничанием» // Данилевский Н.Я. Политическая философия. Дополнения к книге «Россия и Европа». М.: Изд-во «ФИВ», 2013.

10. Творческое наследие Н.Я. Данилевского: история и современность / Отв. ред. В.В. Сидорин. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. 216 с.

11. Фетисенко О.Л. Константин Леонтьев за чтением Данилевского // Творческое наследие Н.Я. Данилевского: история и современность / Отв. ред. В.В. Сидорин. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024.— С. 70-71.

12. Холмогоров Е.С. Игра в цивилизацию. СПб.: Евразия, 2020.

УДК 130.2

МЕТАФИЗИКА СВЕТА В ТВОРЧЕСТВЕ Н.А. БЕРДЯЕВА

Панфилова Марина Игоревна,

*кандидат философских наук, доцент кафедры общественных наук,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет.*

E-mail: panfi-marina@yandex.ru

THE METAPHYSICS OF LIGHT IN N.A. BERDIAEV'S WORKS

Marina I. Panfilova,

*Associate Professor of the Department of Social Sciences
Saint-Petersburg State University of Economics*

Аннотация. Традиционный для религиозно-философского сознания символ света приобретает своеобразные значения в творчестве Н.А. Бердяева. Световая символика способствует оформлению и выражению экзистенциальной метафизики познания, суждений мыслителя о природе философии, мистики, теологии, науки. Она органична авторскому стилю философа, предпочитавшего язык символов и метафор языку отвлеченных категорий.

Abstract: The symbol of light, which is traditional for religious and philosophical consciousness, takes on a unique meaning in the works of N.A. Berdyaev. The light symbolism contributes to the development of the existential metaphysics of knowledge and the philosopher's views on the nature of philosophy, mysticism, theology, and science. It is in line with the author's style, as Berdyaev preferred the language of symbols and metaphors over the language of abstract categories.

Ключевые слова: естественный свет разума; мистический опыт; Н.А. Бердяев; познание и бытие; символика света; теология и мистика.

Keywords: knowledge and existence; N.A. Berdyaev; natural light of the mind; spiritual experience; symbolism of light; theology and mysticism.

Словарь «София-Логос» определяет метафизику света как восходящий к библейским и платоническим истокам «комплекс представлений о свете: в онтологическом плане — как о субстанции всего сущего; в гносеологическом плане — как о принципе познания; в эстетическом плане — как о сущности прекрасного» [1, с. 311]. Разумеется, это самое общее определение, не раскрывающее разнообразных значений символа у Платона и неоплатоников, в патристике, схоластике, православной и католической мистике, философских системах Нового времени, в культовой архитектуре, поэзии и живописи, фотографии и кино, исследование которых вызывает все больший интерес. В числе последних крупных публикаций на эту тему — книга В.П. Подороги «Страсть к свету. Рене Декарт — становление мифа».

Традиция, имевшая солидную историю, переживала новый расцвет в русской религиозной философии начала XX века. Наиболее значительными явлениями мысли в этой области стали концепции Е.Н. Трубецкого, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского, которые, несмотря на различия воззрений, сближает представление об энергийной онтологии света, включенность в исследование идей всеединства и Софии. Своеобразные рецепции религиозных, философских и художественных традиций световой символики присутствуют в русском космизме [7].

Работы Н.А. Бердяева насыщены световыми метафорами, без истолкования которых было бы недоступно понимание его мысли. В контексте экзистенциальной метафизики они приобретают особый, собственно бердяевский, смысл. В своей последней книге «Истина и откровение» философ признается: «Свет и огонь остаются для нас великими символами, как то было у великого визионера Я. Беме» [2, с. 75]. Здесь, как и в более ранних трудах, этот символ-концепт работает во всех «планах», обозначенных в приведенном выше словарном определении, которые соединяются, по замыслу философа, в цельное живое знание. Мы обратим внимание на то, как символический язык способствует оформлению представлений о природе познания.

Подлинное философствование, согласно Бердяеву, есть занятие не отвлеченно-теоретическое, а духовно-опытное, сугубо личное, неотделимое от судьбы человека. В «Самопознании» он описал свой собственный опыт духовного пробуждения как потрясение и озарение светом. «Я пережил период сознания подавленности грехом. От нарастания этого сознания не возгорался свет, а увеличивалась тьма. В конце концов человек приучается созерцать не Бога, а грех, медитировать над тьмой, а не над светом <...> в то время как цель религиозной жизни есть преодоление подавленности» [3, с. 196]. Импульсом к «озарению» и философскому самоопределению стала встреча с

итальянским искусством во время путешествия в «страну творчества и красоты» в 1912 г. Это было больше, чем только эстетическое переживание, Бердяев свидетельствует о мистическом опыте, об «откровении творчества». Это «откровение» переживается и затем осознается как подъем всего человеческого существа к преображению, к новому бытию, а не как создание культурных продуктов. «Бердяев-мыслитель — философ свободы, антрополог-персоналист, экзистенциалист — вышел из опыта мистических подъемов — видений света», — утверждает Н.К. Бонецкая [6, с. 119].

Если в естествознании первичен позитивный опыт, то в ноуменальном познании, в гнозисе, первична реальность интуитивно-целостного духовного опыта, — таков краеугольный камень бердяевской гносеологии. Впрочем, общепринятое наименование философской теории познания едва ли здесь уместно, поскольку «гносеология» (как и «онтология») у него обычно порицаема и опровергаема. Речь идет о докантовской гносеологии, которая под познанием понимает отражение объекта в субъекте, считая бытие объектом, а субъект стоящим вне бытия. Но мысль не является зеркалом, она активна и созидательна, «познание не есть лишь отражение, оно есть творческое преображение», привнесение смысла туда, где его нет. Бытие не имеет смысла, если не осмысленно в духе: «Смысл раскрывается во мне, в человеке, и соизмерим со мной» [5, с. 246]. Когда он представляется данным извне, из объекта, он носит характер социального принуждения и выступает формой порабощения духа.

Детально развернутая в книге «Я и мир объектов» идея активности познания и его онтологической природы обобщается в ярком словесном образе: «Моя мысль первоначально чувствует себя стоящей как бы перед хаосом. Но она должна быть ясной и светоносной во тьме¹, должна вносить смысл в бессмыслицу. Когда я познаю тьму и бессмыслицу, то я вношу свет и смысл» [2, с. 253]. Путь к экзистенциальной истине — это творческий акт в бытии, «самовозгорание света в бытии». А здесь невольно приходит на ум «просвет бытия» Хайдеггера. Заметим, что «самовозгорание света» в акте познания соотносимо с первым днем творения: бытию предшествует Ungrund — добытийственный мрак безосновной свободы.

Философствование, как и художественное творчество, не довольствуется отражением феноменального мира, но устремленное к тайнам трансцендентного, по сути и целям своим религиозно. Религиозные притязания неизбежно ставят христианскую философию перед проблемой «откровение и познание». Бердяев решает ее, рассматривая откровение как богочеловеческий процесс, как диалогическое «общение» двух субъектов — Духа Святого и духа человеческого. Оно не может быть односторонне божествен-

¹ Здесь невольно вспоминается Декарт — *М.П.*

но, но предполагает активность человеческого разума. И вновь энергичные, убедительные метафоры, усиливающие пророческий стиль текста: «Откровение Бога и божественного носит универсальный характер. Но изучение света от единого Солнца совершается по ступеням, лучи Солнца дробятся, хотя и остается центральный луч. Ступени откровения соответствуют ступеням сознания, его широте и глубине. Откровение идет не только сверху, оно подготавливается и снизу. Подготовление откровения снизу, от человека, от его творческой активности означает все же всегда пронизывание человека божественным лучом, изменяющим человеческое сознание» [2, с.159]. Откровение воспринимается снизу согласно условиям места и времени, характеру общества, исторической форме его институтов. Философ даже готов признать частичную правоту Фейербаха, полагавшего, что человек творит образ Бога по своему образу и подобию.

Он дистанцируется от теологии, разъясняя ее отличие от свободного личностного богопознания. Теология характеризуется как ортодоксальная «социально-организованная, коллективная познавательная реакция на откровение». Откровение в ортодоксальных богословских учениях представляется как нечто падающее на человека извне. Это плод объективации духовной жизни, которая «есть прежде всего ослабление света и охлаждение огня», что аналогично объективации понятий в докантовской метафизике. Это распространяется и на само понятие Бога как стоящей над человеком силы и власти. «Я давно уже писал, что падшест человек выражается в выпадении Солнца из него вовне, он остается во тьме и получает свет от внешнего для него Солнца» [2, с. 210]. Подлинная духовность есть процесс, обратный отчуждению и объективации, то есть процесс преодоления катафатической теологии в мистическом богопознании. Человек призван быть «солнечным человеком, излучающим изнутри свет на мир», и это призвание вполне реализуется в грядущую эпоху Духа. Хотя и в истории христианства были ее подготовители, люди «неохлажденного огня», прежде всего так близкие Николаю Александровичу германские мистики.

Нельзя не затронуть волновавшую философа проблему «мстительной и награждающей эсхатологии», вытекающей из «судебного понимания христианства». Не Страшный Суд, а Свет, не ад, а просветление и преображение видятся ему в эсхатологической перспективе. Не анализируя содержания бердяевской теодицеи, еще раз отметим значение языковой формы и силу ее эмоционального воздействия на читателя: «Бог не будет судить мир и человечество, но ослепительный божественный свет пронизает мир и человека. Это будет не только свет, но и опаляющий и очищающий огонь. В очищающем огне должно сгореть зло, а не живые существа. И это приведет к преображению, к новому небу и новой земле» [2, с. 253]. Человек идет к этому через страдание и тьму.

В иерархии цельного знания, как и у Владимира Соловьева, науке отводится нижняя ступень. Возвеличенный в эпоху Просвещения естественный свет человеческого разума — тоже свет, но ограниченный сферой феноменального мира. Для его описания используются такие эпитеты, как «светобоязнь», «слепота», «тьма», «помрачение». Бердяев продолжает восходящую к старшим славянофилам традицию различения и противопоставления ограниченной рассудочности цельному зрению ума, просвещения секулярного просвещению духовному. «Научное познание поднимается по темной лестнице и освещает постепенно каждую ступень. Оно не знает, к чему придет на вершине лестницы, в нем нет солнечного света, смысла, Логоса, освещающего путь сверху» [4, с. 42]. Найдется немало рациональных аргументов, опровергающих сциентизм, они есть и у Бердяева. Однако невозможно не оценить убедительность этого краткого высказывания, сочетающего различные смыслы метафизики света.

Световая символика, иногда лишь проскальзывающая в описании какого-то явления, а чаще включенная в полновесный вывод из пространного размышления философа, является важной составляющей языковой личности Н.А. Бердяева и ждет дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Аверинцев С. София-Логос. Словарь. Киев: Дух и литера, 2005. 902 с.
2. Бердяев Н.А. Истина и откровение. Прологомены к критике откровения. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1996. 383 с.
3. Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М.: Международные отношения, 1990. 336 с.
4. Бердяев Н.А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1994. С. 37–341.
5. Бердяев Н.А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. С. 230–316.
6. Бонецкая Н.К. Н.А.Бердяев: мистик, гностик, экзистенциалист // Звезда. 2021. № 9. С. 252–273.
7. Елькина Е.Е. Метафизика света в философии русского космизма // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2019. Т. 20. Вып. 1. С.110–117.

К ВОПРОСУ О ФОРМАХ ЖИЗНИ В ФИЛОСОФИИ ГЕНРИХА РИККЕРТА

*Ермилов Кирилл Андреевич,
кандидат философских наук, доцент кафедры общественных наук,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет.
E-mail: kirillerm@yandex.ru*

ON THE QUESTION OF FORMS OF LIFE IN HEINRICH RICKERT'S PHILOSOPHY

*Kirill Ermilov
Associate Professor of the Department of Social Sciences
Saint-Petersburg State University of Economics*

Аннотация. В статье на основе метода сравнительного анализа рассматривается проблема концептуализации форм жизни в философии Генриха Риккерта. Указывается на ряд затруднений, связанных с данным вопросом – самопревосхождение жизни и необходимость формы для ее утверждения и познания.

Abstract: This article, using a comparative analysis method, examines the problem of conceptualizing forms of life in Heinrich Rickert's philosophy. A number of difficulties associated with this question are highlighted: the self-transcendence of life and the necessity of form for its affirmation and understanding.

Ключевые слова: бесформенность; границы; проблема утверждения жизни; самопревосхождение жизни; форма жизни.

Keywords: boundaries; formlessness; form of life; self-transcendence of life; the problem of affirming life.

В свое время Николай Бердяев заметил, что «русские совсем почти не знают радости формы» [1, с. 65]. Огромные пространства России и глубинная антиномичность русской души своей интенсивностью превосходят привычные представления о форме, структуре, организации. Зачастую придание формы в русской культурно-исторической жизни носило характер заимствования, что вело к несоответствию объема и направления творческих сил народа. Тот же русский философ утверждал, что «гений формы — не русский гений» [1, с. 65]. Томас Манн как будто вторит Бердяеву в романе «Доктор Фаустус»: «Русские

<...> обладают глубиной, но не формой. Западная молодежь — формой, но не глубиной. То и другое есть только у нас, немцев» [2, с. 154]. Здесь ирония достигает предельной точности (насколько вообще может быть точна ирония) в выявлении сущности событий и состояний общества в контексте первой половины XX века в его противоречиях культуры и войны.

Тем не менее мы могли бы отметить периоды почти органического единства формы и жизни в русской культуре, например в академической музыке и великой литературе XIX века. Таким образом, проблема соотношения формы и жизни ни в коем случае не является нерешаемой в случае России. Более того, означенные трудности свойственны не только России, а скорее связаны с восприятием и творчеством форм в различных культурах и странах в отдельные периоды их исторического развития. Положение России служит дополнительным подтверждением необходимости осмысления проблемы. Предметом осмысления должно стать специфическое соотношение формы и жизни, в котором могут быть найдены пропорции дальнейшего развития. При этом мы не должны опираться только на известные определения формы и жизни в отдельности друг от друга. Последующее соединение таких определений также само по себе результата не принесет.

В чем же заключается основная трудность в постижении феномена форм жизни? Несмотря на кажущуюся абстрактность, данный вопрос выражает насущную задачу описания организации жизненного процесса в его соразмерности с понятийной структурой, способствующей дальнейшему развитию. В качестве исходной точки обратимся к тексту одного из критиков концепта форм жизни — немецкому философу Генриху Риккерт, что позволит нам увидеть основные трудности данной проблемы. Генрих Риккерт был известен в России еще при жизни (1863–1936), оказав влияние на русскую философскую мысль.

Вопрос о формах жизни связан с выяснением возможностей проведения таких границ, которые данную жизнь усиливали бы. В обыденном представлении форма связывается с представлением о том, что жизнь ограничивает, не давая ей проявляться полностью, сковывает, зажимает ее. Действительно, в данном вопросе имеется ряд трудностей, требующих внимания и решения. Примеры безжизненной формализации, не оставляющей жизни ее силы и содержания нам доступны повсеместно. С другой стороны, бесформенность являет собой не меньшую, а зачастую, даже и большую угрозу утверждению жизни. Означенные крайности в своих противоположностях указывают на то, что отношения формы и жизни определяются через производство сущностной меры их взаимодействия. В конечном счете, форма — это то,

что дает место и возможность жизни в ее утверждении, а не останавливает развитие, в противоположность становлению.

Не значит ли это, что жизнь следует понимать в присущих ей формах? Здесь следует иметь в виду, что речь должна идти не о противопоставлении жизни (как содержания) и формы, а о связанности одного и другого. Когда же речь заходит о форме, то мы сталкиваемся с тем, что противоположно жизни в ее неопределенности. Согласно Генриху Риккерт, «всякая жизнь течет непрерывно. Форма же, наоборот, означает ограничение, она сама и есть ставимая граница. Жизнь находится в постоянном движении, форма же противопоставляет ему что-то твердое и неподвижное» [3, с. 251]. Тем не менее Риккерт указывал в этом контексте на необходимость форм для познания мира, в котором мы не можем довольствоваться «сплошным потоком жизненных содержаний», как хаосом впечатлений и неопределенностью. Как указал ещё Аристотель, «через посредство формы мы постигаем все вещи» (Met. 1010a20), [4, с. 95].

Решение данной проблемы возможно посредством сведения формы к минимуму в пользу чистого становления, почти в духе *le pur devenir* Делёза. Однако такое чистое становление привело бы не только к неразличимости копии и симулякра, но и к неразличимости жизни со своими противоположностями [5, с. 10]. Чистое становление реализовывалось бы как постоянное ускользание не только от мертвящего, но и от жизненного как такового, не являясь ни тем, ни другим. Подобную ситуацию невозможно охарактеризовать как то, что утверждает жизнь, а скорее как то, что, несмотря на парадоксальное выражение, постоянно и непрерывно находясь в становлении, существует лишь как временное ускользание от формы.

Такая минимизация формы приведет к релятивизму и постоянно-му переопределению, но не отказу от самого определения, как определения от обратного, через бесформенное. И здесь в качестве направляющего средства возникает следующий вопрос: существуют ли такие формы жизни, которые сами были бы жизнью? Жизнь в философии жизни, в частности у Георга Зиммеля, предлагается мыслить как самопревозмогающее движение, в котором заключена внутренняя, имманентная, граница и предел. «Жизнь одновременно неизменна и изменчива, навсегда запечатлена и развивается, оформлена и разрывает форму, стоит и торопится дальше, связана и свободна, кружится в субъективностях и объективно возвышается над предметами и собою. Все эти противоположности суть проявления одного и того же метафизического факта: глубочайшей сущностью жизни является то, что она простирается вовне, полагает свои границы, возвышается над собою и выходит за свои пределы» [6, с. 16–17].

Мы должны заключить здесь, что такое означенное превосходение жизни как превосходение собой себя требует границы и формы как того, без чего это превосходение невозможно в принципе. Форма, таким образом, служит материалом, средством, мотивом и даже целью жизни, по выражению Зиммеля, как «трансцендентной имманентности» самопревосхождения. Или, иначе говоря, «сущностной конституцией жизни является то, что она представляет собой непрерывный поток, но при этом остается замкнутой в его носителях и содержаниях, образующих индивидуализированные центры» [6, с. 15].

Проблема формы жизни не решается через попытку рассмотрения жизненного процесса как быстрой и постоянной смены этих форм, как внешних условий ее существований. Другими словами, речь принципиально идет о другом, не о своеобразных «контейнерах» для хранения и транспортировки объектов или продуктов жизнедеятельности. Предлагается усмотреть сущность жизни как единство становящейся формы и тождества с собой через самопревосхождение, где форма оказывается внутренним содержанием развития. Согласно Риккерт, «жизнь проникнута тем противоречием, что она может погибнуть только в формах и все же может не погибать в них, благодаря чему она превозмогает и разрушает всякую из них, какая только ею ни образуется» [3, с. 253]. Внешние формы, таким образом, служат для жизни лишь средством организации, контроля или контейнирования проявлений жизни в ее различных видах и уровнях: биологическом, психологическом, социальном, интеллектуальном, духовном. Форма в отношении жизни является, в конечном счете, собственным делом и действительностью самопревосхождения жизни. Со времен Аристотеля мы можем мыслить форму как действительность и актуализацию возможностей и материи существующего. В таком смысле форма оказывается необходимой для жизни, являясь способом ее актуализации через саму себя. Здесь следует уточнить, что внутренний характер такой деятельности не предполагает полной и исключительной закрытости живого для иного, но, в некоторой степени, предполагает то, что мы бы назвали, *продуктивной непроницаемостью жизни*. На подобный феномен указывал в свое время Николай Гартман, как на «своеобразие жизненного процесса», который «остается метафизической загадкой» [7, с. 92]. Однако такая загадка жизни, как раз и является предметом подлинно философского осмысления, в противовес расчленяющим и моделирующим методологиям попыток постижения живого.

Разумеется, вопрос о формах жизни не исчерпывается разработками и критикой, осуществленной Генрихом Риккертом. Наша задача состояла в исследовании тех вопросов, которые позволили бы обозна-

чить трудности и возможные решения проблемы форм жизни в контексте мышления означенного философа.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. 352 с.
2. Манн Т. Доктор Фаустус. М.: АСТ, 2025. 640 с.
3. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. 413 с.
4. Аристотель. Метафизика / Пер. А.В. Кубицкого. М.: Эксмо, 2006. 608 с.
5. Делёз Ж. Логика смысла. М.: Академический проект, 2011. 472 с.
6. Зиммель Г. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. 607 с.
7. Гартман Н. К основоположению онтологии. СПб.: Наука, 2003. 640 с.

УДК 1(091)

«СТРАННОСТИ» МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО МОНИЗМА К.Э. ЦИОЛКОВСКОГО

*Черных Андрей Александрович,
кандидат философских наук, ассистент кафедры общественных наук,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
E-mail: deusdrus@yandex.ru*

"STRANGENESS" OF MATERIALISTIC MONISM K.E. TSIOLKOVSKY

*Andrey Chernykh,
PhD, Assistant Professor, Department of Social Sciences
Saint Petersburg State University of Economics*

Аннотация. Цель статьи — рассмотреть философские взгляды К.Э. Циолковского. В ходе исследования применялся метод историко-философской реконструкции. Установлено, что материалистический монизм К.Э. Циолковского на момент XX в. философски несостоятелен. Материализм XX в. представ-

ляет из себя современный этап развития классической философии в лице М.А. Лифшица, Э.В. Ильенкова и др.

Abstract: The purpose of the article is to consider the philosophical views of K.E. Tsiolkovsky. The method of historical and philosophical reconstruction was used in the study. It was established that the materialistic monism of K.E. Tsiolkovsky at the time of the 20th century was philosophically untenable. The materialism of the 20th century represents the modern stage of development of classical philosophy in the person of M.A. Lifshitz, E.V. Ilyenkov and others.

Ключевые слова: атеизм; космизм; К.Э. Циолковский; материализм; монизм; панпсихизм.

Keywords: atheism; cosmism; K.E. Tsiolkovsky; materialism; monism; panpsychism.

Константин Эдуардович Циолковский, как он сам утверждал, стоял на позициях материалистического монизма. Однако в годы его жизни и деятельности (1857–1935) взгляды, излагаемые им в философской работе «Монизм Вселенной», вряд ли могли считаться актуальной ступенью развития материализма. К моменту публикации этой работы (1925) в России уже давно были известны работы А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского, Л. Фейербаха, К. Маркса, Ф. Энгельса, к тому же уже состоялись в качестве авторов философских работ такие материалисты, как Г.В. Плеханов, В.И. Ленин, Д. Лукач, уже начинал мыслить и творить молодой М.А. Лифшиц. На фоне этих имен Циолковский с его заявлением «Я — чистейший материалист. Ничего не признаю, кроме материи» [4, с. 111] выглядит в философском отношении несколько наивно.

Философская система Циолковского выглядит архаичной и для рубежа XIX–XX вв., и для середины XX в. Однако этот не вполне актуальный философ был известен в большей степени как ученый. Но этим не объясняется его ориентация на материализм, поскольку ученые естественно-научного и технического направления чаще тяготеют к позитивизму с его установками на феноменологизм, сциентизм и агностицизм. Этого не наблюдается у Циолковского. Но тем интереснее в историко-философском смысле явление Циолковского: ученый, но не позитивист¹; материалист в XX в., но не марксист.

Онтология К.Э. Циолковского

Онтология Циолковского стоит на пяти столпах, таких как монизм, материализм, панпсихизм, механицизм, атеизм. Примечательно, что в этом тезисном описании его философии обнаруживается противоречие.

¹ Однако достойна внимания и другая точка зрения по этому вопросу. См.: [3].

Монизм означает, что Циолковский признавал, что мир существует в качестве единой и единственной субстанции. Однако некоторые реплики Циолковского по поводу монизма заставляют задуматься, понимал ли он философский смысл самого термина «монизм» [См.: 4, с. 122–123].

Материализм — чуть ли не «воинственный» — выражается в признании существования материи как первоосновы всего сущего. Однако же не идет речи о вторичности духа, поскольку помимо материи Циолковский не признавал ничего. Отсюда следует, что его материализм имеет вульгарный характер. Тем не менее Циолковский позволял себе такие выражения, которые дают возможность трактовать его взгляды в идеалистическом ключе: «отзывчивость» и даже «чувствительность» всего в мире свидетельствует либо о том, что все пребывает в отношении к чему-либо, воздействует на свое окружение и изменяется; либо же что Циолковский был гилозоистом в духе Фалеса.

Панпсихизм в воззрениях Циолковского, с одной стороны, дает возможность поставить его выше в теоретическом плане (хотя и умаляет его последовательность), чем представителей вульгарного материализма; с другой же стороны, в представлениях Циолковского царит *механицизм*, который проявляется в его учении о Вселенной.

Атеизм Циолковского, который иногда подвергается сомнению [2, с. 377–378], прямо следует из материализма и никак не соотносится со специфическим гилозоизмом.

Казалось бы, одно из противоречий разрешается, если мы признаем, что «отзывчивость» и «чувствительность» представляют собой метафорическое выражение того, что все в мире способно к взаимодействию, не замкнуто в себе, а в той или иной степени открыто миру. Такое понимание приближает нас к теории отражения, но формулировки самого Циолковского не дают возможности с уверенностью утверждать, что автор «Монизма Вселенной» согласился бы с такой интерпретацией.

Но даже если допустить это, то остается другая проблема — панпсихизм Циолковского подразумевает, что каждый атом сам по себе представляет собой нечто живое. Если Спиноза признавал мышление атрибутом субстанции, а вслед за ним Э.В. Ильенков трактовал это положение в русле марксизма, понимая способность мышления как присущую не каждому явлению материального мира, а всей материи в целом, то есть субстанции, то Циолковский, проговаривая, казалось бы, похожую идею, мистифицирует ее: «Мыслит мозг, но чувствуют атомы,

его составляющие» [4, с. 123]. Тезис о том, что мыслит мозг, отсылает к XVIII в. или в лучшем случае к XIX, поскольку в XX в. крупные философы-материалисты уже понимали, что мыслит все же человек при помощи мозга, а не сам мозг. Аналогично и то, что Циолковский говорит, будто чувствуют атомы, а не то, что состоит из них. Однако современное понимание этого вопроса заключается в том, что чувствуют не атомы, а та сложная система, которая становится возможна благодаря соединению атомов в определенной структуре.

Одушевленность атомов

Циолковский отвергает антропоморфизм (то есть уподобление чего-либо жизни человека), доказывая, что не все в мире умирает так же, как человеческий организм. Однако отвергая антропоморфизм, Циолковский тут же в него впадает, но в несколько иной форме: говоря об атомах, он уподобляет их человеку, так как наделяет их способностью чувствовать. Такая странность объясняется двумя способами, каждый из которых, тем не менее, неудовлетворителен: либо 1) Циолковский антропоморфизировал атом, впад тем самым в стыдливый идеализм, так как придал атому «чувства», либо 2) Циолковский понимал различие совокупности частей и целого (горстки атомов и мыслящего мозга, составленного из атомов), но не смог ясно выразиться.

Если сравнить теорию Циолковского с «Космологией духа» Ильенкова [1], то там мышление было атрибутом материи (субстанции), в то время как у Циолковского буквально каждый атом «одушевлен». Атрибутом материи для Циолковского оказывается «чувствительность». И если всеобщий характер «отзывчивости» еще можно понять с точки зрения материализма, то всеобщность «чувствительности» следует отнести скорее к идеализму.

Вообще, стоит заметить, что если сравнить космологические работы двух материалистов, то в теоретическом плане Циолковский всегда будет отставать от Ильенкова, поскольку Циолковский придерживается уже в его время утратившего актуальность философского учения, в то время как Ильенков стоит на позициях классической философии. Примечательно, например, то, что у Циолковского откуда-то есть уверенность в том, что в космосе есть высшая форма жизни, чем человек, в то время как Ильенков философски обосновывает, что это не так.

Рассуждая о смерти, Циолковский пытается найти утешение при помощи «чувствительности» атомов, заключающееся в том, что в будущем после смерти человека атомы вновь составят часть живого разумного существа. Однако, опять же, это чистый механицизм. Кроме

того, Циолковский ищет это утешение в том, что атом будет жить (до которого, в сущности, человеку нет никакого дела), а то, что наступает смерть индивида, Циолковский не считает чем-то важным. Другими словами, пытаясь внушить оптимизм по поводу смертности индивида, Циолковский высказывает идеи, которые сводятся просто к тому, что атомы продолжают свое существование, поскольку это соответствует их природе. По итогу, попытка утешения человека приводит к тому, что следует относиться к смерти с равнодушием. Ильенков же, находясь на более высокой ступени развития материализма, предлагал значительно более адекватную мысль, которая, правда, тоже несколько фантастична [5].

В завершение нужно сказать, что диалектика, которой нет места в материализме Циолковского, привносит в вопрос о смертности человека ясность. Утешение не в том, что какая-то часть человека после его смерти будет «жить» дальше, а в том, что бессмертие заключено вообще не в материальном, а в идеальном: не в атомах, а в идеях людей.

Список литературы

1. Ильенков Э.В. Космология духа // Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. С. 415–437.
2. Казютинский В.В. Космическая философия К.Э. Циолковского // Русский космизм: Н.Ф. Федоров, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский / Под ред. А.Г. Гачевой, Б.И. Пружинина, Т.Г. Щедриной. М.: Политическая энциклопедия, 2022. С. 374–392.
3. Рыбас А.Е. Теория «вселенской атомократии» К.Э. Циолковского в контексте идей русского эмпириокритицизма // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2020. № 3(29). С. 94–108.
4. Циолковский К.Э. Монизм Вселенной // Воля Вселенной. М.: АСТ, 2022. С. 110–144.
5. Черных А.А. Марксистская космология Э.В. Ильенкова. Борьба мыслящей материи за жизнь Вселенной // Философские чтения в СПбГЭУ: Сб. ст. XVI теоретического семинара и XI международной научной конференции, Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2023 года. СПб.: СПбГЭУ, 2024. С. 200–209.

ДВЕ СТУПЕНИ «ПАЙДЕЙИ»: ВОСПИТАНИЕ СТРАЖЕЙ И ПРАВИТЕЛЕЙ В ДИАЛОГЕ ПЛАТОНА «ГОСУДАРСТВО»

Власкина Наталия Сергеевна
магистр кафедры «Философии, религиоведения и педагогики»
Русская христианская гуманитарная академия
имени Федора Михайловича Достоевского
E-mail: vlaskinans@list.ru

TWO STAGES OF PAIDEIA: THE EDUCATION OF GUARDS AND RULERS IN PLATO'S REPUBLIC

Natalia Vlaskina

Master of the Department of Philosophy, Religious Studies and Pedagogy
The Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky

Аннотация. Статья посвящена анализу различий в воспитании стражей и правителей в концепции пайдейи, представленной в диалоге Платона «Государство». На основе сравнительного анализа текста показано, что при воспитании стражей используются авторитарные методы и формируется мнение, тогда как пайдейя правителей, использующая диалектику и свободу, ведет к истинному знанию. Делается вывод, что две ступени пайдейи не противоречат друг другу, а представляет собой иерархическую структуру восхождения от мнений к знанию.

Abstract: This article analyzes the differences in the formation of Guardians and Rulers within the concept of paideia presented in Plato's dialogue, The Republic. A comparative analysis of the text demonstrates that the education of the Guardians employs authoritarian methods to form opinion, whereas the paideia of the Rulers, which uses dialectic and freedom, leads to true knowledge. The article concludes that the two stages of paideia are not contradictory but rather constitute a hierarchical structure of ascent from opinion to knowledge.

Ключевые слова: пайдейя; Платон; арете; воспитание; диалектика; знание; мнение.

Keywords: paideia; Plato; arete; education; dialectic; knowledge; opinion.

Особый интерес в современном научном дискурсе к феномену «пайдейи» связан с работами В. Йегера, взявшего на себя труд развести «образование» и «культуру», понимая под последней стремление к идеалу человека, к тому, каким он должен быть [6, с. 162]. По мнению

Йегера, древние греки первыми сделали этот идеал формообразующим принципом общества [3, с. 16], а пайдейя стала не просто целью, но и средством для ее достижения [6, с. 162]. Все это стало возможным, благодаря тому, как отмечает Феохарий Кессиди, что древнегреческая культура была проникнута гуманистическим духом [4, с. 6]. Сама этимология слова, происходящая от древнегреческого глагола παιδεύειν, что означает «вскармливать, воспитывать», подчеркивает идею целенаправленного формирования личности. Можно было бы сказать, что «пайдейя» сочетает в себе одновременно и образование, и воспитание, «и как это воспитание, так и это обучение включает цель в самих себе» (Arist. Pol. 1338a 10) [1, с. 631], то есть «воспитание человечности человека» [7, с. 73]. Традиционно она воспитывалась определенными средствами: так как культура древних греков была укоренена в поэзии, то формирование личности происходило на основе литературных произведений, как писал Ксенофан: «Искони по Гомеру поскольку все обучались» [12, с. 171]. Так формировалась арете, то есть добродетель, концепция которой не была монолитной: ее содержание варьировалось в зависимости от исторического периода и культурного контекста. Так, например, у Гомера арете выражена в «аристократической этике — любви к славе» [5, с. 30], а спартанская арете в коллективном героизме ради отечества.

В учении Платона о пайдейи предыдущие представления и способы воспитания арете не отвергаются, но при этом кардинально меняется направленность воспитания: акцент смещается с героических качеств на развитие разума и «стремление к мудрости» (Plat. Resp. 521b). Главная цель обучения теперь подлинное знание, которое отличается от мнения и от знаний различных наук. Науки Платон определяет как: «яснее, чем мнение, темнее, чем знание» (Plat. Resp. 533d) [8, с. 330]. Образно все это представляется в виде линии, разделенной на две части, где каждая часть еще поделена таким же образом. Одна часть означает род видимого, другая — мыслимого. Другое образное представление выражено в мифе о пещере. Узники, с рождения прикованные оковами и принимающие за реальность лишь тени, отражающиеся на стене (Plat. Resp. 514a-b) — это те, кто живут во мнениях. Кто смог освободиться от оков и выйти из пещеры, увидеть подлинный мир и посмотреть на солнце — это те, кто постиг подлинное знание. Так Платон разводит умопостигаемое, которое связано с истиной, и чувственно воспринимаемое. Платон строит свою систему образования на основополагающем понятии истины, на достижении истины путем рационального познания [8, с. 330].

В диалоге «Государство» можно увидеть две ступени образования, отражающие постижение подлинного знания, и они связаны с разделением на сословия в представляемом Платоном обществе: стражи и правители. Их воспитание, как оно представлено в тексте, различается как по содержанию передаваемых знаний, так и по самому педагогическому процессу.

Стражи получают общее образование, схожее с тем, какое уже было на тот момент у древних греков. Иными словами, философия Платона в данном аспекте выступает не как разрыв с традицией, а как её теоретическое обобщение: он придал форму и философское обоснование уже существовавшим в греческой культуре социальным и воспитательным практикам. Платон предлагает воспитывать стражей, давая им мусическое воспитание и гимнастику. Гимнастика предназначена для образования тела, а мусическое — для образования души. Важно отметить, что воспитание души (мусическое) у Платона предшествует воспитанию тела (гимнастика), подчеркивая важность духовного над телесным, ведь «добрая душа собственной силою доставляет возможно наилучшее тело» (Plat. Resp. 403d) [9, с. 147]. Платон часто подчеркивает важность души над телом, так, например, в восьмом письме друзьям Диона, где он дает совет по поводу государственного управления, он пишет, что «в ваших законах вы должны выше всего ставить совершенство души, на втором месте — совершенство тела, так как оно стоит ниже души» (Plat. Epist. 355a) [10, с. 471].

Как замечает Ирина Александровна Протопопова, при обучении стражи воспитатель предстает ханжой и тираном, действующим через запреты и предписания [11, с. 314]. Действительно, Сократ предлагает и отбрасывать мифы, в которых в неподобающем виде изображают богов, и переделывать поэзию: «мы вычеркнем эти и подобные им стихи, и не потому, что они непоэтичны и неприятны большинству слушателей, нет, наоборот: чем более они поэтичны, тем менее следует их слушать и детям и взрослым, раз человеку надо быть свободным и больше смерти страшиться рабства» (Plat. Resp. 387b). Иными словами, педагогическая стратегия для стражей сводится к следующему: к цензуре вредного примера и к поощрению подражания полезному, и процесс воспитания строится на диктате.

Из стражей выбираются те, кто должен будет начальствовать над всем в полисе. Так как стражи, по мнению Платона, должны чтить богов и быть «божественными, сколько это возможно для человека» (Plat. Resp. 383c) [9, с. 314], то правители — это лучшие из лучших людей. Изначально они получают то же образование, что и стражи, но на этом их процесс воспитания не заканчивается, как пишет Платон: «нашим

делом будет заставляя лучшие натуры учиться тому познанию, которое мы раньше назвали самым высоким, то есть умению видеть благо и совершать к нему восхождение» (Plat. Resp. 519d), ведь только людям разумным «надо поручать управление» (Plat. Leg. 689e) [10, с. 140-141]. После отбора наиболее способных, будущие правители приступают к следующему этапу обучения, который начинается с математики, арифметики, геометрии, астрономии, музыки, что Платон считает пропедевтикой к пониманию нематериального мира. Затем они переходят к вершине познания — диалектике, что является искусством восхождения от множества частных явлений к единому и идее Блага. «Те науки, — говорит Сократ, — которые были преподаны порознь, <...> должны быть подведены под один обзор, показывающий взаимное сродство учебных предметов и отношение их к природе сущего» (Plat. Resp. 537c) [9, с. 334].

Диалектика должна показать закон развития всех познаний, приобретаемых науками. Таким образом, она есть метод познания. Сократ следующим образом описывает диалектический метод в «Государстве»: диалектика идет путем, «возводя предположения к самому началу, чтобы утвердить их, и око души, закрытое действительно в какую-то варварскую грязь, понемногу извлекать из нее, чтобы, пользуясь содействием и возбуждением рассмотренных нами наук, направлять его ввысь» (Plat. Resp. 533d)[9, с. 330]. В отличие от первой ступени воспитания, предназначенной для стражи, правителям не дается знание в готовом виде, воспитанники должны прийти к нему самис помощью диалектики, и в конечном итоге самые способные смогут «различить одну идею, повсюду пронизывающую многое» (Plat. Soph. 253e)[8, с. 333] и «постичь то, что вечно тождественно самому себе» (Plat. Resp. 484b)[9, с. 264].

Иначе, чем у стражей, построен процесс воспитания правителя. Задача такого воспитателя — пробудить душу, сняв с нее оковы, чтобы та могла выбраться из пещеры и созерцать солнце. Роль воспитателя не в том, чтобы «вложить в человека способность видеть — она у него уже имеется» (Plat. Resp. 518b), а в том, чтобы верно направить. Предлагается это делать «не насильно, а играючи» (Plat. Resp. 537a), ведь, как утверждает Платон, «насильственно внедренное в душу знание не прочно» (Plat. Resp. 536e). Изображая такой образ воспитателя, Платон делает явный и трагический намек на судьбу своего учителя. Тот, кто пытается освободить сограждан от оков невежества, рискует быть уничтоженным ими же: «кто принялся бы освобождать узников, чтобы повести их ввысь, того разве они не убили бы, попадись он им в руки?» (Plat. Resp. 517a). Таким образом, в воспитателе, который ведет к под-

линному знанию, угадывается образ самого Сократа, что «приставлен к городу как овод к лошади» (Plat. Apol. 31a), не дающий покоя людям, и с которым афинский полис поступил самым радикальным образом. Сократ отрицает власть и отрицает понятие авторитета, включающее в себя поэтов, родителей и семейные ценности, власть отцов над детьми, социальные конвенции, идеологию успеха в античном ее понимании, и даже богов в вульгарном их понимании — всех тех и все то, что претендует на какое-то знание и незыблемость [2, с. 150], но таковым не являясь. Таким образом, подлинное знание достигается в результате игры и свободы.

Все выше сказанное можно соотнести с мифом о пещере и, соответственно, с представлением о знании. Способ воспитания, построенный на диктате и направленный на воспитание стражи, соотносится с нижней частью сущего, связанной с отражениями и призраками [11, с. 151], верхняя часть, связанная с постижением знания, соотносится с воспитанием правителей. Таким образом, пайдейя в диалоге «Государства» представлена в виде развития человека, от получения мнений из общества и культуры (что такое «справедливо и хорошо, у нас с детских лет имеются взгляды, в которых мы воспитаны под воздействием наших родителей, — мы подчиняемся им и их почитаем» (Plat. Resp. 538d)) до постижения истины и Блага самого по себе, что есть целостный процесс переориентации души, ее разворот от мира изменчивых теней к созерцанию вечной истины.

Анализ пайдейи в «Государстве» выявляет двухуровневую систему, в которой авторитарная педагогика и метод свободного поиска не столько противоречат, сколько дополняют друг друга в рамках единой пайдейи. С одной стороны, формируется стража с правильным мнением, и, с другой стороны, из этой среды отбираются единицы способные к следующей ступени пайдейи — к познанию истинного знания с помощью диалектики.

Список литературы

1. Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 830 с.
2. Галанин Р.Б. Две стратегии воспитания: софистическая и сократическая // Платоновские исследования, 2019. №11.2. С. 137-152.
3. Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека Т. 1. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2001. 593 с.
4. Кессиди Ф. Х. От мифа к логосу: Становление греческой философии. СПб.: Алетейя, 2003. 360 с.

5. Марру А.-И. История воспитания в Античности (Греция). М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1998. 425 с.
6. Мочалова И. Н. Субъект воспитания в Афинах iv века до н.э.: идеалы и практика // Платоновские исследования, 2024. №20.1. С. 161-179.
7. Муравьев А. Н. История философии и образование духа в прошлом, на стоящем и будущем // Вестник СПбГУ, 2014. №17.4. С. 67-76.
8. Платон. Парменид, Кратил и другие диалоги. СПб.: Наука, 2014. 550 с.
9. Платон. Государство; Диалоги; Апология Сократа. М.: Эксмо, 2025. — 736 с.
10. Платон. Законы, послезаконие, письма. СПб.: Наука, 2014. — 517 с.
11. Протопопова И. А. Сократ-гибрист и «философия кротких»: «Пир» и «мусический логос» в «Государстве» (376с-403с) // Платоновские исследования, 2016. №5.2. С. 137-153.
12. Фрагменты ранних греческих философов Ч. 1. М.: Наука, 1989. 576 с.

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

НАУЧНАЯ СЕССИЯ
профессорско-преподавательского состава,
научных сотрудников и аспирантов
по итогам НИР за 2024 год

Сборник научных трудов

Под редакцией С.И. Тягунова, К.А. Ермилова

Верстка Л.А. Солдатовой

Подписано в печать 29.12.2025. Формат 60×84 1/16.
Усл. печ. л. 6,75. Тираж 500 экз. Заказ 953.

Издательство СПбГЭУ. 191023, Санкт-Петербург,
наб. канала Грибоедова, д. 30-32, лит. А.

Отпечатано на полиграфической базе СПбГЭУ